детектив · фантастика · приключения

ИСКАТЕЛЬ

2/2011

Искатель, 2011 №2

Станислав Родионов, Алексей Шолохов, Владимир Лебедев

Аннотация
ИСКАТЕЛЬ 2011. № 2
Содержание:
Станислав РОДИОНОВ. КОГТИ СУДЬБЫ
- О себе
- ЧАСТЬ 1
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
- ЧАСТЬ 2
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8

Глава 9
Глава 10
ЧАСТЬ 3
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
ЧАСТЬ 4
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
ЧАСТЬ 5
Глава 1
Глава 2
Глава 3

Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Алексей ШОЛОХОВ. ОДИН ЗВОНОК
Владимир ЛЕБЕДЕВ. КРОВЬ НА АЛМАЗАХ
INFO

Аннотация

«ИСКАТЕЛЬ» — советский и российский литературный альманах. Издаётся с 1961 года. Публикует фантастические, приключенческие, детективные, военно-патриотические произведения, научно-популярные очерки и статьи. В 1961–1996 годах — литературное приложение к журналу «Вокруг света», с 1996 года — независимое издание.

В 1961–1996 годах выходил шесть раз в год, в 1997–2002 годах — ежемесячно.

ИСКАТЕЛЬ 2011
№ 2

детектив · фантастика · приключения

ИСКАТЕЛЬ

ежемесячный литературный журнал издается с 1961 года

2/2011

(385)

2011

*

© «Книги «Искателя»

Содержание:

Станислав РОДИОНОВ
КОГТИ СУДЬБЫ
повесть

Алексей ШОЛОХОВ
ОДИН ЗВОНОК
рассказ

Владимир ЛЕБЕДЕВ
КРОВЬ НА АЛМАЗАХ
историческое расследование

Станислав РОДИОНОВ
КОГТИ СУДЬБЫ

Станислав
РОДИОНОВ
КОГТИ СУДЬБЫ

О себе

Объективные данные: лет мне двадцать восемь, сезонный рабочий в геологических экспедициях, восьмой год выезжаю в поле. Бью шурфы, делаю зачистку, рою канавы... Зарабатывал деньги на строительство квартиры, уже заработал. Окончил заочно юридический факультет университета, в июне защитил диплом и с сентября определен следователем в районную прокуратуру. Физически и психически здоров. Ношу очки. Особые приметы: слегка занудлив.

Субъективные данные: несовременен, или, выражаясь попросту, дурак, ибо много лет отыскивал истину. Сосед по дому, залезая в свой «Бентли», определил ее в секунду: истина — это автомобиль, секс и выпивка. С каждым годом своей жизни я убеждался, что ни истина, ни справедливость, ни правда людей не интересуют. Они живут как живется, уповая на судьбу. И правильно делают, потому что наша жизнь зависит не от возраста и карьеры, не от президентов и олигархов, не от цен на баррель нефти, не от пятен на солнце и не от мирового потепления...

Жизнь человека зависит от его судьбы. Она

управляет. Земной шар один, мир один, человечество одно... И судьба одна? Нет, одной судьбе с миллиардами людей не управиться, поэтому судьба бывает горькой и сладкой, несчастной и счастливой, легкой и тяжелой, безрадостной и завидной... А после того, о чем я расскажу, я добавляю: судьба бывает когтистой.

Одни моей истории не поверят. Вторые найдут ей рациональной объяснение. Третьи усмехнутся — мистика. Но есть и четвертые...

ЧАСТЬ 1

Глава 1

Я хотел, чтобы моя жизнь состояла из приключений — интеллектуальных и действенных. Ушлые ребята объясняли, что романтикой зовется недвижимость, доллары, иномарки и зарубежные туры...

Как же нет романтики, если я сижу на кварцитовом валуне, где-то на границе Сибири и Казахстана, а у моих ног шуршит степь? Желтая сухая трава, как скошенная солома... Ни деревца, ни кустика, лишь редкие и мелкие сопки.

Как же нет романтики, если передо мной десятиместная палатка — белая, словно отмоченная в стиральном порошке, а ведь в начале сезона зеленела, как сделанная из малахита? Другая, четырехместная, палатка тоже светленькая. И кроме этих палаток на сто километров вокруг ни селений, ни людей. В сущности, четверо мужчин и одна девушка были заброшены на необитаемый остров. Мужчины рыли в четвертичных отложениях шурфы, добираясь до коренных пород. Повариха готовила на костре еду. Мужики

спали в десятиместке, повариха вместе с флягами и котлами обитала в четырехместке. Воду и продукты привозили раз в неделю. Тогда же приезжал и геолог, обмерял выработки и увозил образцы пород.

Жили мы дружно. Вместе работали не один сезон. Разумеется, каждый имел свои индивидуальные черты, которые мы как бы оставили в городе, — тяжелый труд и общая цель сплотила нас и нивелировала характеры.

Тридцатое августа. Мы не работали. Завтра утром за нами придет машина, и наш лагерь перестанет существовать — полевой сезон закрыт. У нас, у временных рабочих, кончился договорной срок. Мне надлежало явиться в прокуратуру и приступить к работе следователя, Макарыч устроился на новое место, у Эдика кончился отпуск, Алексея ждал гараж, Петра никто не ждал, ну а повариха... На кого же ей готовить?

— Прошу на обед! — тонким, но приказным голосом крикнула она.

Тонкая, как и ее голосок, невысокая, черноброва-черноока и полузакрыта распущенными черными волосами. Как ей удавалось содержать их здесь в чистоте? На совет постричься она отвечала, что мужчинам нравятся женские волосы

до плеч. Мне же больше всего нравилось ее имя — Катя Голубева.

— Прощальный обед? — спросил кто-то.

— Прощальным будет ужин, — поправила Катя.

Не прощальный обед, но последний. Стол у нас был под открытым небом — крепкий и простой. На четырех врытых в землю столбиках положены четыре доски, застеленные клеенкой. Разговоры за едой всегда заводил Макарыч. Он был постарше нас, да и посолиднее: приземист, лыс, медлителен, словно его сделали из дерева. Но, главное, пожалуй, в его внешности — хитрый прищур глаз.

— Катя, хочешь, угадаю меню твоего обеда? — спросил он.

— Ну, — отозвалась повариха.

— На первое — суп перловый со свиной тушенкой...

— С говяжьей.

— На второе — перловая каша с говяжьей тушенкой.

— Со свиной...

— На третье компот из сухофруктов.

— Кисель из концентрата.

С этими киселями у нее была морока: они

получались такими густыми и плотными, что приходилось их не по кружкам разливать, а раскладывать по мискам, разрезав на прямоугольные брусочки.

— А я бы съел кусок фаршированной индейки, — заявил Эдик.

— Фаршированной чем? — захотела узнать повариха.

— Разумеется, фисташками.

Эдик высокий, рыжий, и тоже, как и я, в очках. Подвизается в науке: не то лаборант, не то аспирант. Весь полевой сезон с него сползала тоненькими лохмотьями красная, сгоревшая на солнце кожа.

— Если ты хочешь фисташек, то я желаю салат из морских коньков, — сообщил Алексей, то есть Леха.

— Почему именно из коньков? — удивилась Катя.

— Дело в том, что у морских коньков потомство вынашивает самец.

Дело в том, что у Лехи нелады с логикой, да и с характером не все ладно: безволен, как обвисший мокрый брезент палатки после дождя. Или как его прямые выгоревшие волосы, висевшие по-женски почти до плеч. Они почему-то влаж-

но блестели, отчего Леха походил на мокрого петуха.

— Пивного бы супчику, — вздохнул Петр.

— Таких не бывает, — почти сердито бросила ему Катя.

— Если и не бывает, то бутылочку пивка всегда можно прикупить.

Социальное положение Петра Яичкина было невразумительным — то ли мелкий предприниматель, то ли бомж. Скорее, ближе ко второму. Лицо его окаймляла пегая бородка, смахивавшая на куст перекати-поле, откуда слегка таращились удивленные глаза, будто он видит то, что никому не видно.

— Щец бы кислых, — буркнул Макарыч.

— Капуста только морская в консервах, — отозвалась повариха.

Мы обедали, а за нами наблюдал с ближней сопочки тарбаган, живший там в желтой норе. Обычно он глянет и скроется. Теперь же зверек стоял рыжим столбиком, уложив лапки на светлой груди, будто чувствуя, что мы скоро уедем.

Как правило, наш обед укладывался примерно в полчаса. Но в последний день он затянулся: словно английские джентльмены после обеда за чашкой кофе и сигарой, мы болтали за миской

киселя.

— Корячились с лопатами и ломами... Не проще ли было бурить, — продолжил Эдик давно начатый разговор.

— Получили бы керн, а нужно проследить залегание пластов, простирание, углы падения... — заметил Макарыч.

— Экскаватором можно рыть, — заметил Леха.

Я возразил:

— Здесь — то мягкий суглинок, то каменный останец.

— Руководства крепкого в стране нет: строили-строили коммунизм, а построили общество потребителей, — сделал политический вывод Эдик.

— Аллигаторы виноваты, — добавил Петр.

Поскольку его мысль никто не понял, то за столом поти-шело. Петр спохватился:

— Я хотел сказать: не аллигаторы, а олигархи.

— Говорят, что один олигарх объявил голодовку, — вспомнил Леха.

И тогда Эдик сделал второй политический вывод:

— Со временем вся власть перейдет к олигархам, и страной будет править Олигарх.

Мужчина должен интересоваться политикой.

Она, как локомотив, тащит за собой интерес ко всему, а значит, интерес к жизни. Мне нравилось, что ребята говорят о политике. Это лучше, чем о бабах-то и о футболе... Люди, презирающие политику, равнодушны: им неинтересно, что было; им неинтересно, что будет; а им лишь интересно то, что есть.

— Живем глупо, потому что перенимаем все чужое, — сказал Макарыч.

— Да, никакой самостоятельности, — подтвердил я.

— Фильмы клепаем по голливудской колодке. Наши актрисы научились у ихних соревноваться, у кого было больше мужей, — поделился мыслями Леха.

— Морковку из Израиля возим, — вмешалась Катя.

— А биг-маки? — встрепенулся Петр. — В рот не лезут, а жуем.

— Скоро разрешат торговлю наркотой и однополые браки, — убежденно заверил Эдик.

Тарбаган скрылся в своей норке. Нам пора было собираться.

Глава 2

Палатки не трогали: нам еще спать в них в последнюю ночь. И стол потребуется для прощального ужина. Паковали все, что пакуется. Лагерь стал походить на цыганский табор — только без лошадей: вьючные ящики, ящики с образцами пород, ящики с остатками крупы и тушенки... Личные рюкзаки, рулоны кошмы, шанцевый инструмент, какие-то ведра, банки...

Вышла заминка с отходами. Как экологически просвещенные, оставить их после себя мы не могли. Невдалеке, в распадке, темнел сруб брошенного колодца, глубокого и наполненного черной жижей. Вроде бы лет десять назад его соорудили военные в поисках воды. Кто-то предложил свалить наши отходы туда, но таскать было далековато, поэтому решили вырыть яму и все закопать.

Работалось нам легко, неспешно и весело. Не грунт долбить ломами. Частые перекуры и свободная болтовня... Я узнал, кому чего летом не хватало. Макарычу — бани с парной, Эдику — компьютера, Лехе — женской ласки, Петру — пива, Катерине — специй, мне — книг...

Когда сухие травяные пучки отбросили на землю щетинистую тень, мы сняли робы, умылись, переоделись и сели за стол. За праздничный...

Те же алюминиевые миски-ложки, те же эмалированные кружки, та же Катя, дежурно семенившая за нашими спинами, но стол был украшен бутылками водки. Они, похоже, конфузились, будто попали не в свою компанию. Ведь шесть бутылок, на каждого по одной, включая Катю. Многовато для непьющей, в принципе, компании. Мы не первый сезон блюли закон — не пить и не материться.

Зачин выпал на долю Макарыча, как на старшего по возрасту:

— Ребята, с окончанием полевого сезона! Соскучился я по дому: на чужой сторонушке не хватает родной воронушки.

Мы выпили. Катя таки расстаралась: из риса и консервированной горбуши сделала рыбный плов. Разговор за жизнь начался сразу после первого глотка водки. Петр не утерпел, обратившись ко мне, как к будущему работнику прокуратуры:

— Сергей, а ты знаешь, что я судим?

— За что же?

— Наверное, за кражу пива, — ответил за меня Леха.

— Не угадал, — Петр поморщился.

— Значит, за кражу водки, — не унимался Леха.

— Бери выше, — посоветовал Петр.

— Неужели за коньяк? — взял выше Эдик.

— Опять мимо.

— Банк, что ли, грабанул? — попробовал догадаться Мака-рыч.

— Ребята, я судим за убийство, — гордо признался Петр, оглаживая бородку.

— Какой из тебя убийца, — выразил я общее сомнение.

— Кого же ты убил? — все-таки уточнил Алексей.

— Лошадь, принял за лося.

Мы посмеялись. Посреди стола высилась сооруженная поварихой в качестве букета копна чабера, который рос на всех сопках: его вольный степной дух перебивал и запах водки, и аромат рыбного плова. Я смотрел на ребят: и возмущались мы, и ругались, и обзывались, а ведь в городе буду вспоминать их с необъяснимой тоской. Они начали считать, кто сколько заработал. Выходило поменьше, чем у олигархов. Леха сказал:

— Деньги любят удачу. Молодой парень работал хирургом по мертвякам — трупы вскрывал. Дело

тяжелое, отвратное и не денежное. Сергей, как будущий следователь, подтвердит... Парню все талдычили: бросай ты это грязное дело. Невеста от него ушла. И что в осадке? Вскрыл он какой-то труп и в желудке нашел бриллиант, оцененный не в один миллион долларов.

Пришло время баек. Мы любили вечерами потравить их у костра. Кто что вспомнит. Это было интереснее, чем слушать по приемнику эстрадный концерт с пошлыми шутками.

— Как к будущему следователю, — заговорил Эдик. — Сергей, говорят, что спецслужбы выводят таких птиц, у которых раздвижные клювы служат передатчиками.

— Ага, колибри, — подтвердил я.

Мне было известно, откуда у Эдика интерес к шпионажу. Он сочинял детектив с длинным названием «Цвет крови на топоре палача». Как к будущему следователю подверстал вопрос и Петр:

— А правда, что каждый наш разведчик имеет при себе яд под названием «тещина слюна»?

Макарыч исправно исполнял обязанности виночерпия. Наливал часто, но по чуть-чуть. Вопросы ко мне, как к будущему следователю, он прервал?

— Ребята, лучше послушайте притчу. За пожилым мужиком пришла смерть и говорит: «Пора тебе отвечать за грехи». Мужик говорит, что нет за ним грехов. Смерть удивилась: «Пил небось?» Нет. «Воровал?» Копейки не взял. «От жены гулял?» Ни в коем случае. «Дрался, матерился?» Никогда. «Бездельничал?» Ни единого дня. Смерть задумалась: «Рано тебе умирать — ты еще не жил».

Макарычева притча не пришлась — такие замысловатые байки под водку не идут. Ради отвальной повариха вместо дежурного киселя организовала кофе, растворимый, с сахаром. Она хлопотала, бегая от костра к столу. Но наши разговоры слушала, всегда ими интересуясь. И доказала интерес слегка удивленными словами:

— А еще мужики!

— Что такое? — сильно удивленными словами спросил Макарыч.

— О чем говорите? О ерунде.

— А надо о чем? — заинтересовался Эдик.

— Когда мужики выпивают, то говорят о женщинах.

— Правильно, о бабах, — хохотнул Петр.

— О любви, — поправила Катя.

Глава 3

Если о судьбе... Мы в конце жизни ее оцениваем как единое целое. Удалась — не удалась... А ведь судьба слагается из судьбинушек, как вязание из петелек. Судьба управляет жизнью через наши поступки. Я вот думаю: не встрянь Катерина в наш разговор с этой самой любовью, судьба бы сделала иной поворот...

— Выпьем за любовь! Хотя что за штука — хрен ее знает, — выдал тост Макарыч.

Кружки мы опрокинули дружно и запили кофе. Ну, и поели рыбного плова. А Макарыч к своему тосту имел довесок в виде байки:

— Умерла у мужика супруга. А жили они так: то она посуду бьет, то его по щекам. Он ее ругань с неприличными выражениями записывал на магнитофон для разводного суда. Похоронил, вернулся домой, включил магнитофон, где она его поносит вдоль по проспекту. Сидит, слушает и плачет. Ну?

— Спохватился, — критикнул мужа Эдик.

— Он выпил на поминках, — догадался Петр.

— Любил жену сильно, — не согласилась Катерина, подсевшая к столу.

— У него выходил стресс, — предположил Леха.

— Любовь и есть стресс, — подвел я психологическую основу.

Меня охватило почти наслаждение. Не от разговоров, не от алкоголя, не от общения с ребятами. От запаха. Над столом мешался аромат чабреца с дымком костра. Этого бы запаха привезти домой в город... Берут же криминалисты запахи для отыскания преступника... На практических занятиях мне это делать приходилось.

Глотнув из чашки, Леха сообщил:

— Я тоже знаю случай... Молодые супруги жили да поживали. Только стала жена за мужем замечать моменты. То с работы поздно придет, то в субботу смоется. Чувствует тайну. К ментам ведь не пойдешь. Надумала последить за ним самостоятельно. И увидела, как муж вышел из магазина с дамой. Держит под руку, ее продуктовую сумку несет... Любезность под завязку. Он проводил даму до дома, зашел с ней в квартиру... А как вышел обратно, попал в разъяренные лапы жены. Он супругу осадил вопросом, умеет ли она хранить тайны. И признался, что в свое время убил мужа этой дамы. Теперь обязан помогать ей до пенсии. А то она заявит, что он — убийца. Вот такой кренделек!

— И все? — спросил Эдик, чувствуя, что у байки нет финала.

— Нет, не все, — подтвердил Алексей. — Жена к этой даме наведалась в целях подтверждения мужниной информации. А у дамы какой-то тип сидит по-домашнему, ейный супруг оказался — живой и здоровый. Ну, бедная женщина вернулась скорей домой и давай выводить мужа на чистую воду. А он объяснил, что убил первого мужа, а в квартире сидит уже второй.

— И верно, крендель, — согласился Макарыч.

— На всякий случай надо было и второго грохнуть, — высказался Эдик.

— Никого он не убивал, а эта дама была его любовница, — догадалась Катя.

— И на хрена он тогда пинал балду? — спросил Петр.

— Не признаваться же ему супруге, что завел любовницу, — объяснила повариха.

Я смотрел на ребят, своих ребят, умильными глазами. Мы знали друг друга, словно были родственниками. Человек познается в двух состояниях — в работе и в экстремальных ситуациях. У нас они совпадали: физический труд на жаре, в степи, без бытовых условий был экстремален.

— Леха выдал крендель, — начал Петр, — а

я преподнесу плюшку. Была пара супругов в возрасте, а рядом в квартире жила одинокая женщина с мальчишкой. Соседи дружили. Телевизор вместе смотрели, чай друг у друга пили... Случился у мальчишки день рождения. Сосед подарил ему импортный велик, семискоростной. Жена соседа взбеленилась: такой дорогой подарок чужим людям. Муж вздохнул, натужился и сказанул: не чужим — мальчишка-то мой родной сынок.

— Без комментариев, — изрек Эдик.

— Мужик работал на два фронта, — сказал Макарыч.

— Бабу надо заводить не из соседней квартиры, а из соседнего дома, а еще надежней — из соседнего района, — просветил нас Леха.

— А если у них любовь? — запротестовала Катерина.

Байками у нас был обложен каждый, как подоходным налогом. Подошел черед Эдика. Он поправил очки.

— Господа, парадокс, но любовь повязана с карьерой, как пиво с соленой рыбкой. Есть в моем НИИ парень по фамилии Петруня. Вызывает его директор и предлагает должность завлаба, но при условии, что тот женится. Чтобы пресечь все разговорчики... Дело в том, что Петруня был «го-

лубым». Говоря проще, педик, но с амбициями по самый пупок. Ну и женился, и семья существует по сей день. Само собой, получил должность.

— А как же они того... живут? — удивился Макарыч.

— Она завела любовника — мужчину, и Петруня завел любовника, тоже мужчину.

— Им надо было совместить: одного мужика на двоих, — упростил Петр проблему.

— Создать «шведскую семью», — Леха усложнил проблему.

— Что за семья такая? — спросила Катя.

— Это когда с утра до вечера накрыт «шведский стол», — объяснил Эдик.

Теперь народ смотрел на меня — моя очередь травить байку. Что-нибудь криминальное, как у будущего следователя... Я вспомнил услышанную в прокуратуре историю, не совсем, по-моему, правдоподобную:

— Студентка влюбилась в прозектора, а он ее отверг. Тогда она задумала коварную месть. Прозекторы дежурят по графику, когда и кому вскрывать очередной труп. В день его дежурства студентка пришла к моргу и приняла яд мгновенного действия, какой-то цианид. Ну и свалилась замертво.

— Зачем приняла яд? — выразил общее недоумение Макарыч.

— Чтобы он ее вскрыл.

— Зачем ей это надо было? — не мог понять Леха.

— Доказала свою любовь.

— Лучше бы ему сыпанула яду, — рассудил Петр.

— Дурдом, — рассудил и Эдик.

— Это посильнее Отелло с Джульеттой, — вздохнула Катя.

Гламурный Эдик — у него шея была повязана цветастым платочком — предложил тост за дам. То сеть за повариху. Ей налили стопочку. Катя стала было отказываться, но Петр ее уговорил. Я заметил, что она его как-то выделяет. Есть женщины, которые любят умеренно выпивающих мужчин, с которыми интереснее, чем с трезвыми.

Я уже говорил, что судьба слагается из поступков... Когда повариха выпила этот стопарик, не сделала ли ее судьба в этот момент свой маленький шажок?

Глава 4

На радость перекати-поле задул ветерок. Жалобно зазвенела сухая трава. Сурок, он же тарбаган, закрылся на ночь в своей норе. Стало легче дышать. Но разгоряченных парней этим легким дуновением не охладить, поскольку содержимое бутылок посильнее любого ветра. Да и тема спора оказалась животрепещущей. Разговор о любви безграничен, как и сама любовь.

— Любовь-любовь, а никто не знает, что за фруктоза, — пробурчал Макарыч.

— Голая женщина, — отозвался Петр, знавший эту фруктозу.

— Обнаженная, — поправил Леха.

— Обнаженная меня не интересует, — признался Эдик.

— Ты пидор, что ли? — удивился Макарыч.

— Без одежды, — начал растолковывать Эдик, — определить красоту женщины я не могу. Мне не хватает о ней информации. Вместе с одеждой женщина сбрасывает культурный слой. Без одежды она теряет индивидуальность, даже женственность. Главное, теряет тайну.

— Чего же художники рисовали голых? — задал

Петр резонный вопрос.

— Для людей, не имеющих воображения, — объяснил Эдик.

— Что же, по-твоему, любовь? — не понимала Катя его рас-суждений.

— Наркотическое опьянение под воздействием фитомина, адреналина и эндорфинов, — научно растолковал Эдик.

— Пока не примешь, никакой любви? — усомнился Леха.

— Они вырабатываются в организме.

— Эдик, — вмешался я, — но почему при встрече, например, с Машей они вырабатываются, а при встрече с Дашей — никаких эндорфинов.

У любви есть свои тайны, есть. Например, криминальные. Во время практики меня подключили к расследованию одного дела... Парень любил девицу, обхаживал ее, сделал предложение. А она множила его на ноль. Вышло так, что он совершил преступление. И она в него влюбилась. Почему? Или вот из жизни «звезд»: будущая супруга Оззи Осборна мгновенно влюбилась в него, когда он на сцене откусил голову белому голубю.

— О любви говорят-говорят, а замуж идти не за кого, — пожаловалась Катя.

— А хоть бы за меня, — предложил свою кандидатуру Эдик.

— Я люблю мужчин бородатых, — отвергла его повариха.

— Тогда за меня, — порекомендовал Петр и огладил свою бороденку.

— Ты выпить любишь, — возразила повариха.

— Кто любит выпить, тот и баб любит, — объяснил Петр.

— Катерина, а у тебя жених-то есть? — поинтересовался Ма-карыч.

— А что толку?

— Лобзаетесь? — проявил интерес Эдик.

— Чего?

— В смысле, целуетесь?

— Чего хорошего... Поедим салаки, он закурит — как две копченые рыбы.

Если о любви. Я встречал мужчин, оголтело влюбленных в деньги, недвижимость, в автомобили, в компьютеры... В свою работу... Но не встречал человека, который с такой же страстью любил бы женщину.

— Расспрашиваешь, а сам не женат, — упрекнула повариха Эдика.

— Я нашел было девушку, у которой голова как подсолнух...

— Такая здоровенная? — не поверил Леха.

— Ярко-желтая, крашеная...

— И что помешало вступить в брак? — спросил Петр.

— Голова как подсолнух, и так же семечками набита.

— Катерина, ты за свободную любовь или как? — заинтересовался Леха.

— Ты на наши пьяные вопросы не отвечай, — посоветовал Макарыч.

На Катерине была красная кофточка, а на голове белый платок. От разговоров, от беготни к костру, от порции водки ее лицо покраснело до цвета кофты. Повариха походила на редисочку. Вопросы ее не смущали, хотя Петр начал их детализировать.

— Катя, а ты какой сексуальной ориентации?

— То есть?

— Он спрашивает, смотришь ли ты эротические передачи по телевизору, — перевел вопрос Эдик.

— Еще чего... На собачий-то секс противно смотреть.

Психоаналитик Зигмунд Фрейд считал, что в основе мотиваций человека лежат скрытые сексуальные желания. Не мог он предвидеть, что их скрытые сексуальные желания станут от-

крытыми до публичности. Мои немодные мысли подтвердил Петр, как бы их озвучив:

— У нас тоже, как и в Европе, будут ставить автоматы по продаже презервативов.

— Зачем автоматы, когда можно купить в аптеке, — не понял Леха государственной задумки.

— Если в день оприходовать по презервативу, то в месяц уйдет тридцать штук. Студенту, например, накладно, — объяснил Петр.

— Студентам на это дело выделять бонусы, — решил проблему Эдик.

— И где эти автоматы будут ставить? — заинтересовался Макарыч.

— Хотя бы в институтах рядом с автоматом по продаже кофе, — решил Петр.

— Прикольно: выпил кофе, купил презерватив.

— Тогда надо и в школах для десятиклассников, — развил идею Леха.

— Молодежь пошла амбициозная, поэтому и для девятиклассников тоже, — задумался Макарыч.

— А чем восьмиклассники хуже? — обиделся Леха.

— Тогда и семиклассники примкнут, — забеспокоился Эдик.

— А им поставить рядом автомат, продающий

надувные шарики, — нашел выход Макарыч.

— Будут путать автоматы, — забеспокоился Петр.

— Студент придет на свидание, а в руке цветной шарик вместо презерватива.

Меня удивляла беспечность темы. Который час говорят, и все о любви. Сколько про нее песен, книг, телесериалов... Столько бы про работу — горы бы свернули. Или бы про ум — все бы поумнели. Или бы про совесть — не стало бы преступности.

Катерина внимала напряженно, словно хотела запомнить все. Ее молчание деликатно нарушил Эдик:

— Мисс, а как вы относитесь к контрацептивам?

Скорее всего, Катерина тоже хотела быть современной, поэтому ответила громко и слегка фальшиво, опадая голосом к концу фразы, словно испугалась собственных слов:

— Я — за свободный секс!

Петр радостно откашлялся. Я полагал, что он хочет добавить что-то про свободный секс, но ему захотелось спеть:

— «Клевый сексапил» меня долго материл...»

Я удивлялся количеству выпитой водки. Разго-

вор стал клиповым, кто-то матюгнулся. Сумерки загустели. Мельхиоровым блеском выглянул край луны. Степь мгновенно остыла, и сразу захотелось одеться.

За столом мне уже было неинтересно. Я вспомнил о своем дневнике, в котором намеревался отображать свою будущую работу следователя. Я ушел в палатку и достал из рюкзака толстый блокнот. Но суматошный день да выпитый алкоголь опутали меня липким сном. Я забрался в спальный мешок. Уснул? Точнее, провалился в небытие.

Я уже говорил, что судьба сделала шажок, когда повариха выпила свою порцию водки... И судьба сделала размашистый шаг, когда я покинул застолье.

Глава 5

Меня разбудила тишина. От дневной жары, физической работы и свежего степного воздуха обычно я спал убито. Правда, не забывая, что живем мы одни в степи, поэтому в мозгу какой-то сторожевик не дремал. И вот, похоже, он сработал — меня разбудила тишина.

Не посвистывал ветер. Не храпели ребята. Не

вставал покурить Макарыч. У поварихи не звякала посуда, хотя брезент палатки уже побелел от утреннего света.

Одевшись, я вышел. За сопкой всходило солнце. Остывший за ночь воздух окатил меня прохладинкой. Вся бригада сидела за столом в тишине и без движения, словно утренний холодок их заморозил.

Я спросил:

— Что случилось?

— Катя пропала, — нехотя отозвался Эдик.

Его ответ был до такой степени загадочен, что сразу я не нашелся. Куда она могла деться, если до ближайшего селения километров пятьдесят, накатанных дорог тут нет, автомобили не колесят.

— Улетела на вертолете? — пошутил я.

Ребята не ответили. Их вид показывал, что шутить они не намерены. Удивительно, но они протрезвели до нормального человеческого состояния. Тихим голосом Макарыч предположил:

— В двадцати километрах есть какая-то лошадиная ферма. Не пошла ли она туда?

Его слова толкнули мою догадку. Неправильно я их спросил: «что случилось?». Ни с того ни с сего ничего не случается. И я спросил правильно:

— Почему Катерина ушла?

— Он заварил кашу, — сразу признался Леха, кивнув на Петра.

— Хотите отмазаться? — огрызнулся Петр.

— Ты же первый залез в ее палатку, — бросил ему Леха.

Они умолкли. Я воспользовался паузой:

— Петр, и что было в палатке?

— Что бывает между мужиком и бабой, — зло буркнул он.

— И Катя не возражала? — почему-то удивился я тому, что бывает между мужиком и бабой.

— У нас давно взаимная симпатия.

— Симпатия, а вот ушла, — не поверил я.

— Не из-за меня одного она ушла, — в который уже раз огрызнулся Петр.

И общее молчание. Напряженная, протрезвевшая, таинственная. Я не начальник, и они не обязаны передо мной отчитываться. Нет, обязаны, потому что все у нас общее — и кубы грунта, и водка, и неприятности. Первым об этом вспомнил Эдик:

— Потом в палатку залез я, — признался он, скривив губы так, что очки шевельнулись.

— Зачем?

— Все за тем же, — вздохнул Эдик.

— Катька велела его прислать, — помог Эдику

Петр.

Я не поверил. Вдаваться же в грязные подробности не хотелось. Я уставился на Леху, который понял мой жгучий взгляд:

— Сергей, и я тоже ходил в палатку.

— Она тебя тоже позвала?

— Нет, но все пошли, и я пошел.

Оставался Макарыч. Он начал медленно и нервно закуривать. Зажигалка не возгоралась, спичек у него не было, и он пошел к костру поискать уголек. Я преградил ему дорогу:

— Макарыч, неужели и ты?

— Серега, пьян был в дымину.

— Ребята, вы же совершили групповое изнасилование! — почти крикнул я.

Они как бы вторично протрезвели. И стали оправдываться — наперебой и вразнобой. Петр ссылался на давнюю связь с Катериной, Эдик — на желание самой поварихи, Леха — на стадное чувство, Макарыч — на алкогольную потерю памяти... Но Катерины не было ни в лагере, ни в степи.

Сперва хотели разбиться на две группы и разойтись по степи. Затем кого-то посетила здравая мысль. Много ли мы пройдем пешком? А через час за нами придет машина, на которой можно

обшарить площадь побольше...

Мы сидели за столом, бросая друг на друга какие-то вороватые взгляды. Посветлело до белого дня. От ночи остались лишь утренний холодок да иссохшая луна на горизонте, похожая на бельмо.

Толи для того, чтобы развеять тяжелое молчание, то ли душа его ныла от тоски, но Петр надумал, видимо, поднять настроение. Он приплюснул ладонью бородку и сделал лицо значительным, выпучив для этого глаза, которые и без того были навыкате.

— Среди прочего всего, вор прихватил в квартире вазу. А это была урна с прахом мужа хозяйки. Ночью в дверь жилища этого вора — стук. Он открыл. Стоит перед ним не поймешь кто: черная фигура без лица. Вор чуть было в милицию не позвонил. Но черной фигуре вазу отдал.

— Кто же это был? — не понял Макарыч.

— Душа мужа за своим прахом приходила.

Никто не улыбнулся. Леха нервно крутанул головой, отчего белые, длинные и давно не мытые волосы разметались по плечам, как рассыпавшиеся макароны. Его тонкокостное лицо заострилось еще больше — ни дать ни взять белый петух. Оказалось, что он тоже захотел рассказать аналогичную историю.

— Мой кореш работал на буровой. Взяли двухкилометровую глубину, а бур вдруг завис в пустоте. Его вытянули. И очумели ребята-буровики, поскольку из скважины запахло серой. Потом из-под земли послышалось что-то вроде хохота, и с этим хохотом вылетело не пойми какое существо — не то птица, не то ящер. И скрылось за горизонтом. Вот такие пироги...

— И что же это было? — недоверчиво спросил Петр.

— Потусторонняя сила, — заверил Леха.

— Еще одна сказка, — заверил Эдик.

— Сказка? — удивился Леха. — А всех буровиков, кто видел. эту тварь, постигла разная печальная участь. Начальника участка вообще посадили за хищение собственности: чтобы избавиться от этой дьявольской буровой, он продал ее не то в персидские халифаты, не то в арабские эмираты.

Что-то подобное я читал в какой-то газетке. Якобы рабочие случайно добурились до ада, якобы буровой мастер отравился серными испарениями, якобы вылетевший дьяволенок залетел на двор птицефермы и своей адской вонью передушил всех кур-несушек.

— Это из области фантастики, — заговорил

Макарыч. — А вот в Новгородской области одно время были шахты по добыче бурых углей. Пласты тонкие, добыча нерентабельная… Да еще взрыв метана случился и завалило трех парней. Шахту прикрыли. Вроде бы все, да осталась загадка: два тела нашли, а третьего нет. Все перекопали-перебурили — нет трупа. Поиски остановили. Только на терриконе начала возникать фигура. Откуда? Ни жилья кругом, ни леса, ни туристов…

— Кто-то поселился в заброшенной шахте. Бомжи? — решил Петр.

— Устье шахты забетонировали.

Все молчали, потому что догадались, кто это мог быть. Произносить же вслух — язык не поворачивался.

— Погибший третий рабочий? — повернулся-таки у Лехи.

— Угадал на пятьдесят процентов, — сообщил Макарыч.

— Ну а остальные пятьдесят? — поторопил я.

— Это был не он сам, а его дух.

— Чертовщина какая-то, — бормотнул Эдик.

— Она и есть. В точку, — подтвердил Макарыч. — Двое шахтеров, оставшиеся тогда в живых, решили проверить — может, и вправду

их приятель там бродит. В лунную ночь залегли невдалеке, и ровно в двенадцать часов на терриконе появилась фигура: в рабочей спецовке, в каске. Точно, он — третий. Ребята — к нему, а тот помахал им рукой и пропал, как растворился.

— Сказки старого шахтера, фольклор, — вздохнул я.

— Сказки не сказки, а видели его многие.

Эдик не то улыбнулся, не то скривился. Мне показалось, что в его рыжих волосах мелькнула чернота. Лицо его заметно осунулось за ночь: очки не сидели на носу, а как-то болтались. Он сказал задумчиво:

— Что искать мистику далеко, если она у нас под боком.

— Где? — не поверил Петр.

— Например, заброшенный колодец с черной водой...

— Лягушки там, а не мистика, — устало заметил Леха.

Эдик усмехнулся пренебрежительно:

— Вон за той сопочкой стояла рота солдат. Они колодец и вырыли. Одна из вольнонаемных из обслуги влюбилась в солдата. Якобы на взаимной основе. Встречаться им приходилось изредка, поэтому переписывались. Солдат так красиво

сочинял, что она плакала от радости и умиления. В общем, любовь. Как-то вечером она попыталась вызвать его на свидание, но он был в карауле. Солдаты начали ее утешать такими знакомыми словами, будто его письма наизусть выучили. И каждое предложение сопровождали хохотом да солдатскими шуточками. И девушка догадалась, что письма эти трепетные сочинялись всей ротой.

— Колодец-то здесь при чем? — не уловил Макарыч никакой мистики.

— Девушка бросилась в этот колодец и утонула, — кончил историю Эдик.

— Из-за любви? — усмехнулся Петр.

— Из-за обмана, — поправил Леха.

— Из-за обиды, — уточнил Эдик.

Я обратил внимание на лица ребят: они стали походить друг на друга, как братья. Что их побратало? Интерес к байкам, общие неприятности? Лица выражали прямо-таки физическое напряжение, словно на плечах каждого лежал груз. Да нет, не груз: они вслушивались — не шуршит ли трава под легкими шагами Катерины...

Видимо, байками ребята хотели разрядить тишину. Но после разговоров она сгустилась до плотности того самого груза, который лег на пле-

чи. Не суетились птички, не пищали суслики... Или мы оглохли от тишины?

По земле словно прополз непонятный звук. Мы переглянулись. Звук, глухо-деревянный, повторился. Не знаю почему, но мы уставились на колодец.

Из него что-то бесшумно выскочило и не то убежало, не то улетело.

— Степной волк, — предположил Леха.

— Он разве летает? — удивился Петр.

— Птица, — заверил Макарыч.

— Крупная, — подтвердил Эдик.

— Показалось, — решил я.

Не сговариваясь, мы вскочили и ринулись к колодцу. Его полусгнившая деревянная крышка были откинута. Мы заглянули...

Труп Катерины плавал лицом вверх...

Глава 6

Казалось бы, я знал, что судьбы людей схожи до микрона — все люди непременно умирают. Между началом жизни и ее концом лежит судьба. Или судьбинушка? Есть иное обозначение судьбы — что на роду написано. Кто пишет, зачем, и не забывают ли писать? Катерине забыли...

Неужели ей на роду было написано захлебнуться в зловонной жиже?

Приехавшая за нами машина отправилась в райцентр за милицией. Началась процедура, которую нормальному человеку лучше не видеть. С запоздалой тревогой я представил, что скоро это будет моей работой — осматривать места преступлений.

Следователь допрашивал нас поодиночке в кабине милицейской машины. Ребята рассказали все до мелочей. Глаза бы мои на них не смотрели... Макарыч как бы потерял в ширине плеч, волосы Эдика из рыжих сделались просто желтыми, Лехины космы вообще обесцветились, бородка Петра стояла дыбом... В экспедициях я попадал в положения крайние и опасные: и шурфы на меня обрушивались, и тонул в Уссури, и машины переворачивались... Но ни разу я не оказывался в ситуации мистической.

Из разговора со следователем я понял, что он даже уголовного дела не возбудит. Элементарное самоубийство на бытовой почве — пьяная девица провела веселую ночь, а когда протрезвела, то со стыда кинулась в заброшенный колодец. Катерина уже ничего не расскажет, а ребята все сходились в том, что все произошло по взаим-

ности — дескать, эротический эксперимент. Я же спал — не свидетель. Было также понятно, что следователь не хочет портить статистику и вешать на район тяжкое преступление.

Я еще не знал, что девяносто процентов изнасилований совершается по пьянке. Но я уже знал, что пропаганда секса стала не просто откровенной, а навязчивой до агрессивности.

Знала ли это Катерина? Наверное. В ее палатке нашли журнал, в котором была статья, осуждающая разврат и распущенность. А на последней странице была реклама массажных круглосуточных салонов и секса по телефону. Тогда мне пришла мысль: не выбросить ли из уголовного кодекса статьи о половых преступлениях, как отжившие?

До похорон мы жили на базе — задержались на три дня. На похороны ребята все-таки не пошли — боялись. Чего? Увидеть мертвое тело девушки? Или совесть не пускала? Я же поехал на поселковое кладбище и выразил родственникам соболезнование. По-моему, они его не приняли, чувствуя в этой смерти какую-то неправду.

Катерина лежала в гробу. Я смотрел на ее лицо и думал... Мы судим о смерти со здравых позиций. Считаем, что мертвым не больно, поэтому

закапываем их в землю или сжигаем. А если покойнику больно иной, нечеловеческой болью?..

Вечером мы сели в поезд. Возвращение из экспедиции — дело радостное. Но на этот раз мы не пили пиво и не разговаривали, а только изредка перебрасывались словами. Уже подъезжая к своему городу, Макарыч не удержался от тяжких слов:

— Сергей, прости нас, дьявол попутал...

— Один? — вроде бы удивился я.

— Кто «один»?

— Один дьявол попутал всех четверых?

Эдик нервно поправил очки:

— Сергей, не презирай нас.

— Это почему же?

— Ты не сможешь презирать нас сильнее, чем мы сами себя презираем.

Леха его поддержал:

— Сергей, даже государство объявляет амнистии.

— Ты это к чему?

— Мы раскаялись на все сто процентов.

Но и Петр не промолчал:

— Сергей, накажи нас, как делают в каком-то там эмирате.

— А как делают в эмирате?

— Сажают в мешок и запускают туда ядовитую змею.

— Нет у меня на вас четырех змей...

В городе мы расстались на вокзале. Лишь одно я им пообещал: ничего и никому не рассказывать. И не портить нашу дружбу упреками. Впрочем, доведется ли нам встретиться, потому что все мы по разным причинам с экспедициями завязывали. И выходило так, что я стал для ребят вроде судьи. Правда, меня и раньше обзывали борцом за высокую мораль. Этих об-зывальщиков я понимал — с низкой-то моралью живется проще и удобнее.

ЧАСТЬ 2

Глава 1

Заочное образование считается не совсем полноценным, поэтому я учился особенно старательно. Готовился стать отменным следователем по особо важным, разумеется, делам. Нажимал на уголовное право, уголовный процесс и криминалистику. Само собой, предвидел трудности. Из телесериалов знал, что преступления бывают закручены в спирали, у которых нет ни конца, ни начала. И вот я их раскручиваю виток за витком. Изучить законы просто, да и чего их учить — кодексы всегда под рукой, да еще и с комментариями. Мне не хватало следственной сноровки. Например, допрашивая, я увлекался жизнью человека и мог вместо тридцати минут просидеть с ним два часа.

А трудности? Их было навалом.

Я не принял замены понятия «романтика» скучным словом «экстрим». Поработав следователем, кажется, стал понимать, в чем различие этих двух понятий. Романтика — это высокое небо, палатка, травяной настой воздуха, каша с костра,

тарбаган, стоящий любопытным столбиком на сопке... А экстрим — это нудные вопросы, угрюмые подозрения, ночные дежурства, трупы... И понял главное: расследование преступлений не работа, а образ жизни. Жизни, в которую я пытался вписаться, что при моей натуре оказалось не просто.

Я стеснялся допрашивать пожилых людей и красивых женщин; не мог есть после осмотра несвежего трупа; переживал от окриков районного прокурора; долго не мог наладить свободноприятельские отношения с ребятами из уголовного розыска. Говорю к тому, что допросы, выезды на места происшествий, следственный изолятор, посещение прозекторской были мне в любопытную новинку, поскольку сохранился еще свежий взгляд. Короче, не закоснел. Во мне еще не накопились профессиональные подозрительность и цинизм, я верил сказанному и старался помочь людям. Видимо, поэтому прокурор района считал меня работником бесперспективным, а коллеги — неумехой. Романтические порывы люди у нас считают глупостью, а наивность — придурковатостью. И доля правды тут есть. Казусы, происходившие тогда со мной, это подтверждали.

В городе существует множество управляющих и властных организаций, чьи структуры и функции сложны и непонятны неискушенному гражданину. Люди не знают, куда обращаться, и частенько идут прямо в прокуратуру. Опытные следователи двумя словами отсылают их в нужные адреса. Я тоже знал, куда надо отфутболить просителя, но не мог отказаться выслушать старика или плачущую женщину.

Эта дама готова была зарыдать. Я усадил ее, дал воды и спросил, что случилось. Но, видимо, случившееся парализовало ее ужасом, который сомкнул ее тело, будто изготовившееся к прыжку.

— Господин следователь, я подозреваю, что мой супруг «голубой». Кто из ваших сотрудников может это определить?

— Идите в ФСБ, — буркнул я...

Еще казус. Допросил я подозреваемого, который выдал своего сообщника. Я составил протокол, распечатал и предложил подписать. Он прочел, широко открыл рот и начал запихивать в него мой куцый протокол. Короче, сожрал. Картинка: он жует, а я вырываю из его пасти рваные клочки бумаги...

И была история, когда я поддался моде и для

поиска трупа пригласил ясновидящую. Она впала в гипнотический ступор и час выкрикивала какую-то несуразицу. Якобы труп забрало существо из параллельного мира. Этот сеанс запомнился мне и тем, что из кармана моего плаща исчезла пятисотрублевая купюра. Видимо, ее прихватило существо из параллельного мира.

Были эпизоды просто обидные. В одной строительной фирме я изъял целый ворох финансовых документов, привез в прокуратуру, чтобы изучить вместе с экспертом. И вижу накладную с такой резолюцией: «Взять гвозди, молоток, веревку и повесить следователя».

В первый год работы были промашки и посерьезней, о которых надо говорить отдельно.

Тосковал ли я о прежней жизни? Она ушла в сны. Мне виделась желтая степь, покрытая сухой ломкой травой; палатки, выгоревшие до белесой прозрачности, спальный мешок, из которого во сне я почему-то никак не мог вылезти; шурфы, из которых почему-то никак не мог выбраться... Ребята снились. Палевого цвета тарбаган являлся частенько: сидел радом с норой и ухмылялся.

Впрочем, предаваться воспоминаниям было некогда — работа на дрожащих нервах и в каком-то дико-танцевальном ритме...

Как-то утром я получил письмо на свой домашний адрес. Вернее, записку. Тетрадный листок, который не то из-за мятости, не то из-за жеманности никак не хотел покидать конверт и цеплялся за него на манер репейника. Неотчетливые карандашные буквы походили на дорожки от следов насекомого, блуждавшего по бумаге...

«Серега, ты говорил, что жизнь коротка, потому что дни короткие. Теперь они у меня длинные, но нужны мне, как тарбагану компас. Скоро бежит тот, за кем гонится овчарка. А если птица, да все по темечку, да каменным клювом? Кабы знать да ведать... Ты все объяснял двумя словами: такова жизнь. Серега, а вдруг она не такова? Мой адрес ты знаешь. Не верь тому, что она про меня наговорит. Алексей».

Леха...

Что это? Записка сумасшедшего, пьяная весточка или крик о помощи?

Глава 2

Ко мне одновременно не явились два свидетеля. Выпавшее «окно» времени я решил использовать рационально — съездить на квартиру Алексея. Отыскав в записной книжке его адрес, я отпра-

вился...

Дверь открыла крупная женщина средних лет. Я представился:

— Здравствуйте, мы с Алексеем Ладошиным вместе работали в геологических партиях. Я — Сергей Рябинин.

Женщина задумалась. Ее лицо отчетливо выражало два настроения одновременно: кислое — от появления нежданного гостя, и сладковатое — от необходимости быть вежливой. Победила вежливость.

— Прошу...

Двухкомнатная аккуратная квартирка. Я уселся в кресло и приготовился слушать. Хозяйка села на диван и, видимо, тоже готова была слушать.

— Дарья Ивановна, как тут поживает Алексей после степей и шурфов?

Она запахнула халат с таким решительным недовольством, будто я попросил у нее денег.

— После последнего полевого сезона он шибко изменился. Знаете его любимое выражение? Играй, пока играется.

— И с кем он играет? И во что?

— С бутылкой.

— В экспедициях он не пил. Мы с ним не один год ездили.

— А теперь аж булькает. Как-то достал бутылку и сообщает, что эта водка произведена из воды, натаянной из льда айсберга. И всю емкость вылакал.

В поле Леха выпивал как все — редко и по чуть-чуть. Мне показалось, что я знаю Алексея лучше, чем жена. И пока его дома нет, надо супругу расспросить поподробнее.

— Дарья Ивановна, вы сколько лет замужем?

Наверное, в моем вопросе послышалось сочувствие. Напряжение ее отпустило. У меня же мелькнуло: а с чего эта напряженность? Что особенного в том, что пришел старый приятель мужа?

— Одиннадцать лет в браке. А познакомились мы с ним в бане.

— Вместе мылись? — пошутил я.

— Работала я там массажисткой, делала тайский массаж. А он работал механиком в Бюро малых котлов. Ну, тогда Алексей был совсем другим. Умный был. Его спросишь, так ответит не сразу.

— Разве это признак ума?

— Ну да, он же думает. Но это было давно. Теперь остались лишь обломки чувств.

Слово «обломки» к ней не шло, поскольку раз-

мером и белизной она походила на крупную снежную бабу в халате. Недоставало лишь носа-морковки. И подобающих глаз не было, круглых и угольных, — те, что видел я, звались щелочками. Они сверкнули, вернее, она ими зыркнула:

— Да еще трубадуршу завел.

— Что еще за трубадурша?

— Какая-то сексуально-недоупакованная баба...

— У него с ней роман?

— У алкашей не романы, а скоренькие анекдоты.

— По этому поводу с Алексеем ссорились?

— По знаку он Козерог. Я пригрозила ему рога обломать.

— Обломали?

— Не успела.

Что-то заждался я Леху. Уже час сижу. С его женой стало разговаривать неинтересно, поскольку я понял, какого сорта эта женщина.

— Дарья Ивановна, не пошел ли ваш муж в поликлинику?

— Зачем?

— Наложить повязку на обломанные рога.

Она не улыбнулась. Вернее, улыбнулась широко открытым ртом. При узеньких глазках, да широко открытым ртом... Наверное, так улыба-

ются кашалоты, если только они улыбаются...

— А он вообще не придет, — сообщила она с дозой скрытого торжества.

— Почему?

— Хоронится от милиции.

— С какой стати?

— Человека он убил.

— Леха?

— Он только с виду тихий.

— Как убил, когда, почему? Вы что-нибудь знаете?

— На моих глазах убил.

А в моих глазах возникло, как вспыхнуло, письмо Алексея: «Не верь тому, что она про меня наговорит...» И стал ясен невразумительный текст... И почему написал именно мне: кому же еще, как не следователю прокуратуры?

— И кого же он убил?

— Свою трубадуршу.

— Как это случилось?

— Был у нас «Опель»...

— Ага, сбил машиной? — почти облегченно догадался я, потому что не из ружья, не ножом, не топором.

— Кабы да абы... Ехали мы с ним поздним вечером с дачи. И вдруг она, трубадурша, преградила

дорогу. Лешка открыл дверцу — она и прыгнула в машину, как заводной чертик, и просит подвезти. Это при мне-то! Лешка повел себя по-мужски: дверь открыл и вытолкал ее, как парашютиста из самолета.

Супруга умолкла: то ли предалась воспоминаниям, то ли впала в тихую эйфорию по поводу мужественного поступка супруга.

— Где же здесь убийство?

— Все произошло на скорости. Из машины она выпала головой об асфальт и не встала больше.

Так, скорее всего, это неосторожное убийство. Надо поговорить с Лехой — зря он боится: за неосторожное убийство, как правило, до суда под стражу не берут. Надо бы глянуть материалы дела. Но кто бы мог подумать: тихий и молчаливый Леха — убийца!

— Это еще не все: он дом спалил.

— Чей дом?

— Нашу дачу в садоводстве «Яблонька». Только построили, из бруса, в два этажа... Теперь у меня ни машины, ни дачи.

— Умышленно поджег?

— Скорее всего, по пьянке.

Я впал в свирепую задумчивость. Сколько сезонов мы ездили с ним в экспедиции? Полевые

условия таковы, что характер не утаишь. Помню, он хвастался, как собственноручно сложил печку на даче, кирпичик к кирпичику...

— Зря ждете, — изрекла Дарья Ивановна вязким голосом.

— Почему зря?

— Два месяца, как он пропал.

— Думаете, в бегах?

— Не в бегах, а его вообще нет.

— В каком смысле?

— Покончил жизнь самоубийством.

— Откуда знаете?

— Лешка сам говорил, что удавится на первом дереве.

— Наверное, шутил.

— Какие шутки! Учился петлю вязать, участкового врача расспрашивал, как бы удавиться безболезненно. Да и дурь ему всякая казалась, вроде чертовщины. Якобы птица за ним охотится, сорока. В сквере уселась ему на голову и давай клевать в макушку. Думаю, Лешка покончил с собой путем самоубийства.

Леха и самоубийство? Открытая улыбка; спокойный, почти сонный голос; шутки у костра... Веселые, озорные песни в стиле «шансон»... Впрочем, любил он одну грустную песню про

загубленную жизнь бродяги-золотоискателя: «Много лет он золото искал, над своею жизнию разбитой золотоискатель зарыдал». Нас очень трогала последняя строчка, когда золотоискатель пошел, опаленный солнцем: «И лежала перед ним большая, золотом богатая земля...» Жена, квартира, дача, автомобиль... И самоубийство? Я еще мало расследовал дел про доведение до самоубийства, но во всех случаях люди вешались не из-за горя, не из-за голода, даже не из-за любви. Вот из-за разбитой дорогой иномарки, из-за невыплаченного кредита, из-за неудачной карьеры... И во всех случаях после выпивки...

Какое самоубийство, если у меня в кармане лежит его письмо? Жене я о нем не сказал. Нужно успокоиться, обдумать и получить дополнительную информацию...

Определив по моему лицу недоверие к ее словам, она громко, словно лозунг, выкрикнула:

— Да он записку оставил!

— Где она?

Дарья Ивановна протянула руку и взяла со стола бумажку, как будто заготовленную впрок. Я развернул аккуратный тетрадный лист...

«Дарьюшка, грехов я натворил под самую завязку. Угробил человека, дачу спалил... Ухожу из

жизни, заслужил такую поганую смерть через самоубийство. Меня не ищи, ни к чему, поскольку говорят, что самоубийцу на кладбище не хоронят. Прости, Дарьюшка, за те года, которые ты прожила со мной в напрасных муках. Теперь определишь свою личную жизнь по своему усмотрению. Твой бывший муж».

Я, привыкший к степной свежести, легко улавливал в воздухе даже малые примеси запахов. Откуда-то несло сигаретным дымом. Видимо, в квартире был кто-то еще. В подтверждение моей догадки во второй комнате что-то скрежетнуло, будто по полу стулом проехались.

— До свидания, Дарья Ивановна, привет трубадуру.

Я знал, что в комнате не Леха — он не курил.

— Какому трубадуру? — вымученно удивилась она.

— Который в другой комнате...

— А-а, это сосед зашел.

— Что за сосед?

— Из квартиры сверху, — пролепетала она, хотя к ее массивному телу лепет шел, как медведю комариный писк.

— И ему тоже привет, — весело попрощался я, забирая Лешину предсмертную записку для

приобщения к присланному мне письму.

Глава 3

На улице мое веселье схлынуло. Я не спешил: хотелось побыть одному. Своей машины у меня не имелось, а брать служебную я постеснялся — как бы хлопотал по личному делу. Я брел нога за ногу, нетрезвой походкой. Улица — отменное место для одиночества и размышлений. В прокуратуре, в своем кабинете, будет шумно: туда заходят, звонят, заглядывают, вызывают... О чем же я думал? Ворошил свой жалкий опыт по расследованию дел о самоубийствах. Точнее, доведения до самоубийства.

Леха прав: самоубийц хоронить на кладбищах не положено. Ибо накладывать на себя руки — грех. Странно... А преступники? Например, убийцы? Всякое ворье, бандиты, насильники... Они достойны места на кладбище, а люди, доведенные до отчаяния — грешники?

В моей памяти задержался лишь один эпизод, годный для учебника по криминалистике или психиатрии. Любознательный подросток, которого вытащили из петли, заявил, что он хотел узнать, как там, за гранью нашего бытия. Хо-

тел покончить с собой из любопытства. А ведь есть федеральный научно-методический центр суицидологии; есть НИИ по изучению причин самоубийств; шведские ученые пришли к выводу, что люди с низким интеллектом покушаются на свою жизнь чаще, чем умные; психологи вычислили, что женщины, стремящиеся увеличить грудь, склонны к суициду; в Японии существуют клубы самоубийц; в Интернете полно сайтов для желающих свести счеты с жизнью...

Но все это к Лехе не могло иметь отношения...

Меня кто-то толкнул. Наверное, прохожий... Нет, не кто-то, а что-то. Меня торкнула мысль: какого черта я не поговорил с трубадуром, курившим в соседней комнате. Он ведь живет над квартирой Дарьи Ивановны?

Я взбежал по лестнице, минуя Лехину квартиру. Дверь мне открыл мужчина в ярко-оранжевом халате. Успел переодеться или в том же виде спускался к даме?

— Я ждал вас, — доброжелательно заверил он.

— Почему же?

— Слышал вашу беседу с Дарьей. Разрешите представиться: Борис Борисович Морокко, с двумя «к».

Мне хоть с тремя, лишь бы что-то узнать об

Алексее Ладо-шине. Морокко привел меня в комнату и усадил в кресло, обтянутое чем-то оранжево-красным: уж не вторым ли халатом? Коли он представился, то нужно представиться и мне:

— Следователь прокуратуры Рябинин.

Я не допрашивал, не собирался вести протокол, но сыскные замашки у меня уже окрепли. Этот человек был мне просто интересен хотя бы тем, что его возраст не поддавался определению: то ли молодой, то ли моложавый.

— Где вы работаете, Борис Борисович?

— Долго перечислять... Был клипмейкером в рекламной фирме, в «Сафари-парке» служил факельщиком...

— Ассенизатором?

— Не фекальщиком, а факельщиком: во время ночной охоты освещал территорию факелами. Потом в отделе кадров был рекрутером, в «Киллер-кафе» отвечал за фейс-контроль.

— Наверное, «Кибер-кафе»?

— Именно «киллер». Тогда им владел Петька-Шашлык. В сельском хозяйстве на Псковщине внедрял разведение цитрусовых...

— Вместо картошки?

— Иронизируете? А я даже учил правильно

носить одежду.

— А чему там учить?

— А вот скажите, как правильно надо носить мокасины?

— Как... Надел да пошел.

— Но как надел? Мокасины носят исключительно на босу ногу.

Я огляделся: стены забраны дубовыми панелями, комод обтянут кожей, зеркало в хитроумной раме, напольные фарфоровые вазы... Видимо, фекальщики, то есть факельщики, неплохо зарабатывают. Мне пора было переходить к цели моего визита:

— Борис Борисович, вы у женщин наверняка пользуетесь успехом?

— Потому что я адекватен.

— То сеть?

— Квартиру мою видите, дача, иномарка цвета «ниагара», а, как вы знаете, иномарка — это наше все.

Похоже, что так. Раньше говорили, что автомобиль не роскошь, а средство передвижения... Ошибались: автомобиль не роскошь и не средство передвижения — автомобиль есть показатель престижа.

— С соседом вашим, Алексеем Ладошиным,

были знакомы?

— Лишь здоровались.

— Знаете, что с ним случилось?

— Дарья Ивановна со мной поделилась: он покончил с собой, что естественно.

— Почему естественно?

— Такие люди, как Леша, должны выпадать в осадок.

Логика требовала спросить, какой осадок, какие «такие люди» и почему им следовало в него выпадать. Но я не допрашивал, а просто спрашивал. Логика необходима для протокола, мне же требовалась просто быстрая информация о главном. А это и есть главное. Впрочем, про осадок я уже знал, точнее, догадывался. Следователю нельзя без интуиции. Хотя какая, к черту, интуиция, если сосед с верхнего этажа в халате курит у соседки с нижнего в ее спальне?

— Борис Борисович, а при муже вы к Дарье заходили?

— Конечно, мы не только соседи по дому, но у нас и дачи рядом. Дарья Ивановна всегда мне нравилась — она респектабельна, у нее есть чувство стиля, и при этом она не шопоголичка...

— Непьющая?

— Не увлекается шопингом, не барахольщица,

значит. Женщина мне нравилась, но мое чувство было еще не завершено. А прошлым летом, на даче... Алексей был, разумеется, в отъезде...

— Вы свое чувство завершили? — попробовал я угадать.

— Не так вульгарно, как вы подумали. У меня врачи обнаружили остеохондроз. Я попросил у Дарьи совета, как у классной массажистки. Она владеет тибетским массажем Ку Нье. А после сеанса случилось то, о чем вы подумали.

Он победно запахнул халат. До сих пор внешность Морокко не цепляла моего взгляда, поскольку лицо этого плейбоя казалось ленивым до скуки. Но теперь я присмотрелся: щеки цвета неотваренных сарделек подрагивали, словно лежали в кипятке; глаза раскосые, а передние зубы еще раскосее — будто шатаются. Вылитый заяц. Говорит, что его любят женщины... За что же? Неужели за адекватность?

— Господин следователь, не подумайте, что мы с Дарьей просто любовники. Будем оформлять брак и даже повенчаемся.

— А не боитесь?

— В каком смысле?

— Что Алексей вернется?

— Как вернется, если он на себя руки наложил,

и даже тела не нашли?

— Вот такие и возвращаются.

— О чем вы говорите? Он — в земле.

— Вылезают, — заверил я.

Я вышел из квартиры. На лестнице меня догнал Морокко.

— Вас подвезти?

— Нет, Борис Борисович, спасибо.

Он вышел вместе со мной на улицу и остановился у холеного автомобиля внушительной комплекции. Видимо, ему не так хотелось меня подвезти, как продемонстрировать свою любимицу, его «все»... Зря... Как это ни модно и ни по-мужски звучит — я равнодушен к машинам и в них не разбираюсь. Впрочем, украшение, блестящую фигурку на капоте, я оценил:

— Симпатичный пингвин...

— Это сорока, — поправил он.

Глава 4

У меня в сейфе лежат несколько толстых папок: я расследую одновременно несколько преступлений. Похоже, что дел у меня стало больше. Прибавилось еще одно, неофициальное — Лешино самоубийство. Оно как-то сумело вытеснить

из сознания все остальные дела. Вот что значит чувствовать боль потерпевшего... И думал я теперь больше о суициде, чем о тех преступлениях, которые расследовал. В памяти вертелись разные эпизоды, мне хотелось найти что-нибудь похожее на случай с Алексеем. Плясать надо от мотива. Из-за чего он решился уйти из жизни? А из-за чего люди вообще это делают?

Дарья Ивановна считает, что все случилось из-за водки. Но из-за водки на самоубийство не идут, из-за водки как-то больше идут на убийство. Вообще, пьянка лишь способствует, а причины надо искать другие. Мой куцый опыт...

Разбил иномарку и с горя повесился; обошли должностью, не дали место управляющего — на рельсы в метро; деньги просадил в казино; из-за любви, муж ушел к другой... Из-за любви. А знал ли Алексей про связь жены с Морокко? Узнал и принял жуткое решение.

В любом случае надо начинать с правоохранительных органов. Я приехал в прокуратуру: чужой район, малознакомые ребята... В канцелярии сразу выяснил, что материал о самоубийстве гражданина Ладошина зарегистрирован. Секретарша проинформировала:

— Кабинет двадцать первый, следователь

Джеймс Бонд.

— Почему Бонд? — удивился я.

— Потому, что он Бондарев.

Следователь походил на Бонда не больше, чем я на Шерлока Холмса. Скорее, он смахивал на гастарбайтера после трудового дня, который никак не может отдышаться.

— Рябинин, не знаю, как у тебя, а мне идут дела одно круче другого.

— Например?

— На пустынной улице человек получил удар по голове...

— Чем?

— Твердым предметом.

— Откуда же этот предмет взялся?

— Потерпевший не видел.

— И что же ты нарыл?

— В протоколе записал: удар нанесен неопознанным летающим предметом.

— Откуда же он взялся на пустынной улице?

— Скорее всего, с НЛО.

— У вас в районе они летают?

— Люди видели.

Бонд вздохнул шумно, будто вместо легких у него была пневматика. К этому тяжкому вздоху он присовокупил слова:

— В отпуске еще не был. В выходные либо допросы, либо дежурство. Есть день ВДВ, день шахтера, день птиц, даже день риелтора... А вот дня следователя нет. В Америке есть День сурка...

— И так много праздников.

— Вот ликвидировали Седьмое ноября, а можно провозгласить его Днем медведя. Сурок в свой день просыпается, а медведь как раз осенью спать ложится.

Я не семи пядей во лбу, но дураков сторонюсь. Особенно тех, которые при государственной должности. Теперь глупые решения хитро зовутся нехваткой административного ресурса. Обсуждать с Бондом следственные проблемы расхотелось. С людьми недалекими можно говорить только о чем-то конкретном.

Он положил передо мной хилую папку, тонкую, как кусочек оргалита:

— Прокурор велел мне ознакомиться и решить вопрос о возбуждении уголовного дела.

Милицейский материал, оформленный второпях и неполно: акт вскрытия потерпевшей; допрос гражданина Ладошина, который выбросил ее из машины; опрос его супруги Ладошиной Д. И.; ее заявление о самоубийстве мужа; опрос матери погибшей... Нет ни свидетелей, ни

протоколов о дорожно-транспортном происшествии, ни протокола следователя прокуратуры. Да он, видимо, и не вызывался. Я спросил:

— Коллега, что ты думаешь об этом неосторожном убийстве?

— Думать о пустяках мне некогда.

— Неосторожное убийство — пустяк?

— Без комментариев, Рябинин.

Считать гибель человека пустяком мог либо дурак, либо следователь неопытный. Впрочем, если нет ума, опыту не на что ложиться.

— Послушай, Бонд...

— Как?

— То есть Бондарев. Ты этот материал сам-то читал?

— Блин, за кого ты меня держишь? Сразу ознакомился. Но у меня по двум делам сроки горят.

— Если ознакомился, то как этот Ладошин мог выбросить женщину на ходу? Он же вел машину?

— Не попал, умник. За баранкой сидел не он, а его жена.

— Кто это сказал?

— Жена и сказала.

Глава 5

От следователя вышел я каким-то обескураженным. Меня даже не оправдывал выпавший снежок, который от света фонарей мгновенно пожелтел. Неужели я надеялся отыскать в материалах дорожного происшествия намек на то, что Леха жив? Это как надеяться, что выпавший снег будет всю зиму лежать чистым. Или меня укололо последнее слово Бонда, оскорбившего меня «умником»? Но на дураков обижаться — самому дураком стать.

Под фонарем я вынул из кармана бумажку с адресом матери погибшей. К ней я и пошел. Но через квартал скорого хода встречаться со старушкой расхотелось: я вспомнил, какую загадку мне подбросили, где и кто — Борис Борисович своим автомобилем, точнее, фигуркой сороки на капоте. Почему именно сорока, а не тот же пингвин?

Глупое умей не начинать, и начатое умей кончать. Я зашел к матери погибшей — Елизавете Семеновне Ивановой, семидесяти лет. Пенсионерку почему-то удивило, как я узнал ее адрес.

— Вы же давали объяснение работнику ми-

лиции...

— А теперь что хотите?

— Узнать побольше о вашей дочери: чем занималась, где работала, как себя вела, с кем дружила...

Старушка полулежала на диване, к которому примыкал столик, заваленный таблетками и пузырьками. От перечня моих вопросов Елизавета Семеновна плотнее обвилась платком: ярким, расписным, павловопосадским. Зря я хотел обременить старушку необязательными, в сущности, вопросами, если меня интересовал лишь один: что она знает о связи дочери с Ладошиным?

— Работа у Катерины была современная: не поймешь, что делает, — в турагенстве по эксклюзивным видам отдыха. К примеру, люди хотят ехать в Суздаль, чтобы поиграть там в футбол в лаптях. Катерина все боялась потерять какой-то статус.

— Алкоголем или наркотой не баловалась?

— Что вы! Она же худела. Делала себе ванны с каким-то белым скипидаром. Или кофейные обвертывания — обмажет себя кофейной гущей и сидит, как негр.

В больной старушке жила неподобающая моменту энергия. Она посматривала на меня зорко,

будто подозревала во мне квартирного мошенника. Опускала глаза, только лишь когда запивала таблетку.

— Елизавета Семеновна, мне это кажется, но смерть дочери вас не очень печалит?

— Я верующая. Чему печалиться, если душа покойного попадает прямо на небо?

Да, на небе светло и просторно. Но ведь сперва зароют в глинистую землю.

Беседовала пенсионерка охотно. Но разве я пришел для богословских дискуссий? После осознания моего внутреннего беспокойства — почему сорока, а не пингвин — время побежало скорее. Надо думать, надо действовать. Не упустить бы чего. Я заторопился и спросил прямо:

— Елизавета Семеновна, а мужчина у нее был?

— Жених, Владик Сокольский, но они два уж года как расстались. И эти два года Катя все свободное время не отходила от меня.

— Имя Алексея Ладошина вам знакомо?

— Впервые слышу.

Скорее всего, их роман ловко скрывался. Это нетрудно: можно снять квартиру, есть гостиницы, квартиры одиноких друзей... Нет, трудно, потому, что от родной матери не утаишь. Все, других вопросов у меня не было, поскольку я не

допрашивал, а просто беседовал. Другие вопросы будут у Бонда, если будут. Безучастность матери все же породила вопрос заключительный:

— Елизавета Семеновна, по этому делу вы будете признаны потерпевшей. Жаждете наказать виновника смерти вашей дочери?

— Это не по-христиански. Я тоже виновата: мне сделалось плохо, и я велела Кате сбегать в аптеку за нитросорбитом. Это за два квартала от нашего дома. Не добежала...

— Водитель виноват, — невнятно буркнул я.

— Виноват, но человек он добрый.

— Откуда вы знаете?

— Он приходил ко мне вчера и просил прощения.

— Что он вам сказал?

— Что за рулем сидят козлы, а улицу переходят бараны.

Я замолчал, малость ошарашенный. Леха к ней приходил? Леха жив? Как бы подтверждая это обстоятельство, пенсионерка добавила:

— Он фрукты принес, шоколад, колбасу.

— Колбасу диабетическую? — потянул я время, чтобы прийти в себя.

— Полукопченую.

— Да, Леша добрый...

— Почему вы называете его Леша?
— А как?
— Мне он представился Борисом Борисовичем.

Глава 6

Работа следователя интересна тем, что обнажает людскую психологию; а ведение дневника полезно тем, что заставляет размышлять. Плюс — сказывалась моя молодость. Я хочу сказать, что мне хотелось найти законы бытия. По-моему, один я нашел и записал в дневник.

Большинство наших бед оттого, что мы не отличаем главного от второстепенного, или, иначе, дела от пустяков.

Меня занимала какая-то птичка на капоте... А главное в другом, непонятном: жив Алексей или нет? Тело ведь не найдено. Если жив, то зачем приходил к матери погибшей? Зачем назвался Борисом Борисовичем? Или это действительно был сам Морокко? Тогда зачем он приходил, чтобы загладить вину Алексея? Казалось бы, наоборот: любовник Дарьи Ивановны заинтересован в дурной репутации ее мужа... Или это она послала Бориса Борисовича, проявив сочувствие к матери трубадурши? Надо разобраться...

Но у меня была текущая работа: вызваны свидетели, назначены экспертизы, запланированы очные ставки... Я одновременно расследовал громоздкое дело о хищении импортной мебели одним делягой по кличке Шифоньер, глухое убийство милиционера; разбирался с закрученным больничным сюжетом, где вскрылись эпизоды активной эвтаназии. И еще четыре дела помельче.

Итак, у меня имелся фактический материал — два письма, написанные Лехой: одно написано мне и другое, взятое у Дарьи Ивановны, предсмертная записка. Я принялся их анализировать, уставившись в листочки бумаги, как тот самый баран в те самые ворота. Оба письма чистенькие, не помятые, без помарок и зачеркиваний — очевидно, что писались они в спокойном состоянии. Человек, решивший умереть — спокоен?

Похоже, что наклон букв в одном письме отличается от их наклона в другом. Или это мои очки дергаются от нетерпения?

Заметно, как в одном письме строчки к краю листа слегка идут вниз, а в другом все они ровнехоньки. Тут нужен почерковед. Тогда мне надо в Бюро экспертиз, к Верочке...

Молодой следователь, работавший первый год,

я вошел, поздоровался и неуверенно выложил на стол плитку шоколада. Взятке она понимающе улыбнулась:

— Что, надо срочно?

— Не так срочно, как неофициально. Без моего постановления, без образцов почерка, без экспертного заключения...

— А что же надо узнать?

— Один ли и тот же человек написал эти два письма.

— Тут тексты?

— Да.

— Хорошо, что не подписи — двадцать восемь процентов подписей не содержат никакой информации. Так: палочки, галочки, крючочки...

Я выложил письма. Верочка мне нравилась своей непохожестью на матерых, давно работающих экспертов. И в. кабинете у нее пахнет не сигаретным дымом, не пивом, не бумажной пылью, а духами и хризантемами, стоявшими на столе в замысловатой вазе. Да и сама Верочка выглядела так, будто собиралась в филармонию, да заскочила зачем-то в лабораторию — аккуратная прическа, элегантный брючный костюм, аметистовый кулончик...

Верочка взяла огромную, величиной с блюдце,

лупу и принялась рассматривать тексты. Будто отгородилась от меня... Из-под нее, лупы, спросила:

— Сергей Георгиевич, разве и без экспертизы не видно, что письма написаны разными почерками?

— Где видно?

— У одного человека почерк размашистый, у другого — скупой. Один нервничал, другой был спокоен...

— Мне бы что поконкретнее?

— Смотрите, в этом письме буква «а» круглая, а в этом угловатая; в этом письме буквы без петелек, а в этом петельки как нарисованы...

Если бы почерковедческая экспертиза проводилась официально, то в заключительном документе все эти хвостики и петельки были бы не только описаны, но и сфотографированы. У работников со стажем имелся опыт, зато у молодых сохранилось любопытство. Главное от Верочки я вроде бы услышал, но она продолжала рассматривать письма. Из окна в комнату протянулись солнечные лучи и легли на лупу, отчего она сверкнула про-жекторно.

— Сергей Георгиевич, вас интересует только почерк?

— У вас есть что-то по содержанию?

— Откуда пришли эти письма? — спросила Верочка многозначительно.

— Одно я получил из рук женщины, второе пришло по почте.

— Откуда?

— Вот конверт со штемпелем почтового отделения.

— Какого, вы не посмотрели?

— Нет...

— Сергей Георгиевич, штамп не городской почты, а областной, какая-то Еловая Грива.

Зачем ей это раскапывать? Ну да, любопытство молодого специалиста... Или шоколадку отрабатывает?

Я же спросил уже с другим любопытством — человека, хлебнувшего жизненного опыта:

— Верочка, к чему вам эти сведения?

— Скорее, не мне, а вам. Одно письмо содержит информацию не только о почерке.

— Неужели пятна крови? — не удержался я, потому что девчонка шагнула на чужую территорию, на территорию следователя.

— Я нашла две ворсинки.

— Человеческие?

— Нет, синие, шерстяные... Скорее всего, письмо

писалось в перчатках или рукавицах.

— Которое письмо?

— Вот это.

Но я уже догадался, что это о присланном мне по почте письме. В моей голове складывалась картина или версия, а может быть, догадка, заслонявшая мысли, потому что бежала впереди них... Потому, что догадка близка интуиции, а впереди интуиции ничего нет. Если только аппетит...

Наступает зима, холодно, руки мерзнут, штамп загородной почты... Надо что-то предпринять, но сегодня я занят. Потом... «Потом» — это когда? Кусок будущего времени. «Потом» не существует: есть только «сейчас» или никогда.

— Верочка, ты не худеешь?

— А что — пора?

— Нет, это я к тому, что с меня причитается килограмм шоколада.

Глава 7

Я созвонился с оперативниками из области и выяснил, что на месте деревни Еловая Грива теперь стоит поселок Грива, где есть почтовое отделение. Обслуживает оно, главным образом, множество окрестных садоводств, в том числе и

садоводство «Яблонька», где у Лехи имелась дачка, да и у Бориса Борисовича тоже. Правда, Леха свой домик сжег. Мы договорились с участковым встретиться вечером в этой самой Яблоньке. Чтобы меня никто не ждал и не торопил, поехал на электричке...

Я стоял у воротец маломерной оградки и ждал участкового. Выпал первый загородный снег — легкий, теплый, прозрачный. Вдоль ограды стояли темные ели в белых шеломах. Я стукнул портфелем по маленькой елочке, и снег с нее осыпался весь, до последней снежинки, как будто елочка разделась.

Участковый подкатил на мотоцикле с коляской уже в сумерках. Молодой лейтенант выглядел щеголевато: белый полушубок, белый мотоциклетный шлем и густо-красные щеки, которые в сумерках казались темными. Хорошо ему: работает на свежем воздухе, да и харчи, небось, деревенские, натуральные...

— Как жизнь, лейтенант? — спросил я для зачина.

— У меня не жизнь, а служба.

— Много работы?

— Летом хоть на уши вставай.

— Сколько тут дач?

— Мой участок измеряется не дачами, а гектарами.

Он наверняка сгущал краски — садоводство с ласковым названием «Яблонька», лес, воздух, старушки с детьми, клубничка...

Я выразил свое несогласие:

— Хорошо бы тут летом пожить...

— Товарищ следователь, летом тут народ балду пинает.

— Не понял?

— Автомобили, музыка, пьянство, мат-перемат... Этим летом мальчишки облепили забор, что-то на участке разглядывают и ржут так нехорошо. Я поинтересовался, а там голая девка с компанией шашлыки жарит. Я сделал замечание, так вся гопа заорала о правах человека и собственности. Вроде как земля ихняя — что хотим, то и делаем, право имеем, — распалился участковый.

Я не брал отпусков, не ездил в турпоходы, не посещал курортов... Я каждое лето в экспедициях рыл шурфы, ходил в маршруты, дробил в ступе породу. Дачной жизни я не знал. Откровенно говоря, разговоры о правах человека мне казались пустой болтовней, потому что не бывает прав без обязанностей, а их частенько стараются

избегать.

— А как у вас с криминалом? — начал подходить я к цели.

— Осенью парня здесь взяли, от армии косил — купил машину, и стало ему не до армии. Вот дачи у нас горят...

— По каким причинам?

— Как записал один следак в протоколе: по причине неосторожного обращения с огнем.

— Печка?

— Какая печка, если я нашел восемь пустых бутылок из-под водки?

Почему в разговоре я шел к цели моего приезда медленно? Потому что уже имел кое-какой опыт — вопросом можно спугнуть. Вдруг лейтенанту покажется, что я накатаю представление начальнику ГУВД об участковом, допускающем пожары в садоводствах. Но сейчас мои вопросы притормозились по иной причине, как бы к делу не относящейся.

Дневник, который я затеял вести, был прожорлив, как автомобиль на бензин. Для него годились криминальные эпизоды, забавные образы людей, интересные допросы, смешные случаи... И само собой, размышления о причинах преступности. Одну, на мой взгляд, главную, я уже расписал:

убийства, насилие, телесные повреждения, хулиганства, кражи — все от пьянства. Теперь выходило, что и пожары от него?

— Лейтенант, а что ты скажешь про Алексея Ладошина, у которого дом сгорел?

— Замечаний не было. Да я видел-то его раза два.

— А жена?

— Солидная дама.

— Сосед их, Морокко?

— Еще солиднее. Это люди не нашего менталитета.

— Что за «наш менталитет»?

— Хамство сплошное.

— Лейтенант, есть информация, что Ладошин сам собственную дачу и спалил.

— Не в курсе, — вяло признался участковый.

До сих пор его ответы были точны, словно он не беседовал, а рапортовал. Если бы я вел расследование и допрашивал бы его, то зацепился бы за этот нюанс и попробовал выковырять из него причину внезапной вялости, как изюминку из теста.

— Пойдем-ка, лейтенант, глянем на пепелище...

Уже стемнело густо. Но сгоревший дом я на-

шел бы и без провожатого. Кусок черной земли, на котором торчала кирпичная печка с трубой. Пепелище... На соседнем участке высился дом, кажется, желтого цвета, который светлел даже в темноте. Строение Бориса Борисовича. И как это огонь не перекинулся на его хоромы? Видимо, спасла ель, росшая между домами. Высокая, размашистая, угрюмая; без пятнышка снега, отчего чернела угрожающе. Да и стекла окон, будто отражая сумеречность ели, блестели полированным мраком. Я встал под ее колючий шатер. Говорят, есть деревья, которые отсасывают энергию. Что-то под этой елью стало мне не по себе до слабости в ногах. Или на меня так действует черный оконный блеск особняка Морокко? Я глянул на крайнее окно...

За стеклом желтело лицо огромной куклы, которая за мной наблюдала. Да нет, не куклы — она моргнула и пропала.

Глава 8

Мы с участковым взлетели на крыльцо, готовые выломать дверь, но она была не заперта. Идти дальше в темноту было неразумно.

— Бомж вселился, — шепнул лейтенант. — Сбе-

гаю к мотоциклу за фонариком.

Если и бомж, то, похоже, устроился неплохо: тепло, натоплена печь, пахнет вареной картошкой и жареным мясом. Почему только он сидит в темноте? Мы спугнули?

Участковый вернулся мигом, узким лучом фонарика отыскал выключатель на стене и включил свет, слишком яркий для дачной тишины...

Посреди комнаты сидел Борис Борисович, развалясь в плетенном из ротанга кресле. Я глупо спросил:

— А что вы здесь делаете?

— Странный вопрос. Что может делать человек на собственной даче? Но я отвечу: собираюсь ужинать.

— А как же вы приехали?

— На машине. Я ее оставил у будки сторожа, дорогу развезло — не хочу пачкать свою красавицу.

У меня были вопросы колкие. Например, о фиктивной записке, о его визите к матери погибшей... Но они для иного времени и другого места. У Бориса Борисовича имелись вопросы, годные для этого места и для этого времени:

— Господин Рябинин, почему вы занимаетесь этим делом? Вы же не из нашей районной про-

куратуры?

Видимо, он разузнал мою фамилию и побывал в прокуратуре, где ему объяснили правила территориальной подследственности.

— А я вас не устраиваю, господин Морокко?

— Почему же... Но меня история с вашим приятелем не касается.

Я чуть было не спросил: «А история с его женой?» Задать вопрос мне помешал легкий и глухой стук, как от упавшей на пол книги. Хозяин объяснил с отстраненным безразличием:

— Ветер за окном... Не желаете ли чаю?

— Нет, спасибо, — поблагодарил я, разумеется, с отстраненным безразличием.

Участковый встал у окна, прислушиваясь, шумит ли ветер за окном. Я же любовался спортивным костюмом хозяина: теплый, ярко-красный, просторный, дорогой, наверное. Почему я его лицо принял за кукольное? Неужели из-за загорелой кофейно-блесткой кожи?

Над головой не то гном на велосипеде прокатился, не то шарик от настольного тенниса проскакал. Борис Борисович пояснил:

— Белка.

— Что же она там делает? — удивился лейтенант.

— Орехи на зиму запасает, — еще раз объяснил хозяин дачи.

Белка вовсю трудилась. Я часто сравнивал животных с людьми, с преступниками. Звери имели свои хищные пороки, преступники криминальные наклонности. Но было главное отличие: животные делают и не понимают, люди понимают — и все равно делают.

Теперь над головою не шарик покатился, а футбольный мяч запрыгал. Участковый сказал озабоченно:

— Похоже, белка-то в сапогах...

— Наверное, бомж забрался, — предположил Морокко.

— Сейчас глянем, — заверил лейтенант.

Он распахнул куртку, под которой оказался пистолет, включил фонарик и стал подниматься по лестнице. Я ждал грохота борьбы и, может быть, даже выстрелов, но минуты через две-три участковый спустился. За ним шел человек...

Леха!

Глава 9

В театре это зовется немой сценой. Впрочем, появление Лехи ошарашило только меня.

Участковому, человеку постороннему, явление погорельца ничего не говорило; хозяин же дачи наверняка был в курсе всего. Я нарушил немоту ситуации:

— Мне нужно поговорить с гражданином Ладошиным.

— А мне нужно объехать пару садоводств, — сообщил лейтенант. — Через часик за вами заеду.

Борис Борисович тоже засобирался, набросил меховую куртку и взялся за рюкзак:

— А я, с вашего разрешения, поеду домой. Господин следователь, дачу потом закроете, а ключи отдадите сторожу.

— Гражданин Морокко, жду вас завтра в прокуратуре. К вам есть вопросы.

— Не сомневался, — бормотнул он.

Они ушли. Мы остались с Лехой наедине.

— Ну, здравствуй, Леха.

— Здравствуй, Серега.

Я не узнавал его. И дело не в том, что он похудел и как-то вылинял; что пугливая тень лежит на его лице; что на нем не вольная выгоревшая футболка, а какое-то маломерное пальтецо... Я знал, что человек в полевых условиях и человек в городе — два разных человека. Но так измениться, до неузнаваемости...

— Сергей, мудрая пословица: от сумы и от тюрьмы не зарекайся.

— Ничего мудрого. Работай с огоньком — и никакой сумы; соблюдай закон — и никакой тюрьмы.

— Сидят же люди напрасно...

— Очень редкие случаи, раздутые прессой. А мне нравится другая поговорка: к чистому не пристанет.

— Серега, видать, я не чистый...

Не о том мы говорили. Но мне нужно были прийти в себя. Требовалось какое-то введение: его психическое состояние, настрой, реакция, в конце концов; хотелось Алексея рассмотреть. От моего взгляда его передернуло.

— Алексей, что с тобой?

— Вторую неделю болит желудок.

— Надо к врачу.

Похоже, от моего предложения он еще раз дернулся.

— Серега, объясни... Если раньше хотели оскорбить, то называли ослом. А теперь козлом. Почему?

Я принюхался — алкоголем не пахло. Леха свой вопрос расширил:

— Как даются деньги в экспедициях, ты знаешь.

Я привез сумму приличную, отдал все ей. И что? Из «козла» не вылезаю.

— Из-за «козла» и разошлись?

— Это еще семечки...

Похоже, что его подергивает мелкий озноб. В своем дневнике я записал, что судьба человека зависит от количества совершенных им глупостей. Очевидно, судьба Леху грубо пнула. Какую же глупость он совершил?

— Сергей, ты извини, что потревожил тебя письмом.

— Правильно сделал. Теперь давай суть.

— Ты спрашивай...

Я понял, что связного рассказа мне не услышать. Значит, как на допросе: вопрос-ответ.

— Алексей, тебя обвиняют в убийстве...

— Пусть обвиняют.

— Что значит «пусть»? Кто вел машину?

— Я, кто же еще.

— А не Дарья Ивановна?

— Она не умеет, да и прав у нее нет.

— Где она сидела?

— На заднем сиденье.

— А куда села женщина?

— Рядом со мной, на переднее.

— Как же ты мог ее выбросить на полном ходу?

Отпустил руль, остановил машину?

Алексей молчал. Видимо, мы подошли, как теперь модно говорить, к моменту истины. Но я требовал не истины, а правды. Поработав следователем, к поискам истины я охладел, потому что начал искать справедливость. Молчание Алексея затянулось. Длинные светлые волосы повисли влажно: он походил на мокрого белого петуха.

— Сергей, я ее не выбрасывал.

— А кто же тогда?

— Дарья.

— Как же она это сделала? — спросил я, хотя надо бы спросить, зачем она это сделала.

— Протянула руку, открыла дверцу и саданула девушку в плечо. Ты и выпала. Ты видел мою жену? Она же массажистка, у нее руки накачанные, здоровенные.

— Зачем же Дарья это сделала?

— Якобы я катаю по городу проституток.

Я уже знал, что каждая запутанная криминальная история держится на историй социальной. Рассказанное Алексеем было глупостью. Поведение дурака — это не социальная история.

— Дальше, — велел я продолжить рассказ о глупости.

— Машину остановил. Девица лежит без дви-

жения. «Скорая», милиция...

— Погибшую ты знал?

— Откуда же?

— Что она сказала, когда садилась в машину?

— Попросила подбросить ее до аптеки.

— Дарья слышала?

— Не факт.

Я все больше ценил воображение. При допросах и осмотрах мест происшествий без воображения — как без своих очков. Чтобы знать, нужны факты; чтобы представить, достаточно фактика. Сейчас мне этого воображения не хватало. Где связь между смертью девицы и присутствием Лехи в этом доме?

Спросил я прямо:

— Выбросила Дарья, а обвиняют тебя?

Он вздохнул шумно, простуженно и посмотрел на меня говорящим взглядом: мол, не спрашивай... Но я ждал ответа. За долгое ожидание был вознагражден ясным ответом:

— Сергей, это убийство я взял на себя.

— Как?

— Якобы сам вытолкнул девицу...

— Но почему?

— Дарью пожалел.

— Пожалел? Ты ж для нее «козел»!

До каких границ может простираться жалость? Пожертвовать собственной судьбой — это уже подвиг, а не жалость. Высмотрев в моем лице недоумение, Алексей сказал:

— Я любил когда-то Дашу...

— Вот именно: когда-то.

— Сергей, перед тобой стояли когда-нибудь на коленях?

— Да, вчера. Пьяный бомж.

— Стояла ли перед тобой на коленях женщина? — настойчиво повторил Алексей.

Его безволие меня злило. Или я не понимал сути гуманизма?

Или любви не понимал? Леха заговорил каким-то упертым тоном:

— Еще одну занавеску приоткрою... Последние года, что я катал в экспедиции, Дарья сошлась с этим Борис-Борисычем. Фактически он ее второй муж.

— И ты, первый муж, уступил ее мужу второму?

— Дарья рыдала, он просил... Зачем ломать жизнь двум людям? У нас с Дарьей все равно не брак, а кое-как...

Тишина стояла особая, загробная. Только вздыхала теплая печка, пахло вареной картошкой

да солеными огурцами. Помолчав немного, я спросил:

— Алексей, а зачем выдумка про самоубийство?

— Морокко женат. Надо разводиться ему, надо разводиться Дарье. А Борису Борисовичу по каким-то карьерным соображениям суды сейчас ни к чему. Он и предложил: сейчас я исчезну как самоубийца, зиму проживу у него на даче, а весной уеду в экспедицию. А потом видно будет, через год-то...

— Леха, тебя же станут искать...

— Кто? Дарья в милицию не пойдет. Убийц не ищут, а уж самоубийц...

В основе жалости лежит умение войти в положение того, кого жалеешь. Но что значит «войти в положение»? Видеть его глазами, слышать его ушами, жить его ощущениями. Так перевоплотиться я не мог, поэтому Алексея не понимал.

— Леха, а как же ты свою дачу сжег?

— Веришь, сам не пойму. Выпил всего бутылку пива, не курил... Гляжу, а чердак пылает...

Леха замолчал, видимо, соображая, как все это могло с ним произойти. Я же молчал, переваривая информацию и прислушиваясь к зимней тишине. Где-то далеко затрещал мотоцикл —

участковый возвращался.

Леха тоже услыхал стрекот:

— Ну, буду здесь сидеть и ждать.

— Кого?

— Дьявола.

— Зачем он тебе?

— Чтобы продать свою душу.

Он встал у окна. Я тоже подошел. В садоводстве посветлело: луна — гладкая, яркая, четко-круглая и близкая, — палкой достанешь. Из-за лунного света ель казалась непроницаемо-черной, точно я смотрел не на живое дерево, а заглядывал в бездну.

— Ее боюсь, — почти шепнул Леха.

— Кого?

— Эту ель. Она шевелит ветками, будто меня подзывает.

— Это ветер...

— Нет, там в самой гуще живет птица.

— Да какая же птица станет жить на елке зимой?

— Не знаю, крупная, пестрая...

Вернулся лейтенант. Мне хотелось спросить, какие большие пестрые птицы живут на его участке, но к нему имелось дело посерьезней. Я сжал Лехино плечо и сказал, как приказал:

— Алексей, сейчас участковый подкинет меня до электрички, а затем отвезет тебя в больницу.

— А потом, потом что?

— Будем думать.

Глава 10

Участковый начал что-то подкручивать в мотоцикле, мне же ничего не оставалось, как разглядывать пожарище. От него до сих пор несло обожженной глиной и застойным дымом.

Я вот размышлял о судьбе... А ведь так просто — судьбу выбираем мы сами. Алексей Ладошин, мой полевой напарник, показал, как это делается. Перед каждым из нас идет калейдоскопический ряд ситуаций, дел, людей, обстоятельств, только выбирай. Вот Леха и выбрал...

— Лейтенант, а отчего все-таки дом загорелся? Я так и не понял.

— Это надо к Степанычу, сторожу. Он мне какую-то лабуду на уши вешал.

— Он в городе?

— Нет, живет постоянно в садоводстве. Сейчас мы к нему заскочим.

Сторожка светилась оранжевыми окнами, а из трубы тянулся уютный дымок. Сторож впустил

нас почти обрадованно — истомился одиночеством. Не знаю, как он сторожил, но ему было наверняка больше семидесяти. Участковый спросил:

— Степаныч, ружье не потерял?

— Казенная же вещь.

— Тогда расскажи следователю, как сгорел дом Ладошина.

Старичок провел нас на кухоньку, поближе к плите. И тут пахло вареной картошкой и солеными огурцами. Только мы уселись, как он нас огорошил:

— Как сгорел дом, я не видел.

— Степаныч, надумал дать ложные показания? За это статья предусмотрена, — сурово предупредил участковый.

— Ая тебе как говорил? Народ сбежался, пожарных вызвали, я и ушел — у самого плита топилась.

— Что же вы запомнили? — пора было и мне вмешаться.

— Запомнил, как дом подожгли.

На мое лицо легло столько радости, что морщины сторожа разгладились отраженно. Ясно, как горело, если все сгорело; в конце концов, неважно, как горело, куда важнее, как загорелось, кто

поджег. Слова Степаныча оживили мои подозрения: кто поджег, если не Борис Борисович?

— Итак? — поторопил я.

— Подожгли чердак.

— Каким образом?

— По воздуху.

— С вертолета, что ли?

— Нет, птица.

— Что «птица»?

— Подожгла.

— Спичкой чиркнула? — не удержался лейтенант.

— Нет, принесла в клюве.

— Да что принесла-то? — начал я раздражаться.

— Головешку, которая горела с одного конца. И села на крышу дома.

Мое недоумение перешло в бессилие, когда не знаешь, что делать и о чем спрашивать. Дом подожгла птица, в еловой чаще живет птица, на капоте автомобиля Морокко металлическая птица... Слишком много птиц. Абсурдность ситуации участкового не смутила. Допрос дальше повел он:

— Степаныч, а что за птица?

— Я в них не разбираюсь. Покрупнее вороны,

цвета пегого.

— И куда она делась.

— Улетела в лес.

— А где же взяла горящую головешку?

— Выходной был, дачники на кострах шашлыки жарили.

Я понял, что больше сторож ничего не знает. Мы покатили на вокзал. Участковый посадил меня в электричку и поклялся, что свезет Алексея в больницу. До самого города у меня в голове крутились истории о птицах: сорока украла золотые часики, орел напал на человека, стая птиц сбила самолет, вороны обесточили целый поселок, какой-то редкий попугай говорит на трех языках, кондор унес ребенка в свое гнездо...

Утром я позвонил Бондареву-Бонду — как следователю, который будет вести дело. Я рассказал, что девушку из машины выбросила Дарья Ивановна, что Ладошин дачу не поджигал и от следствия не скрывается, что организатором фарса с самоубийством является гражданин Марокко... И я посетовал, что когда Ладошин выйдет из больницы, то жить ему негде. Бондарев удивился:

— У него же есть квартира.

— Не сможет он жить *с* Дарьей.

— А не будет никакой Дарьи.

— В смысле?..

— Я ее возьму под стражу.

— Хватит ли состава преступления?

— Неосторожное убийство, клевета и дача ложных показаний.

Я впервые усомнился в своем праве называть человека дураком. Да, глупцов много, но есть качество, которое дороже ума, — чувство справедливости.

ЧАСТЬ 3

Глава 1

За жизнью Алексея я, разумеется, следил. В силу возможности, потому что за моей жизнью следил прокурор района: не опаздываю ли на службу, не волокичу ли дела, не пропускаю ли сроки следствия, блюду ли все процессуальные нормы... Видимо, прокурор заметил, что меня привлекают не кулачно-пистолетные преступления и даже не миллионные кражи, а дела хоть с каким-то намеком на борьбу ума и характера.

Утром меня перехватили по дороге в прокуратуру и отправили на «жмурика». Жаргон я не люблю, но висевший мужчина, казалось, жмурится от клюквы во рту. Но изо рта торчал язык...

Заурядное самоубийство. В квартире толпились понятые, судмедэксперт, жена удавленника... Теперь слово «заурядное» к слову «преступление» я применяю осторожно. Какая может быть заурядность в смерти человека? Я допросил жену, соседей и его сослуживцев. О погибшем никто слова дурного не сказал. Выпивал редко и умеренно — не больше ста граммов, но вот жену

осуждали за борьбу, которую та вела с этими ста граммами не на жизнь, а на смерть.

Перед смертью муж посетил врача. Скорее всего, по просьбе жены, доктор сильно припугнул пациента, сообщив, что его язва со временем непременно перейдет в рак желудка. Человек пришел домой и повесился.

Я сидел в своем кабинетике, обдумывая ситуацию. Есть ли тут состав преступления — доведение до самоубийства?..

В кабинет осторожно, но решительно вошел человек. Он мне был хорошо знаком, но сознанию требовались секунды, чтобы извлечь его из сетки памяти. Я обрадовался:

— Здорово, Макарыч!

Мою руку он пожал с чувством, как клешней прихватил.

— Надумал тебя увидеть, — подтвердил он свое присутствие.

— Правильно сделал, Макарыч. Нам бы не мешало собраться всем и посидеть.

Не мешало? Нет, мешала тень поварихи: безмолвная, далекая, глубоко обиженная. Не поговорить с ней, не спросить, не покаяться...

— Как живешь, Макарыч?

— Работаю в фирме «Буровик». Вроде началь-

ника, занимаюсь кастингом, проще говоря, кадровик: подбираю рабочих на буровые скважины.

Все так же крепко скроен, да неладно сшит. И шляпа на лысой голове, правда, другая — не то из фетра, не то из замши. Выбрит чисто и пахуче, словно лицо вымочил в одеколоне. Но прищур глаз тот же, не верящий миру.

Мы вспомнили полевой сезон: как меня супесью завалило в шурфе, как пришлая собака съела три килограмма шпика, как Макарыч утром открыл месторождения марганца, а вечером закрыл...

— Макарыч, не женился? — ступил я на тему личной жизни осторожно, словно на стекло.

— Мне уже за сорок.

— И за семьдесят женятся.

— Лет в тридцать встретил я святую — не женщина, а чистый ангел.

— Откуда же такой ангел?

— Видать, отбился от стаи.

— И куда же она делась?

— Кто знает, куда улетают ангелы. Да и поселиться в моей квартире ангел не рискнет.

— Почему так?

— Моль летает.

— Макарыч, это не моль, а время у тебя в квартире трепещет.

Мог ли я давать советы человеку старше меня? Я, который сам холост... Помявшись, Макарыч сообщил нехотя:

— Зверя я завел, моль жрет на лету. Даже в шкаф за ней ныряет.

— Что за зверь?

— По имени кот.

В моем сознании булькнула жидкая мыслишка, неясная до глупости. Я задвинул ее туда, где самое место таким бесформенным проблескам.

Макарыч спросил:

— Говорят, Леха попал в историю?

— Уже выбрался.

Теперь, когда определилась цель его визита, беседовать стало легче. Как же я сразу не докумекал, что он пришел узнать о судьбе товарища? Пришлось все рассказать. Мы повздыхали, повспоминали, погоревали... Уж теперь-то Макарычу оставалось только распрощаться, но он уселся поплотнее, будто только что вошел, и с острым любопытством уставился на компьютер. Насмотревшись, изрек раздраженно:

— У моего директора компьютер поновей.

— Рад за твоего директора.

— Сергей, мне нужен совет...

У кого же просить совета, как не у приятеля — юриста и следователя? Его интерес к компьютеру я соединил с тем советом, за которым он пришел:

— Макарыч, украли его?

— Что украли?

— Компьютер.

— Хуже, Серега.

— Что же может быть хуже?

— Опозорили и меня, и директора.

Проснувшийся во мне интерес сделал встречу осмысленной. Компьютер опозорил. Скорее всего, проделки хакеров.

— Сергей, расположены мы так: кабинет директора, а перед ним что-то вроде приемной, где сидим я и Римма — референт, а вообще-то секретарша. И все. Ну, по вечерам приходит уборщица Ю.

— Кто?

— Не то якутка, не то монголка. Вообще-то, она — Юлия. Я перечислил лиц постоянных. Четыре человека.

— Макарыч, зачем ты их мне перечисляешь?

Он вздохнул от невыразимости того, что хотел сказать. Да нет, что хотел сказать, выразить

сумел:

— Сергей, я теряю свой статус.

— Еще не весь потерял?

— Говоря по-русски, я могу потерять хорошую работу.

Я снял очки. Гражданское и трудовое право меня никогда не привлекали, мой конек — уголовное право и уголовный процесс. Макарыч пришел не по адресу. Но выслушать его все же следовало:

— Семен Макарыч, излагай по порядку.

— На работу я прихожу первым — в поле привык рано вставать. Вхожу в наш офис... Сперва подумал, что штукатурка осыпалась... Или затеяли ремонт и все заляпали белой краской. Да нет, тут дело хуже.

— В смысле?

— Монитор и весь компьютер вымазаны птичьим пометом.

Он ждал моей реакции. Но ее не было, потому что я никак не мог взять в толк, почему он с этой чепухой пришел ко мне в прокуратуру? Не дождавшись моего ответа, Макарыч продолжил:

— Уборщица приходит по вечерам. Пришлось мне купить поллитру и отмыть компьютер водкой. Не уверен, что он будет работать...

В полевых условиях мы были дружны и потому едины. Теперь, в городе, каждый стал отдельной личностью, а, как известно, личность обрастает чертами. Из всех ребят к Макарычу я относился со смутной недоверчивостью. Не верил я в мудрость его прищуренных глаз. Видно, жило во мне подозрение, что он был застрельщиком той жуткой истории с поварихой.

— Макарыч, как же птицы попали в ваш кабинет?

— Не знаю, но на ночь я открываю форточку.

— Вот и отгадка, — торопливо заключил я этот никчемный разговор.

— Не, не отгадка...

Он расстегнул свою сумку и достал бесформенный пакет. Разворачивал медленно, едва прикасаясь пальцами, словно имел дело со взрывным устройством. Газета отшуршала... Черные перья, клюв, стекляшки глаз, кровь...

— Какая гадость, — не удержался я.

— Лежала в ящике моего стола. Что, следователь, скажешь?

— Макарыч, у тебя есть враг?

Я чуть было не добавил: мелкий и глупый. Но он уже этого врага начал вычислять, перебирая тех, с кем соприкасался ежедневно:

— Директор отпадает: мужик серьезный и меня ценит. Уборщица Ю, в смысле Юлия, к делу не относится: уберется вечером и уйдет. Правда, с Риммой, референтом, у меня отношения шершавые.

— Из-за чего?

— Каждый из нас хочет влиять на директора — конкуренция. Но не настолько, чтобы она таскала в кабинет дохлых птиц.

Заурядная свара, в которую не хотелось ни вникать, ни разбираться. Какая-то бессмыслица из референта Риммы, уборщицы Ю и дохлых птиц. Макарыч ждал моего решения. Какого? Сказать, что все это дурь на дури и дурью погоняет? Так я сделать не мог: нас скрепила полевая дружба, которая не слабее военной. И еще одно обстоятельство: уж если Макарыч заботился о своем престиже кадровика, то что же оставалось мне, следователю прокуратуры?

Распутать дрязгу, не выходя из кабинета?

Макарыч сообщил:

— Вот хочу посетить церковь...

— Ты разве верующий?

— После той истории с поварихой в храм заглядываю. Ищу дорогу.

— Какую дорогу?

— Сергей, к Господу ведет дорога прямая — меня на нее не пустят. К дьяволу дорога кривая — сам не пойду. Ищу дорогу третью, меж ними.

Теперь его недоверчивый прищур глаз казался грустным.

— Макарыч, на днях я заскочу к тебе и осмотрю место происшествия.

Чего несу? Нет ни уголовного дела, ни преступления, ни трупа, ни квартирного взлома... Ничего нет. Какой осмотр места происшествия? Впрочем, дохлую ворону я уже осмотрел.

Глава 2

На жизнь мне не хватало — нет, не денег — а времени. Я перестал делать утреннюю гимнастику — терять полчаса; не ходил в столовую — еще полчаса; не читал газет — только просматривал; не открывал книг — слишком толстые; отказался от пешей ходьбы от дома до прокуратуры... Как-то мне довелось участвовать в операции уголовного розыска. Ребята меня предупредили, что возможна стрельба. Я тут же поймал себя на идиотской мысли, что против смерти ничего не имею — хоть отосплюсь.

Это все к тому, что я надумал съесть нормаль-

ный обед. Прокуратура находилась на первом этаже гигантского офисного здания, где размещались районная администрация, налоговая служба, суд и офисы многочисленных фирмочек. Столовая была под нами, в полуподвальном свободном помещении, походившем с виду на ресторан, но только без официантов, на самообслуживании. Ну, и цены были гуманными.

Я спустился, взял гибкий поднос и встал в очередишку, которая тянулась вдоль буфетной витрины до кассы. С непривычки выбирать оказалось затруднительно: что тут было съедобным, а что не очень?

Мой взгляд пал на селедку: две дольки, прикрытые половинкой яйца. И не ошибся, потому что стоявшая за мной девушка тоже ее взяла.

А как без винегрета, который из-за свеклы ярко пунцовел, будто его полили вместо растительного масла бордовой краской? Девица тоже его взяла: значит, я опять не ошибся. Нет, ошибся, потому что приметил салат из помидоров, которые вкуснее свеклы. Ну, и девица тут же ошиблась.

На кусок дыни, а может быть, тыквы я польстился только ради витаминов. Наверное, ради них же взяла порцию и девушка.

Подозрение, а вернее, глупая мысль, остудила

мой гастрономический пыл. Неужели с этой девицей у нас синхронные вкусы? Можно было проверить экспериментальным путем.

Я нацелился на шпроты. Четыре рыбки со слегка задранными хвостиками лежали на тарелочке как-то вздуто, слово они только что проглотили своих собратьев, других четырех шпротин.

— Сергей Георгиевич, не берите их, — посоветовал кто-то слегка сипловатым голосом.

Явно не шпротины, потому что они моего имени не знали.

— Почему не брать? — я обернулся к девушке.

— Они тут лежат вторую неделю.

— А откуда вы меня знаете?

— Мы всех служащих прокуратуры знаем. И о вас много хорошего говорил Семен Макарович, с которым мы сидим в одном кабинете.

— А вас как звать?

— Римма.

— Ага, референт.

— Просто секретарша.

В ее внешности обе эти профессии свободно сочетались. Лет ей за тридцать, слегка полновата, прическа «танцующие локоны», строгое темное платье, омоложенное белым шарфиком — референт. Легкомысленно играющий взгляд,

неумеренная косметика, искусственный загар, на ногах туфли на гигантских «шпильках» — секретарь. Первое-второе-третье мы уже не взяли: наши подносы были заставлены тарелочками впритык. Да и разговор привлекал обоюдно. Мы сели за столик.

— И кто кому подчиняется?

— Мы равны, хотя у меня высшее образование, а у Семена Макаровича средне-техническое.

— Вам обидно?

— Нет, Макарыч отличный специалист. И знаете что? Высшее образование мужчине не идет. Оно ему — что мода для женщины.

— Что же идет мужчине? — удивился я.

— Мужественность.

— Как у Семена Макаровича? — теперь я не только удивился, но и догадался.

— Сергей Георгиевич, мне кажется, что Макарыч ходит в русских сапогах, от которых попахивает дегтем.

Зря старались французы, изобретая новые парфюмы для мужчин. Дегтю надо. В палатке Макарыч душил нас сигаретами, которые, по-моему, были скручены из кошмы, вытянутой из-под лошади.

Мы нехотя поковырялись в тарелках. Возмож-

но, когда-то это и было вкусным, но постояло, подсохло, пожухло. Потеряло не только товарный вид, но и вкусовой. Римма посетовала:

— Чего бы им, скажем, не напечь блинов?

— Нельзя в общественном месте.

— Почему?

— Блин — это ругательство.

Римма походила на южанку, может быть, на итальянку: скорая речь, сдержанная жестикуляция в помощь этой речи; черные волосы, наверняка бешено-кудрявые до тех пор, пока стилист не уложил их в крупные глянцевитые локоны.

— Римма, вы замужем?

— Была, вышла не за мужчину, а за мясной полуфабрикат.

— Пил, не работал?

— Хуже, подлецом оказался. Бог создал землю, природу, луну, животных...

— И человека, — подсказал я.

— Человека создал не Бог.

— А кто же?

— Дьявол.

Поработав следователем, я научился ценить любую информацию, стал относиться к ней не как к развлечению, а как к материалу для дела.

Из Римминых рассказов о Макарыче, о Боге, о замужестве и даже из дохлых птиц я старался выжать пригодный для меня смысл. Точнее, для помощи Макарычу.

— Римма, а что это за история с убитыми птицами.

— Мне тоже подкинули в стол голубя без головы.

— И что все это значит, как вы думаете?

— Хулиганство.

— Вас же в кабинете всего двое...

— Но кабинет проходной. Ко мне идут, к Макарычу, к директору толпой.

Я глянул на часы — засиделся. Меня ждал допрос барышни по кличке Шахерезада, содержавшей три притона.

Глава 3

В следующую ночь я дежурил по городу, следующий день отсыпался, на следующий день у меня было вызвано повестками восемь свидетелей, следующий день всех сотрудников прокуратуры и РУВД бросили на оперативную работу, так как в районе появился маньяк-педофил... Это слово — «следующий» — резиновое, так как безразмер-

но растягивает время. Или наоборот: безмерно сокращает время, создавая иллюзию его бесконечности.

Я решил поговорить с уборщицей и на этом птичью историю кончить. Не вызывать же директора фирмы? Он решит, что я либо спятил, либо следователю прокуратуры нечего делать. Дать поручение уголовному розыску? Что поручить? Найти личность, таскавшую дохлых птиц? И выставить себя на посмешище всего РУВД? Да и на каком основании мог я дать такое поручение?

Тот, кто подбрасывал птиц, наверное, был человеком жестоким — ни с того ни с сего убить живое существо... Я обещал Ма-карычу найти этого типа. Скитания по экспедициям меня научили многому, и главное — дружить и держать слово.

Я позвонил на фирму и попросил прислать ко мне уборщицу Юлию: именно попросил, потому что уголовного дела не было и повесткой ее не вызовешь.

Она пришла в семь вечера. Высокая, гибкая, не то китаянка, не то кореянка. Она и села гибко, как-то изогнуто. Спросила, как пропела:

— Вызывали?

— Да, просил зайти.

Поскольку это был не допрос, то паспорт ее мне

не требовался. Просто беседа. А без паспорта я не знал ни ее настоящего имени, ни возраста, ни откуда она родом. Пришлось спросить.

— Как вас зовут?

— Ю.

Видимо, она меня не поняла:

— Я спрашиваю ваше имя.

— Ю.

— Чего «Ю»?

— Звать меня так.

— По паспорту?

— По паспорту Юлия.

Черные волосы с блеском до сияния, с таким же блеском темные глаза... Слегка скуласта, слегка раскоса, слегка узколоба.

— Значит, работаете уборщицей?

— Не только: лечу по китайской методике, теория Чандо... У меня среднее медицинское образование.

— Вы не здешняя, откуда приехали?

— Из Амурского края.

В конце концов, она не обвиняемая и даже не свидетельница. Дел мне с ней не вести — лишь задать пару вопросиков. Ю так Ю. С чего бы начать этот необязательный разговор?

— Ю, работы много?

— Хватает, но я растекаюсь по кабинетам шариками ртути и все успеваю. Недавно денежную премию дали.

— Ну, счастье не в деньгах, — сообщил я для поддержания беседы.

— Деньги больше, чем счастье.

— Это почему же? — возразил я вопросом.

— Будут деньги, будет и счастье.

Ребята из уголовного розыска бегают, таятся в засадах, ловят... Я впервые им позавидовал. Да, бегают и ловят, но они не пишут длинных и нудных протоколов. Я вот сижу и просто беседую с девушкой по имени Ю, словно на свидании: любые вопросы, все равно какие ответы — и никакой бумажной волокиты.

— А директор сейчас на месте?

— Уехал уже. Мы зовем его директором, а на самом деле он заведующий филиалом. Но все равно начальник.

— Ссоры у вас бывают?

— Не с кем ссориться. Я — уборщица, человек маленький. Макарыч спокоен, как столетний дуб. Ну а Римка влюблена в шефа. Только напрасно она губы раскатала, есть у него баба в Австралии.

— Далековато...

— Ездит к ней. Прошлым летом вернулся, а из его портфеля мордочка выглядывает.

— Чья мордочка?

— Его любовницы.

— Ничего не понимаю...

— У нее в Австралии кенгурячья ферма. Вот и подарила ему кенгуренка.

Поскольку меня интересовали не млекопитающие, а пернатые, я спросил:

— Может, и птиц он привез?

Ю засмеялась — молодо и озорно. Я усмехнулся — хмуро и слегка раздраженно. На что трачу время! На Макарыча. Нет, не на Макарыча, а на дружбу.

— Ну и пусть влюбилась, — разрешил я. — Римма женщина незамужняя.

— Она побывала замужем больше голливудских актрис. Спятит когда-нибудь на сексуальной почве или попадет в гарем.

Я не стал уточнять адрес ближайшего гарема, а лишь поинтересовался:

— А в чем выражается ее сексуальность?

— Жирным куском легко подавиться...

— Не понял?

— Римка положила глаз на директора.

Его мне видеть приходилось: крупный, упи-

танный, горластый. Короче, жирный кусок. Положила глаз, ну и пусть себе лежит. Пора было спрашивать о том, ради чего пригласил:

— Ю, ну а кто же птиц подбросил, как вы думаете?

— Я же сказала.

— Только, что Римма клеится к директору. А при чем тут дохлые птицы?

— Хочет, чтобы он обратил на нее интимное внимание. Знаете, если в школе девчонка понравилась мальчишке, то он ее лупит при каждом удобном случае.

Я слегка онемел от услышанного: любовные заигрывания с начальником при помощь дохлых птиц. Расспрашивать дальше не хотелось, да и вроде бы не о чем. Ю заторопилась:

— Побегу. Я нашла еще одну работу: уборка салона фигурного педикюра.

Глава 4

Автомобильные пробки меня лично не касались: у прокуратуры имелся курьер, а до своего дома я с удовольствием шагал пешком. Отличный моцион. Пробки меня не волновали еще и потому, что машины я не имел и не собирался ею

обзаводиться, хотя понимал, что отказаться от владения собственным автомобилем может только человек без амбиций. Значит, я — без них.

Путь к моему дому лежал мимо фирмы «Буровик». Я полагал, что помог Макарычу: советом и близостью дружеского локтя. В конце концов, дурь какая-то с этими птицами, причем высосанная из пальца.

Сотрудники «Буровика» выходили из здания и рассаживались по своим машинам: богатая организация, работают на нефть. Я почти миновал подъезд фирмы, когда увидел, как вышел директор, а точнее, завфилиалом. Мне довелось встретиться с ним всего один раз, но он мне запомнился: современный мужчина с повадками... чуть было не написал «рыси». С повадками преуспевающего менеджера. Он, само собой, тоже подошел к машине.

Мне, безлошадному, можно было топать дальше. Я вмиг догнал его черный лимузин, поскольку он каждые десять метров останавливался вместе с плотным потоком машин. Мне даже удалось заглянуть в салон.

Рядом с директором сидела женщина. Ну и что? Пусть сидит. Ну и что? Я заглянул в салон еще раз, благо стекла были не тонированные. Конечно,

видел — только с непокрытой головой. Это Римма. Ну и что? Начальник подвозит сотрудницу...

Но в моей голове мысли заиграли в чехарду. Римма восхищалась Макарычем так, будто влюбилась в него. Скорее всего, у них роман. Не обманывает ли она моего друга?

Это заключение, идущее на уровне дамских сплетен, заглохло бы от собственной бессмыслицы, но в него вклинились дохлые птицы. Зачем? Мне уже хотелось все это сцепить и дойти до логического вывода.

Пробка легонько тронулась. Я подскочил к какому-то «Мерседесу». Водитель открыл дверцу. Я заговорил сбивчиво:

— Парень, выручи. Такая нескладуха... Надо проследить вон за тем черным автомобилем.

Я достал удостоверение и помахал перед его глазами. Он не шелохнулся:

— Я жду босса.

— Когда он придет?

— Через полчаса.

— Мы успеем.

Мое удостоверение водителя не тронуло. Предложить ему денег? Стыдоба какая: следователь прокуратуры ловит преступника за свой счет. Сказать, что гонюсь за убийцей? Я придумал:

— Жена с любовником сбежала...

Водитель молча врубил двигатель, и мы влились в поток. Какой там поток — ленивое течение. Водителю хватило времени разглядеть следователя-растяпу, у которого увели жену. С таким следователем можно и потрепаться, тем более что тема была веселой.

— Бить будешь? — спросил он.

— Кого?

— Конечно, бабу.

Водитель — молодой, с узким лицом, бритой головой, в темных очках — походил на буддийского монаха, правда, веселого. Или он меня развлекал?

— Теперь девчата вместо свиданий в парках едут на моря в азиатские страны.

— Купаться?

— Ну, заодно и купаются.

Я не спускал глаз с черного автомобиля. Он перестроился в другой ряд. Зачем? Или дама уже приехала?

— Раньше, говорят, у нас секса не было. А теперь? Взять хотя бы Эммануэль. Если глянуть по правде, то она кто?

— И кто?

— Да шлюха.

Движение оживилось. Где-то кто-то выдернул пробку. Я боялся, что водила меня высадит и повернет назад к своему боссу. Вся надежда была на запас его историй и мыслей о любви:

— Мой босс любит заниматься сексом в своем кабинете.

— Неудобно же.

— Это смотря какой стол.

Я огляделся, будто попал в незнакомое место. Так и было: чужая машина, чужой водитель. На кой дьявол я увязался за директором?

Водитель начал новую историю:

— Мой приятель жалуется на свою телку. Мол, в кровати лежит, как дохлая лягушка.

— А что ей делать?

— Шевелиться, дергать его...

— За что?

— Не за нос же...

Дослушать эту дивную историю мне не удалось — черный автомобиль резко съехал с дороги и пропал под дворовой аркой.

— Туда я не поеду, — отрезал водитель.

— Спасибо тебе, — на ходу сказал я и ринулся в подворотню.

Но во дворе черного автомобиля не было. Не мог же он въехать в парадное? Я обошел двор.

Директорская машина стояла за трансформаторной будкой, уткнувшись в сугроб снега, как громадный раздобревший ворон. Я прокрался к заднему стеклу и заглянул...

На коленях у директора сидела Римма. Они целовались с таким нетерпением, что я поскорее ушел, чтобы не стать свидетелем логического конца этой страсти.

Глава 5

От машины-то я ушел, но не от своих мыслей.

Следователю много чего надо знать, подчас весьма неожиданного и вроде бы ненужного: какую температуру выдерживают при пожаре отпечатки пальцев, что такое Y-хромосома, какова скорость разложения трупа, возможности геномной экспертизы, на какое расстояние бьет автомат «Агран», почему комнатное растение «диффенбахия» смертельно ядовито... И разбираться в психологии. Но я не помню, чтобы студенты юридического факультета изучали любовные отношения. Поработав, могу доказать, что эти отношения бывают покруче самых запутанных убийств.

Когда я в столовой беседовал с Риммой, то даже

позавидовал Макарычу: молодая, современная женщина не находила слов от восхищения, чтобы описать его достоинства. Наверняка она в него тайно влюблена, подумалось мне тогда: ведь она восхищалась моим другом как мужчиной. Впрочем, почему тайно?

И вдруг — директор, автомобиль, сугроб за трансформаторной будкой... Что-то тут не сходилось, или я чего-то не понимал. Слабоватая догадка пришла потом, уже дома...

Да, восхищалась Макарычем как человеком, брутальным мужиком, ну а директором — как руководителем. Римма была слишком амбициозна, чтобы со своим высшим образованием подавать кофе и сидеть в кабинете, куда подбрасывают дохлых птиц и гадят на мониторы. Ради карьеры спуталась она с директором, ради нее! Но это уже не мое дело, и даже не Мака-рыча.

По дороге я накупил газет и журналов — разных: серьезных, дамских, «желтых»... До сна было часа три времени — редкая удача. После ужина я развернул их, удивившись самому себе. Я оторвался от жизни. Разве можно так долго не прикасаться к прессе? Уйма неизвестной мне информации...

Жанну д'Арк не сожгли на костре, а она вышла

замуж и нарожала много детей; Берию не расстреляли, а он сбежал и до пенсии прожил на Урале, работая сантехником; Пугачева вышла замуж за грека по фамилии Идиотис, и теперь она Алла Идиотис; Чехов ездил на Сахалин, чтобы посетить местные бордели.

Телефонному звонку я даже обрадовался, поскольку он спасал меня от газетной дури.

— Слушаю.

— Сергей Георгиевич, дежурный РУВД капитан Фокин. Происшествие.

— Фокин, есть же дежурный следователь прокуратуры по городу.

— Он на другом происшествии. Прокурор района велел вам позвонить.

Я глянул на часы — двадцать три ноль-ноль. Похоже, я ко всему привыкну: к крови, к трупам, к слезам, к бандитским мордам, но мне никогда не привыкнуть к ночному телефонному звонку, который не звонил, а взрывал тишину.

— Капитан, а что случилось? — спросил я, не сомневаясь в серьезности происшествия: из-за пустяка вытаскивать следователя прокуратуры не стали бы.

— Изнасилование, Сергей Георгиевич.

— Далеко?

— Рядышком, в офисе фирмы «Буровик».

Я молчал, потому что информация дежурного не хотела обрастать логикой; дежурный молчал, видимо, ожидая, когда последует моя реакция. Он так и не дождался:

— Сергей Георгиевич, машину за вами высылаю.

Меня одолевало пышущее зло на себя: числю себя в умных... Но умный всегда виноват, потому что с него больше спроса. Ведь я же почувствовал, что Римма что-то замышляет. Понял, что ради карьеры она способна на все. Почему же я промолчал? Потому что исходил из общепринятого штампа: судить по делам и поступкам. Но дела не равны поступкам: именно, так и надо записать в дневнике. Дела видны и протяженны, а поступки кратки и сокрыты.

Не знаю, готовятся ли мысленно, скажем, хирург к операции, а спортсмен к рекорду. Я готовился к выезду на место происшествия, перебирая в памяти свой опыт расследования изнасилований. Но этот опыт был слишком куц, чтобы опираться только на него, поэтому на память лезло все, что касалось сексуальных преступлений...

...Насильник снял с жертвы колготки и завязал

ими глаза девушке, чтобы ничего не видела и не запомнила... Был у меня насильник, который отрицал преступление на том основании, что он «голубой». Прокурор района мне доказывал, что «голубые» тоже насилуют, только по-своему, по-голубиному... Бывали казусы смехотворные: преступники обидели девушку — взяли ее подругу, а ей сказали: «А ты иди домой». В другом случае насильник беспокоился о своей безопасности и у потерпевших брал расписки, что претензий они к нему не имеют.

Вообще-то интимные преступления требуют тонкого психологического подхода. Вел я одно дело, вроде бы ясное, как белый день. Факт насилия очевиден, есть и свидетели, и вещественные доказательства. Я уже намеревался направить дело в суд, но пришла расстроенная потерпевшая и сообщила, что она не обратилась бы в милицию, если бы ее обидчик потом довез ее до дома. Что мне было делать?

Расследуя подобные случаи, я пришел к интересному открытию: в народе насильниками считаются те, кто нападает на девственниц. Выходило, что женщины в возрасте насильников уважают и все улаживается мирно и полюбовно.

Мы приехали. Первый кабинет, знакомый мне

по описанию Макарыча... Понятые, криминалист, эксперт-гинеколог... Я открыл вторую дверь и вошел в кабинет директора филиала. Там были лишь два человека, сидевшие по углам комнаты, как боксеры по углам ринга. Их и должно быть двое: директор и Римма. Но ни директора, ни Риммы здесь не было. В молчаливом оцепенении меня ждали двое — других...

Уборщица Ю и Макарыч.

Глава 6

Постоять, подумать, прийти в себя... Но сидевшие в соседней комнате ждали следователя — ждали моих конкретных указаний. Вообще-то эти люди знали, что делать, и без меня. Криминалисту — искать следы, гинекологу — обследовать потерпевшую, понятым — наблюдать... А мне составлять протокол осмотра места происшествия.

Картина была типичной, следы борьбы налицо: перевернутое кресло, сорванная портьера, на столе лужа и стекла, видимо, от разбитого графина. Макет буровой вышки валяется на полу... Директорские бумаги под столом брошены туда, словно для вытирания ног. Лишь крови и трупов не хватает...

— Кто ж это натворил? — вырвалось у меня.

— Я, — не без гордецы ответила Ю.

— Зачем?

— Отбивалась от этого самца.

Место преступления... Мой мозг сделался одним пульсирующим нервом. Как Макарыч после жуткой истории с поварихой вновь совершил подобное? Где же его душа? Неужели правы те юристы, которые утверждают, что одно совершенное преступление непременно толкнет этого человека на второе, на подобное? Или правы те биологи, которые объясняют рост сексуальных преступлений тем, что у мужчин ломается Y-хромосома?

Я велел всем, кроме потерпевшей, выйти в соседнюю комнату, потому что допрашивают по одному. Это только в киносериалах из допросов устраивают корпоративные междусобойчики. Когда все вышли, я предложил:

— Сперва подробно расскажите, а потом напишете официальное заявление.

Ю вздохнула, но не тяжко, будто я попросил рассказать анекдот. Она вытянулась, потому что ее длинное тело не умещалось в полукреслице. В дамских нарядах я плохо разбираюсь, но ее платье цвета морской волны, казалось, плещется

по ее фигуре.

— Ю, какие у вас были отношения с Семеном Макаровичем до этого происшествия?

— Да никаких. Говорили о швабрах, спецодежде и выходных. А сегодня убиралась я поздно, и Макарыч задержался. Зашла я в директорский кабинет. Макарыч за мной. Положил мне руку на бедро и лезет, куда не положено...

— Это куда? — заинтересовался я.

— Показать? — начала она злиться.

— Как-нибудь потом, — отшутился я.

Небывалый настрой. Место преступления, насильник, потерпевшая, а меня распирает веселость. О проделках Макарыча хотелось услышать в деталях.

— Что дальше? — сурово спросил я.

— Макарыч предлагает заняться сексом. Я спрашиваю, шутя, даст ли он мне за это новые швабры? Пять штук, отвечает. В конце концов я обозлилась: спрашиваю, похожа ли я на девушку по вызову. Отвечает, что я уборщица по вызову. А он якобы секс-символ. Я и говорю, что не сомневаюсь в наличии у тебя символа, а вот секс... А его рука уже там...

— Где?

— Где не положено. Тут я распряглась, и по-

шел у нас хэппи-энд. Вот оно, поле битвы... Надо прибрать.

Тот юмор, который во мне бродил, видимо, перебродил и обернулся кучей вопросов. Я начал их бросать в уборщицу, словно вел прицельную стрельбу.

— Ю, почему уборка помещения в такое позднее время?

— Днем в кабинетах работают.

— Вы всегда убираетесь в таком шикарном платье?

— Перед уборкой я заходила к подруге.

— Была борьба, а почему на платье никаких повреждений?

— Отбивалась удачно.

— А он хотел его снять?

— Мало ли что хотел... У платья застежка непростая.

— На столе лужа воды, а платье сухонькое. Почему?

— А на стол ему меня не удалось завалить.

— Графин с водой вы разбили?

— Да.

— Зачем?

— Чтобы шумом привлечь людей.

— А почему не кричали?

— Стыдно орать-то.

— Ю, такая потасовка, а ни на вашем лице, ни на его ни единой царапинки.

— А я не кошка.

— Ю, вы говорите, что он дверь запер. Но прибежавший охранник нашел ее открытой. Как это понимать?

Ю дернулась, будто мой вопрос ее ужалил. Потом вскочила и вытянулась во весь свой рост, как длиннющий синий язык горящего газа. И сказала громко и почти добродушно:

— Идите вы к черту! Никто меня не насиловал.

И ушла. Я не остановил, а лишь улыбнулся довольно, вернее, самодовольно — все бы расследования так кончались Я вышел в соседний кабинет.

— Товарищи, вы свободны.

Но мой взгляд, похоже, добавил: все, кроме Макарыча.

Глава 7

Уже было за полночь. Административное здание обезлюдело давно. Стал затихать и город. Зимние вечера тише, чем летние. Видимо, ненужные звуки вязнут в снегу.

Мы с Макарычем сидели в тишине, посреди беспорядка, в кабинете директора. Я не спрашивал и ничего не говорил, но Макарыч хрипло упредил:

— Без адвоката говорить не стану.

— А зачем тебе адвокат, Макарыч?

— Она же мне насилие шьет...

— Уже не шьет.

— А как?

— Заявление писать не стала и отправилась домой. Но ты, Макарыч, должен мне объяснить, в чем тут дело.

— Сергей, не сейчас...

— Хорошо, завтра.

Я видел, как переживания проехались по нему катком: крепко скроенные плечи повисли, как птичьи крылья; мужественный, крепкий подбородок обмяк, словно обессилел; во взгляде пропала волевая недоверчивость. Голос сухой, движения медлительные, стариковские. Не адвокат ему нужен, а психоаналитик.

— Сергей, наша жизнь есть дурь.

— С чего такой вывод?

— Надеешься на счастливый оборот, но в конце жизни натуральный облом.

— В каком смысле?

— В смысле смерти. К чему, зачем, за что она

косит людей?

Принято считать, что работа следователя — это допросы, очные ставки, места происшествий, протоколы... Но уже в первый год работы я начал приходить к мысли, что есть нечто главное, на чем держится мой труд. Следователь — это прежде всего психоаналитик.

— Сергей, хочу сходить в церковь.

— Она для верующих, а ты, наверное, за всю свою жизнь ни разу лба не перекрестил?

— Неужели Богу так важно: верят в него или нет? По-моему, Бог выше этого.

— Макарыч, не избежать тебе ада, — не стал я его щадить.

— Сергей, я почти два года каюсь перед небесами. Мне это зачтется?

— Ну, может, в ад тебя и не пустят.

— А куда?

— Вернешься на работу.

Говорят, что сомнения — удел людей умных. Дураки не сомневаются. Тогда я — самый умный, потому что сомневаюсь, как спотыкаюсь. То есть на каждом шагу. Поверил Ю, что никакого покушения на изнасилование не было. А если Ю пожалела Макарыча и в последний момент отказалась писать заявление?

В прошлом году был казус: за одним братком охотились киллеры. Где спрятаться? Браток справедливо решил, что лучше тюрьмы места нет. Уговорил свою подружку изобразить жертву сексуального нападения. Якобы он напал. Поставил ей синяк, разорвал платье и отправил в милицию. Его арестовали. Подружке он велел через какое-то время признаться, что она ошиблась, с кем-то его перепутала. Нет потерпевшей — нет преступления. Его выпустили.

— Макарыч, я никогда не спрашивал. Почему ты не женат?

— В свое время хлебнул этого счастья.

— И что?

Он замешкался. Кому охота вспоминать неудачные браки? Но брак, тем более неудачный раскроет человека, как распахнет.

— Сергей, не женитьба была, а цирк. Тебе-то будет интересно, поскольку чертовщиной интересуешься. А моя женитьба про нее, про чертовщину. То есть про судьбу.

— На ведьме, что ли, женился?

Говорить серьезно с человеком, который судьбу обозвал чертовщиной, не стоило. Но все-таки почему он свою женитьбу связал с чертовщиной, то есть с судьбой? Я поежился нетерпеливо.

— Сергей, девятнадцать мне исполнилось. Это к тому, что дурак я был расфасованный. Встречали мы веселой компашкой Новый год. Через час — куранты. Сидим за столом, и кого-то черт дернул нас пересчитать — тринадцать человек. А есть народная примета: за столом тринадцать — значит, быть беде. Что делать? Найти четырнадцатого. Мне выпало искать, потому что я был беспарный. Где искать? Кто-то из ребят выглянул в окно — в полуосвещенном и пустом сквере на скамейке сидела девушка...

Макарыч умолк. Рассказывать дальше ему, похоже, не хотелось. А почему? Я уже предвкушал интересную романтическую историю.

— Сергей, как ты уже догадался, вышел я к ней, поговорил. Грядущая праздничная ночь располагала. Я изложил свою проблему. Она не просто согласилась, а прямо-таки пришла в восторг. Тем более что у нее сложилась проблемка весьма похожая: она разругалась и ушла от плосколобого козла.

— От кого?

— От козла плосколобого, от жениха. И деваться ей вроде бы было некуда. Я привел ее в нашу компанию. Девушка оказалась ну просто полный шопинг-гламур: глаза черные, локоны желтые,

кожа белая, губы красные... Стройная, худенькая, а грудь прет вперед бампером. Веселая, анекдоты выдает, на гитаре бренчит... И звать просто — Елизавета...

Казалось бы, приятные воспоминания, а лицо Макарыча все больше хмурилось, чем глубже он в них погружался. Я попробовал нащупать причину его недовольства:

— Утром она ушла?

— Нет, праздники же до тринадцатого.

— Ага, она ушла четырнадцатого.

— Нет, Елизавета не ушла, а перешла в мою квартиру.

— Э-э-э, временно пожить?

— Постоянно, потому что я женился на ней.

Я чуть было не спросил: «По любви?» А почему бы и нет? История знает множество эпизодов мгновенной любви и скоротечных браков. Только подобная страсть, сильная и безрассудная, не шла деловитому, рассудительному и спокойному буровику.

— Сергей, дальше рассказывать?

— А как же? — Я полагал, что самое интересное должно быть именно дальше.

— Моя мама была еще жива, она хлопотала по хозяйству, а Елизавета кушала и бренчала

на гитаре. Ровно через месяц к нам пришел крепыш в кепарике. И хоть рожек я не увидел, но лоб у него был плоским. Плосколобый козел. Он заявил, что пришел за Элизабет. Я хотел было сорвать кепочку и пощупать ему рожки, но он меня охладил: оказывается, Елизавета работала в стриптиз-баре, в его бригаде... Значит, он — ее сутенер, потому что этот стрип-бар был скрытым борделем. Элизабет взяла гитару и пошла за ним, как коза за козлом. А я дал зарок — больше не жениться.

Макарыч долго говорил о любви и ошибках юности. Но ведь некоторые поступки нельзя совершать даже в девятнадцать. Например, жениться на неизвестной особе из сквера... Или это тоже шаг судьбы? Откуда я взял, что судьба непременно должна быть со знаком «плюс»? А если она когтистая? Она ведь еще и зубастая, она может и бивнем наподдать...

Но выслушанный рассказ ничего мне не объяснил: нелепая женитьба была лет пятнадцать назад.

— Макарыч, какая связь между твоим забытым браком и поступком уборщицы.

— Никакой. Ю просто балду пинала.

Над таким вариантом стоило подумать. Сколь-

ко и чего она напинала, я видел. Как пинала — тоже понятно. Кого пинала? Балду, то есть Макарыча.

— За что пинала-то?

— Серега, я отвечаю за санитарное состояние офиса. Сделал Ю внушение: плохо убирает, пылесос сломала, птицы в столах, помет на компьютере... Вот она и рассвирепела.

Я пожал плечами, наверное, тоже свирепо. Эту Ю надо привлечь к административной ответственности. Я встал, зевнул и пошел к машине — уже скоро утро. Макарыч виновато меня провожал.

Видимо, сознание человека походит на бездонный водоем, в который ежедневно что-то сбрасывается: мыслишки, переживание, увиденное, незабытое... И сброшенное почти никогда не пропадает, а только заваливается сверху все новыми и новыми поступлениями. И вдруг мелькнет однажды смутной догадкой либо нелепой ассоциацией... Или еще сложнее: сцепится с чем-то близким и похожим — и образует оригинальную мысль позаковыристей.

Это я к тому, что вспомнилась мне птица, которая подожгла Лешин дом в садоводстве.

— Макарыч, твой кот, говоришь, моль ловит?

— На лету хватает.

— А где ты его взял?

— На работе, он тут у нас по кабинетам бегал.

— Макарыч, не кот ли птицам головы поотрывал?

Глава 8

Мне кажется, что оценка поступка, явления и даже мысли зависит от их глубины. Чепуху анализировать не будешь, от нее просто отмахнешься. Что я и сделал с этим выездом якобы на происшествие. Жалко загубленного времени, которого не хватало даже на краткие наброски в дневнике.

Кстати, название «Дневник» — заезженное. Я придумал другое, посвежей: «Досье на самого себя».

Насчет загубленного времени… Утром, что бывало редко, меня опять выдернули на происшествие — труп старушки возле дома. Насчет загубленного времени… Только я вернулся с этого вызова, как опять — труп мужчины у парадного. На третий вызов я уже не поехал, потому что предвидел и четвертый, и пятый…

После снегопада ударил мороз, а потом наступи-

ла оттепель: крыши ощетинилась здоровенными сосульками. Они-то и падали на людей. Хитрые оперативники жили по хитрой логике: если на улице лежал труп, то возможно убийство, а убийства расследует прокуратура, и, чтобы не заморачиваться, они вызывали следователя. И все-таки выехать еще раз пришлось, и опять-таки на упавшую сосульку.

Самые оригинальные и самые дикие преступления я заношу в дневник. Слава Богу, список пока небольшой. Да и что считать диким преступлением? С точки зрения разума все они дикие. В основу своей классификации я положил горе: преступление тем страшнее, чем больше горя оно принесло.

Последняя сосулька, размером с бревно, упала на детскую коляску с ребенком. А мать стояла рядом...

В прокуратуру я вернулся подавленным, а точнее, морально раздавленным. Так нельзя, следователь должен быть хладнокровным, как та самая сосулька. Я сидел за столом и ничего не делал...

И обрадовался, когда в кабинет вошел человек, никак не связанный ни с местами преступлений, ни с сосульками. Вошла Римма.

— Сергей Георгиевич, идемте обедать.

— Аппетиту нету.

— Принести вам пирожков и кофе?

— Спасибо, не надо.

Она села. Ее немного сипловатый голос успокаивал своей беззаботностью. Мне захотелось его слегка замутить.

— Римма, я видел вас с директором в машине...

— Не скрываю. Любить можно только состоятельного человека.

— А если он подлец?

— Подлость теперь зовется бизнесом.

— А если в нем нет культуры?

— Зачем миллионеру культура?

— Ну а если он просто дурак?

— Сергей Георгиевич, дурак разбогатеть не может.

При первой встрече я подумал, что она похожа на итальянку... На цыганку она смахивает, на цыганку! Черные локоны распушены до декоративной взлохмаченности; платье от псевдо-Диора пропитано духами с запахом кофейных зерен и надрезанного лимона. Я спросил про блескучие украшения:

— Бриллианты?

— Кристаллы Сваровски.

— Ага, — согласился я, впервые услышав про эти кристаллы. — А вы вечером в театр идете?

— Вечером я еду на охоту.

— В таком наряде охотятся только на мужчин, — не удержался я.

Она вежливо улыбнулась. Видимо, ее привело сюда не только желание пообедать со мной в общественной столовой:

— Римма, у вас ко мне дело?

— Выходка Ю вас сильно расстроила?

— На моей работе к выходкам не привыкать.

— Сергей Георгиевич, я виновата. Тут вышла запутка. Я полуобняла Макарыча, а Ю увидела. И пошло...

Интересный эпизод — расследуем... Только по порядку:

— Римма, что значит «полуобняла»?

— Положила руки ему на плечи.

— Зачем класть руки ему на плечи, если в машине начальник клал свои руки на ваши плечи? — задал я логичный вопрос.

— В знак благодарности. Макарыч уговорил шефа взять меня на охоту.

Логичный вопрос требует логичного ответа: что за охота, на кого, где, какая благодарность?.. При чем тут Ю и дебош в кабинете? Я молчал. Не

дождавшись моего прозрения, она вздохнула:

— Сергей Георгиевич, вы знакомы с новой модой среди бизнесменов?

— Я и со старой не знаком.

— Приглашать в гости и угощать дичью, зайчатиной, кабанятиной...

— Можно купить на рынке.

— Нет, дичь должна быть убита собственными руками, на охоте, из дорогого ружья.

— Да, убитая собственными руками вкуснее.

— Собирается кучка солидных бизнесменов, и едут на охоту в чисто мужской компании. Вот мне и захотелось глянуть. Макарыч помог.

Ее губы, густо вымазанные бурой помадой, были слегка разомкнуты, как приоткрытая раковина, в которой вместо жемчужины плотоядно влажнел кончик языка. Она полагала, что я все понял. Но почему Ю набросилась на Макарыча? Полуобняла...

Зазвонил телефон. В трубке я услышал женский голос:

— Вам звонят из больницы. Пострадавший Семен Макарович просил сообщить, что он лежит в шестой палате.

— Что с ним?

— Огнестрельное ранение.

Глава 9

На дежурной машине прокуратуры мчался я в районную больницу, подгоняемый жуткой мыслью — что с Макарычем?

Какая-нибудь оплошность? Предусмотрительный Макарыч их не допускал. Нападение отморозков? Но руки Макарыча, одеревеневшие от лопат и камней, могли свободно заломить молодое дерево. Какая-нибудь случайность, которую не увидеть, не предусмотреть? У меня в жизни случайностей было предостаточно, и я их подчинил некоторому порядку: случайность — это предупреждение о грядущей закономерности.

Или Ю звезданула его с высоты своего роста?

Макарыч лежал один в двухместной палате. Нога загипсована... Но он улыбался:

— Сергей, извини, что тебя потревожил. Врач пристал: кому сообщить да кому сообщить.

— Что с тобой?

— Ногу повредил.

— Но где, как?

— Сергей, только я на хорошую жизнь хобот раскатал, как судьба мне его и обрубила.

— Про хобот давай поподробнее.

Я сел у его изголовья. Крепкий подбородок, недоверчивый прищур глаз, лысина... Макарыч, он. Но в нем что-то появилось иное, как бы не его: словно он постоял на пыльном ветру, и на лицо осела белесая пыль.

— Сергей, на охоте. Я отбился от начальника и забрел в ельник. Иду, ружье на плече. Вдруг не то захлопали, не то затопали. Птица шумно села на сломанное дерево. Глухарь. Срываю ружье, стволом вниз, руки трясутся... Ну, и бабахнул нечаянно прямо себе в ногу. Кость повредил, растудыть меня в качель.

Вот еще одно определение внезапного случая — растудыть его в качель. Сейчас меня интересовало другое.

— Макарыч, какая, говоришь, птица?

— Глухарь.

— Разглядел его?

— Где же... Меня боль повалила.

— Определенно глухарь?

— Может, тетерев. Только шибко крупный, черный и оперение лохматое, как шубейка на нем.

Кроме боли, в глазах Макарыча дрожал вопрос. Я предвидел его и хотел избежать, но не успел:

— Сергей, мне отомстила?..

— Кто?

— Птица.

— За что?

— За охоту на них...

— Макарыч, птицы — не люди, они не мстят.

Но я вспомнил. В нашей области на озере Круглом жила супружеская пара лебедей. Он и она. Какой-то идиот нетрезвый подстрелил лебедку на глазах у отдыхающих. Лебедь взмыл высоко, чуть не став белым облачком. Люди подумали, что он испугался выстрела. А лебедь сложил крылья и с небесной высоты и врезался в убийцу и размозжил ему голову. Погиб и лебедь.

Мы помолчали. Почти жалобным голосом, которого я у него никогда не слышал, Макарыч спросил:

— Сергей, что же со мной творится?

— Тебя наказывает судьба.

— За что?

Я глянул ему в лицо с пристальной строгостью:

— А то не знаешь?

Он прикрыл глаза — он знал. Но открыв, спросил громко и с затаенной обидой:

— Что же... Это на всю мою жизнь?

— Нет, судьба с тобой рассчиталась, может

быть...

И чуть было не добавил: как рассчиталась она с Лехой. Но добавить я все равно бы не успел, поскольку дверь открыли стремительно и шумно...

В палату вошла Ю.

Глава 10

Ее появление меня, разумеется, удивило. Но это удивление смазало следующее удивление, еще более сильное. Ю была с детьми. Одного малыша она держала на руках, вторая, девочка лет четырех, топала сама. Человеческое сознание загадочно: еще ничего не поняв, я уже удивлялся, как бы авансом. Ответ поискал на лице больного, который отозвался с готовностью:

— Сергей, познакомься...

— Да мы знакомы, — недовольно остановил я Макарыча.

— Познакомься, это моя жена.

— Ты же холост?

— Пять лет состоим в гражданском браке.

Ю глядела на меня с потаенной улыбкой. Что, мол, за следователь, который не мог распутать семейный узел? Но кое-что я все же распутал: теперь я знал, почему Ю сочинила историю про

изнасилование и почему била Макарыча — на правах жены.

— Макарыч, и дети твои?

— А то чьи же?

Я хотел заговорить об этом: о неожиданной супруге и о детях. Но Ю меня остановила:

— Сергей Георгиевич, я на полчасика оставлю детей с медсестрой и кое-что вам расскажу.

Пока она отводила детей, мы с Макарычем молча обменивались взглядами: его виноватый, мой укоряющий. Сколько мы с ним вырыли шурфов и канав, сколько подготовили образцов пород, сколько говорили у ночных костров... И ни разу он не упомянул о жене и детях. Потому что гражданский брак?

Ю вернулась. Она села рядом со мной и заговорила таким голосом, словно боялась меня испугать:

— Сергей Георгиевич, птицы бывают разные. Есть птицы небесные, от Бога; а есть как бы из-под земли, от самого дьявола.

— Ю, а есть птицы вкусные: куры, утки, гуси, — уточнил я.

— Вы шутите, а Макарычу стало не до шуток, когда он тетерева увидел.

— И вы верите, что выстрел — это под силу

птице?

— Тут другая сила, сатанинская.

Видимо, эта же сила толкнула меня на вопрос:

— Ю, дохлую птицу в стол Макарыча вы засунули?

— Ну и что? — ответила она, как огрызнулась.

— Зачем же?

— А чтоб не вздумал липнуть к Римке.

Огрызнулась победоносно. Даже сидя, она казалась высокой: слегка раскосые глаза, чуть приподнятые скулы, блесткие черные волосы, гибкость в движениях и повелительный голос делали ее похожей на какое-то восточное божество.

— Ю, не понимаю связи. Дохлая птица и Римма?

— Кота она подарила.

— Ну и что?

— Тогда послушайте про мою подругу: общалась она с парнем мужественной внешности. Спортсмен, прыгал с балкона третьего этажа. И допрыгался — руку повредил. Ну, отправились они в травмпункт. Доктор начал его осматривать, побледнел вдруг и говорит подруге: «Это не ко мне, а к ветеринару». Вот! А мне надо к детям. Семен, завтра приду.

И ушла, оставив меня в недоумении, развеять которое мог только ее муж.

— Макарыч, я ничего не понял.

— Видишь ли, этот прыгун вроде бы и не человек: у него под мышками росли перья.

Все равно я ничего не понял, какой-то восточный силлогизм: может, парень был ангелом? А что, ангелов пользуют ветеринары? Или орнитологи? И опасны ли для ангелов кошки? Но Макарыч уж точно не ангел.

Надо мне в дневнике завести раздел криминальных баек. Эпизодов полно. Например, очень мнительный человек боялся смерти. Говорил, что уже посажено дерево, доски из которого пойдут на его гроб; что дерево наверняка выросло; что его уже спилили; что из него понаделали гробовых досок... И как-то вечером звонок в дверь: «Хозяин, доски нужны?» С ним и случился сердечный приступ. А история с одной старушкой? Никогда не расставалась с крестиком. Как-то сняла его в ванной, да и забыла надеть. Спешила в магазин — там у нее всю пенсию и вытянули.

Но сейчас меня интересовала только одна байка, про гражданский брак.

— Макарыч, почему же ты скрывал от всех, что у тебя жена и дети?

Он поерзал, вздохнул и заговорил голосом пришибленным: правда звона не любит:

— Есть у нас на фирме, геолог Марков. Не человек, а голова. Ему сорок лет, а он руководит отделом, доктор наук и все такое прочее..

Макарыч сделал паузу, а я подумал: уж не хочет ли он сообщить, что дети от Маркова.

— Сергей, в Карском море есть два месторождения газового конденсата, Русаковское и Ленинградское. В Баренцевом море — месторождение Каратовское, Печерское нефтяное Варандей-море. Немереные запасы. Неразработанные еще или только начатые. Сечешь?

— Нет, — признался я, не понимая, как немереные запасы увязать с двумя маленькими девочками.

— Марков сколотил группу энтузиастов, удалых специалистов. Сочинил проект, как их осваивать. Проект одобрили, а этих самых, инвестиций, уже два года ждут.

— А ты при чем?

— Сергей, я же первоклассный буровой мастер! До каких пор мне рыть канавы? Марков вписал меня в первую строку.

Догадка начала брезжить, как вода из сломанного душа. И все-таки при чем здесь месторождения

газового конденсата? Макарыч мой беззвучный вопрос озвучил, ответив на него с неожиданной угрюмостью:

— У Маркова условия: надо иметь хорошее здоровье, специальность и не иметь детей. Тяжкие условия работы: морозы, полярная ночь, сроки контракта неопределенные... А дома мало ли что может случиться.

— Только холостяков набирает?

— Если жена отпускает, детей нет, то может взять. Я про свое семейное положение. помалкиваю.

— Марков нарушает закон.

— Сергей, к нему ребята табуном идут: кому интересно, кто заработать хочет.

Я хотел спросить, почему он едет: интересно или денег хочется? И отпускает ли его Ю? Много о чем надо спросить, но я глянул на часы: в прокуратуре меня ждали вызванные. Я попрощался, тоже пообещав зайти завтра.

Когда подошел к двери, то увидел за окном веселую синичку, которая умудрялась танцевать на скользком вертикальном стекле...

ЧАСТЬ 4

Глава 1

Думать полезно, когда знаешь, что до чего-нибудь додумаешься. Я размышлял, понимая, что ни до чего не додумаюсь. Не из-за моей неопытности или неспособности к анализу. Дело в том, что предмет моих размышлений лежал за чертой рациональности.

Четверо: Алексей, Макарыч, Петр Яичкин и Эдик. Половина из них уже пострадала — пятьдесят процентов. Так или иначе в их бедах были замешаны птицы. Но все же одну здравую мысль я вымучил: надо проверить, как поживают не тронутые птицами двое других — Петр и Эдик.

В помещении РУВД проводилась конференция милиции совместно с прокуратурой на тему вечную и затасканную — причина преступности. Начальник следственного управления вынудил меня, как молодого кадра, принять участие в дискуссии. Думаю, он потом пожалел об этом.

Выступавшие до меня винили низкие зарплаты, плохие дороги, несовершенство законов, произвол чиновников. Я же ляпнул, что при-

чиной преступности считаю бездуховность общества. На меня набросились: родина Пушкина и Достоевского, возврат к историческим корням и православию... А я рассказал дело, которое расследовал. Менеджер убил и ограбил. Почему же? Приятели смеялись над его стареньким автомобилем, нужны были деньги на новый, покруче.

К чему это я говорю? Лишь к тому, что у входа в милицию наткнулся на человека, которого только что вспоминал — на Петра Яичкина. После долгой разлуки следовало поинтересоваться его жизнью, а я, зная его любовь к алкоголю и учитывая место нашей встречи, не удержался:

— Петр, что-нибудь натворил?

— Ни в коем разе — был понятым.

— Тогда поехали ко мне в прокуратуру, кофейку попьем.

Кофеек его не вдохновил, но встрече он был рад. Уже у меня в кабинете Петр выразил эту радость:

— Серега, надо же! Город большой, а мы лбами столкнулись.

— Мог бы и раньше зайти.

— Неудобно, ты ведь начальник.

— Следователь — не начальник, а подчинен-

ный.

— И кому же ты подчиняешься?

— Закону.

Петька Яичкин, он: борода, так и не сбритая, пожелтела и приобрела форму совковой лопаты; глаза голубые слегка вытаращены, будто он вылез из-под земли на свет божий. Волосы под цвет бороды: то ли давно не мыты, то ли закурчавились. В каком-то мультике был такой мужичок-лесовичок.

— Петр, рассказывай, как живешь.

— Не о чем мне рассказывать.

— Как это не о чем? Леха говорил, что ты женился.

— Женился... Как мочи напился...

Он помял кепку, лежавшую на коленях. Холодно, а он в кепчонке; холодно, а на нем плащ, правда, с поддевкой. Про его семейную жизнь расспрашивать не было смысла: хорошая жена не выпустит мужа на холод в плащике.

— Петр, ты, случаем, не пьешь?

— Бросил, да и не на что.

«Не на что» прозвучало более убедительно, чем «бросил». Я протянул ему чашку кофе и заверил:

— Как-нибудь мы с тобой выпьем.

— Сергей, а что, если нам всем собраться и

посидеть?

— Отличная идея!

Я не стал говорить, что Макарыч в больнице. Не стал спрашивать, все ли в порядке у самого Петра. Нет ли каких предчувствий, угроз, подозрений? И уж совсем ни к чему было спрашивать про птиц. Возможно, этим птицам хватило двух жертв?

— Петр, ты, наверное, без работы?

— Я теперь предприниматель.

— А именно?

— Что хочу, то и предпринимаю.

— Не работаешь, значит?

— Колочусь в частном секторе. Тружусь на одного упитанного бобра, коллекционера. Он собирает всякую старину: иконы, посуду, одежду...

— А ты что делаешь?

— А я бегаю по городу, все это отыскиваю. Он, похоже, имеет дело с заграницей. Там любят нашу рухлядь. Самовар недавно достал, тарелку с царским вензелем...

Видно, на такой работе много не заработаешь. Да и, похоже, не нравилась она ему: говорил Петр с неохотой, словно ему мешали собственные губы. И когда он перешел на другую тему, принуждать я его не стал.

— Сергей, Леха хвалит тебя взахлеб за оказан-

ную помощь.

— А-а, мелочи.

— На моей работе тоже загадки происходят.

— Самовар дырявый или вензель не царский? — усмехнулся я.

— Озадачила меня, Сергей, крутая непонятка. На одной барахолке увидал я у одного ханурика не то ботинок, не то туфлю. Наверное, века девятнадцатого еще. Купил за полтинник, чтобы всучить своему коллекционеру. Правда, второго ботинка не было. Ну, завернул в газету, иду домой. Вдруг какой-то парень вырывает сверток с обувкой и убегает. Что скажешь?

— Ничего.

— Зачем ему древний ботинок, один, без пары?

— Может, пьяный?

— Нет, трезвый. Одет... Короче, не бомж.

Я заметил, что иногда простую задачу решить тем сложнее, чем задача элементарнее. Сознание не допускает простоты, как природа — пустоты. Если тебе загадывают, значит, есть подвох. Мало ли почему у Петра вырвали ботинок? Десяток причин: мужик был с бодуна, с кем-нибудь поспорил, принял Яичкина за другого, пошутковал, просто псих...

Я вспомнил дело о покушении на самоубий-

ство: молодой парень взрезал себе вены. Это не работа для следователя прокуратуры — с убийствами бы справиться. Но меня заинтересовала причина. Я сидел у него в больнице, нащупывая эту причину. Все перебрал: несчастную любовь, конфликт на работе, нелады с родителями, ссоры с приятелями... А причина лежала сверху, как ценник на товаре. Парня подозревали в нападении на инкассатора, и он придумал скрыться в больнице.

Зазвонил телефон, который на дню много раз встряхивал мою нервную систему. Я взял трубку и брякнул наугад:

— Небось, происшествие?

— Ага, — равнодушно подтвердил дежурный РУВД.

Я вскочил и сгреб все бумаги в сейф. Мой полевой коллега съежился, не зная, что ему делать. Я дал номер своего домашнего телефона, велел звонить и добавил:

— Понял, кто мой начальник? Дежурный РУВД.

Глава 2

По телефонному звонку дежурного следователь прокуратуры может попасть только на проис-

шествие.

Все было как положено: труп женщины в квартире, судмедэксперт, криминалист, понятые, лейтенант Леденцов из уголовного розыска... И тут же подозреваемый — муж, ударил супругу по голове чем-то тяжелым. И расследовать вроде бы нечего, кроме семейной дрязги. Лишь установить мотив: за что ударил-то? Расследовать нечего, а оформленных бумаг наберется на целую папку.

В таких делах разбираться — что смотреть детективный сериал: ни оригинального сюжета, ни образов, ни мыслей. Меня удивил муж. Обычно в таких ситуациях присутствует алкоголь. Убийца же был трезв — ни молекулы спиртного запаха. Его взгляд блуждал по квартире неопределенно, и поглядывал он на труп, как-то странно улыбаясь, словно предлагая жене встать.

Леденцов объяснил, что мужик «под балдой», то есть наркоман, и уголовный розыск давно к нему присматривается.

Рабочий день кончился, но мне еще надо было заскочить в прокуратуру. И я оторопел: Петр Яичкин сидел у двери моего кабинета. Я впустил его с вопросом:

— Неужели все время здесь просидел?

— Отлучайся, но лучше бы здесь сидел.

В его голосе не было ни силы, ни желания говорить. Он таращил обидчиво глаза и вздыхал с каким-то пневматическим шипом.

— Петр, что с тобой?

— У меня состояние.

— Какое состояние?

— Будто я хрена без соли нажрался.

— Переведи.

— Сергей, квартиру мою обнесли.

— Обокрали?

— Наверное, ключи подобрали. Жена на работе, я — в походах.

Меня удивил не сам факт кражи, а умысел воров. Что можно взять в квартире человека, который зимой ходит в плаще? Или Петр живет на манер современных богачей, которые ходят в рваных кроссовках, а на самом деле владеют яхтами и самолетами.

— Деньги украли?

— Нет у нас денег дома.

— Одежду, аппаратуру, драгоценности?..

— Откуда у нас драгоценности?

— Петр, так что же взяли?

— Обувь.

— Что за обувь?

— Все мои ботинки взяли, как вымели.

— А обувь жены?

— Не тронули.

— Твои-то ботинки хорошие?

— Сношенное старье.

В кабинет походя заглянул районный прокурор и уехал — видимо, решил, что я запоздало веду допрос. Наверняка отметил мое усердие: ведь рабочий день давно кончился. Знал бы он, что за криминальные тайны я разгадываю... Впрочем, значимость тайны не зависит ни от ее важности, ни от ее размера. Где больше таинственного: в недрах космоса или в сути наночастицы?

— Петр, ты смекнул, в чем дело?

— Ищут второй ботинок.

— Наверное, ценная вещь.

— Сергей, видел бы ты его: цвета от старости уже не имеет, сморщенный, ему два века, похож на черепаху с каблуком.

— Видимо, все же представляет какую-то ценность, если ради него идут на квартирную кражу. Может, в подметке спрятан бриллиант?

— Какой там бриллиант... Торгаш ношеной обуви получил его от бомжа, а тот подобрал где-то на помойке. Хотя эти, богатеи... Как они зовутся?

— Бизнесмены?

— Нет, вроде парикмахеров...

— А-а, олигархи?

— Они чудят, на спор и ботинок съедят. Могли и бриллиант выбросить.

Бриллиант — самый твердый в природе камень, его бы Петр заметил бы, вернее, нащупал. А если в каблуке, то не заметил бы и не нащупал. Вспомнилось дело, когда розовый бриллиант везли через границу в курином вареном яйце, вернее, в желтке.

Я опять поймал себя на алогичности: вместо простого объяснения, лежащего на поверхности, лезу в глубины. Я ведь только что был на происшествии и встречался с наркоманом.

— Петр, в ботинке могли спрятать то, чего ты не мог увидеть.

— Пустой был ботинок.

— В подошву, под стельку, в каблук могли закатать наркоту. Героин, к примеру.

Петр не поверил. Да и я сомневался в таком варианте — уж слишком нелеп. Но абсурдные происшествия рождают абсурдные версии. А если тут мистика? Был случай, когда в туфлю девицы подложили заговоренную волчью шерсть: бедняжке стало казаться, что ее муж начал тихонько подвывать. Другой случай: жена алкаша напоила мужа заговоренной водкой, и с тех пор он мог

пить только крепленые вина.

— Петр, может, это колдовство? Например, снимают с тебя порчу?

— Чем это я порченный?

— Крепкими напитками.

— Теперь лишь пивко.

Уже который раз меня заклинивает вопросом: чем только я занимаюсь? Хочу помочь коллеге по землекопным работам? В чем — в какой-то глупости? И я как протрезвел:

— Петр, они убедились, что второго ботинка у тебя нет, и больше не придут. Так что иди домой спокойно.

— Все-таки зачем и кому нужны эти ботинки?

— Загадка, Петр.

— Ты — следователь, должен разгадать.

— Я и разгадал: эти ботинки — непростые.

— А какие?

— Ботинки-скороходы.

Глава 3

Пьяница, ботинок... Ерунда, не стоящая внимания. Почему же в моей голове осело чувство чего-то недоделанного, вернее, чего-то недоразгаданного? Видимо, следственная работа приучила

меня не упускать даже мелочей, чтобы дело из суда не вернули на доследование.

Пожалуй, недоделанность и неразгаданность тут ни при чем. Не помог я опустившемуся человеку — вот что меня гложет. Как ему помочь, если он живет без цели? Зачем ему быть энергичным, деловым, умным? Без цели — все временная суета. Он может вспыхнуть спичкой, а гореть-то незачем.

Вызванных на утро у меня не было. Я прислушался. Под моей дверью шуршало, словно какое-то животное чесало спину о косяк. Начесавшись, оно вошло в кабинет осторожно, стесняясь и отворачиваясь. Даже заговорило:

— Сергей, извини. Друга я встретил, ну, и вдели пивка...

— А что еще вы делали с другом?

— Пели в стиле гоп-стоп.

— Нет такого стиля, а есть рэп.

— Ну да, пели в стиле рэп-стоп.

— И такого стиля нет.

— Как же нет? А песня «Рэп со смыком, это буду я»?

Когда Петр обернулся ко мне лицом, я понял, отчего он морду воротит. Его правая щека желтела, как подсолнух, который по краям был оторочен

темной синевой. Подобных цветастых синяков мне видеть еще не приходилось. Я поинтересовался невежливо:

— Приятель звезданул?

— Нет, мужик с барахолки, по-русски, секонд-хэнд.

— Какой мужик?

— По кличке «Пиксель».

— За что же он тебя так?

— Все за то: гони второй ботинок, говорит.

Комедия оборачивалась криминальным фарсом. Не пойти ли за помощью в уголовный розыск? Синяки — это по их части. Так ведь там расхохочутся.

— Сергей, а не замешан ли тут шпионаж?

— Что ты имеешь в виду?

— Меня принимают за агента и таким способом передают сведения. Допустим, один ботинок — одна подводная лодка, два ботинка — авианосец...

Мне захотелось защитить интеллект шпионов и сообщить, что дураков в разведку не берут, но сказал другое:

— Петр, ты бы поменьше смотрел детективы, а лучше сходил бы в театр.

— Были мы с женой на стриптизе «Лебединое

озеро»...

— Ну, тогда тебе лучше на эстрадный концерт.

— Был я. Ведущие — он и она. На нем — костюм из фольги, а что на ней, то все прозрачное. Она игриво так к залу обращается: «А правда мы здесь — самая сексуальная пара?» Меня чуть из зала не вывели.

— Тебя-то за что?

— А я крикнул: «А вы секс покажете?»

Физический труд и невзгоды людей уравнивают. Там, в степи, в палатке, на каменных разломах, в шурфах и расчистках, мы о культуре не думали. Разве в городе сошелся бы я с таким, как Петя Яичкин? Но дураков вокруг множество. Тогда — почти аксиома: не любить дураков — значит быть человеконенавистником.

— Петр, может, обратимся к ученым? — предложил я, лишь бы что-нибудь сказать.

— Они трепачи. Пишут: социологи установили, что чем больше пенсия, тем жаднее пенсионеры. У меня мамаша пенсионерка, так где она, большая пенсия?

— Есть ученые толковые.

— Распушатся, как индюки. «Член-корреспондент Российской академии наук такой-то...» Сколько лишних слов. Зачем «корреспондент»?

Зачем «Российской», когда ясно, что не турецкой? А зачем слово «академии»? Ведь не о ЖКХ речь?

— Так что же останется?

— Просто и понятно: член такой-то.

Во мне нарастало раздражение. Нет, не из-за злополучных ботинок. Из-за дурных птиц... Они отомстили двум из четверых, а ведь совершить насилие предложил именно этот голубоглазо-моргающий человек. И его почему-то не трогают, отсюда следует, что участие птиц в эпизодах с Лехой и Макарычем — чистая случайность. Похоже, следственная работа сделала меня подозрительным, а с годами стану параноиком вконец.

И мое раздражение перешло в жалость. Передо мной сидел несчастный человек: синяк желтел спело, голубые глаза от пива заметно помутнели, совковая лопата бороды отяжеляла и пригибала голову к земле...

Можно ли пить текущую воду, не зная ее истоков? Можно ли понять события с косноязычных слов очевидца?

— Петр, а скажи-ка мне адрес своего антиквара.

Он сказал, добавив:

— Звать его Ефим Ефимыч.

Глава 4

Вернувшись домой, я почти весь вечер провозился на антресолях: искал какую-нибудь рухлядь и нашел дамские фетровые боты, видимо, еще довоенные. Фетр, когда-то белый, теперь смахивал на серый войлок, изглоданный молью. Стыдно и предлагать, но у любителей старины иные вкусы: чем древнее вещь, тем лучше. Не идти же к нему с пустыми руками...

Коллекционер, пожилой, связан с деньгами, в сущности, торгаш... Я приготовился через дверь отвечать на вопросы, кто такой да зачем пришел, но дверь открылась, стоило мне лишь назвать его имя. Я вошел и все-таки сообщил, что мне его порекомендовал Петр Яичкин.

— Вы что-то принесли? — спросил он.

Я развернул пакет с ботами. Ефим Ефимович усмехнулся:

— И что вы за это хотите?

— На ваше усмотрение.

— Знаете, возьму. На обувной фабрике создают музей обуви. Проходите в комнату.

Стены затянуты гипсовиниловыми панелями какого-то невзрачно-серого цвета, будто комната

утонула в паутине. На подоконниках множество горшков с алоэ, наверняка взращиваемых в лечебных целях. На диване две кошки. На трюмо — крем для бритья «Терминатор». И не квартирный запах, а какой-то складской.

— Молодой человек, случаем, нет ли у вас ботфортов? — спросил Ефим Ефимович.

— Нет.

— Мне надоела мелочевка. Я же коллекционер, а не старьевщик. Вещь, которой пятьдесят лет, считается антикварной, а где же настоящие уникаты?

— А что это такое?

— Древние ценности.

Маленького росточка, полненький, обстоятельный; в халате, отчего казался раздутым — халаты людям с шароподобной фигурой не идут. Голос мягкий и тянущийся, как непропеченное тесто. Его взгляд поймать не удавалось: он нырял в заросли алоэ.

— Ефим Ефимович, вы, наверное, работали в музее?

— Нет.

— Кто же вы по специальности?

— Молодой человек, я не люблю вспоминать прошлое.

— Почему же?

— Всю жизнь я делал не то, что мне хочется, а то, что надо.

Таких людей большинство. Они не любят свое прошлое — оно связано с трудностями; они не любят будущее — это, по их мнению, фантастика; они любят только настоящее, сиюминутное. Но ведь я пришел по делу:

— Ефим Ефимович, а как понимать историю с Петром и ботинком?

Он сходил в другую комнату и вернулся с какой-то брошюрой. Помолчав, заговорил, не уверенный, что мне это интересно:

— Могилу Гоголя вскрывали дважды: до революции и после. Первый раз под руководством известного коллекционера Вахрушева, второй раз командовали наши интеллигенты...

К чему рассказывает? Но на допросах я приучил себя все выслушивать до конца.

— ...И те, и другие забирали что-то из одежды писателя, скелета и даже череп. Растащили все на сувениры.

— Ефим Ефимович, зачем мне это знать? — все-таки не вытерпел я, потому что в прокуратуре меня уже могли искать.

— Не интересно?

— Очень интересно, но у меня рабочее время.

— Рассказываю к тому, что при последнем вскрытии могилы директор кладбища прибрал себе ботинки писателя.

Догадка мелькнула, но ей было не пробиться сквозь здравый смысл. Я спросил почти стеснительно, будто речь шла об интиме:

— Ефим Ефимович, вы хотите сказать...

— Да-да, это ботинок Гоголя!

Говорят, «несварение желудка», а есть понятие «несварение мозга»? У меня он «варить» перестал. Ботинок Гоголя... Впрочем, чему я удивляюсь? Есть же диван Пушкина, пропитанный кровью, на котором он умер. Определив, что я прихожу в себя, Ефим Ефимович сообщил:

— Сплошная криминальная история. Родственник писателя, морской офицер, череп вывез в Италию, в чемоданчике...

— Значит, за ботинком охотится преступник? — поторопил я его.

— Точнее, другой ценитель раритетов.

— А вы знаете — кто?

— По словам Петра, на него напал некто Пиксель. Он работает сразу на нескольких скупщиков.

— И сколько же может стоить этот ботинок?

— Думаю, не менее полумиллиона.

Пиксель... Уже что-то. Надо подключить уголовный розыск и дать письменное задание. Я представил его: «Прошу установить гражданина по кличке Пиксель, который украл у гражданина Яичкина ботинок, принадлежавший писателю Гоголю...» Ребята в милиции обхохочутся. Оставалось только просить майора Леденцова о неофициальной услуге.

Ефим Ефимович принялся ходить по комнате скорым шагом, вернее, кататься — ведь шары круглые. Возбудила его, похоже, полумиллионная цена ботинка. Меня же перевернуло подлое отношение потомков к Гоголю. Что это: низкая культура, жадность, мода или просто элементарная дикость? Вот бы возбудить дело о надругательстве над прахом великого писателя, я бы за него взялся...

— Молодой человек, Петр говорил, что вы адвокат?

— Да, — пришлось мне согласиться.

— Вы с презрением смотрели на эти боты и на мою деятельность... Но где взять настоящие раритеты? В нашем доме, на девятом этаже, в сто первой квартире проживает Лилиан Казимировна, вдова известного геолога. У нее изумительная

коллекция минералов, а продавать не хочет. Петру подарила камешек, отвращающий от спиртного. Но дело не в этом...

Я глянул на часы. Мне давно пора в прокуратуру, и узнавать, в чем там дело у Лилиан Казимировны, было уже некогда. Моим отсутствием мог поинтересоваться прокурор. Попробуй объясни ему, что возил боты к старьевщику, поскольку ищу ботинки Гоголя.

— А в чем дело? — спросил я, вставая.

— У вдовы есть истинное чудо: стеклянный куб с внутренним магическим светом. Попрошу Петра разузнать детали. Тем более что вдова просила помочь.

— В чем?

— Лилиан Казимировна — дама с закидонами. Якобы ей мешает какая-то птица. Вот пусть Петр эту пернатую и отпугнет.

Я опять сел. Ослышался? Переспросить? И тем выказать свой интерес? Он захочет узнать причину...

Птицы... Все же они добрались и до третьего. Если так, то какая, к черту, мистика? Реальная месть по заранее обдуманному плану.

— Ефим Ефимович, не посылайте Петра.

— Почему?

— Я сам к ней схожу...

Глава 5

Я поднялся на девятый этаж и остановился у двери квартиры номер сто один. У меня не было «легенды»: кто я, откуда узнал ее адрес, зачем пришел?.. Сочинить повод просто — сложнее перейти от него к птицам. А надо ли что-то сочинять? Появится неестественность, сбивчивость... Не проще ли быть правдивым, почти правдивым. В конце концов грань соприкосновения нашлась: ее покойный муж был геологом, а уж я в геологические экспедиции поездил...

Я нажал кнопку звонка. Из квартиры отозвался далекий женский голос. Но не объяснять же с лестничной площадки, кто я такой и что мне надо. Я достал удостоверение и приложил к глазку. Дверь открыли.

— Вы из милиции?

— Из прокуратуры. Мне надо с вами поговорить.

И я вторично развернул удостоверение. Теперь она прямо-таки изучила его и повела меня в комнату весьма неуверенным шагом. Я заговорил торопливо, чтобы хоть в какой-то степени заин-

тересовать ее своим присутствием. Она спросила иронично:

— Какая-нибудь уголовщина?

— Лилиан Казимировна, дело у меня сугубо личное. На теплый прием я не рассчитываю, но на некоторую помощь надеюсь.

Она села и предложила сесть и мне. Значит, заинтересовалась. Но заинтересовался и я. По рассказу Ефима Ефимовича выходило, что хозяйка этой квартиры — вздорная старуха с причудами. Я же увидел женщину лет пятидесяти: высокую, стройную, в элегантных брючках, энергичную... Правда, ее стройность оборачивалась геометрической худобой — того и гляди, сложится пополам.

— Лилиан Казимировна, в свое время я поучился на коллекторских курсах и семь лет проработал в геологических партиях рабочим и коллектором: рыл шурфы, разбирал образцы... И заочно учился на юридическом факультете...

Я остановился, потому что ее пальцы нетерпеливо бегали по спинке дивана. Но перейти к сути я не мог без каких-нибудь пояснительных слов.

— Лилиан Казимировна, все семь лет я вел дневники, описывал людей, маршруты, природу, шурфы... Этих дневников скопилось штук

двадцать.

— У моего мужа их целый шкаф.

— Да, он же был геолог.

Она встала и двинулась по комнате с такой силой, что на журнальном столике шелестнула газета.

— Геолог? — не то спросила она меня, не то передразнила. — Он объездил всю Россию вдоль и поперек; доктор наук, издал пять монографий; именем мужа названы два месторождения.

Ее реакция подзарядила меня надеждой. Женщина рассказывала про мужа быстро и слегка раздраженно. Кроме ее слов, я уловил непонятное, почти стеклянное цоканье. У нее что-то с зубами? Бусы, они цокали: крупные, видимо, халцедоновые бусины стучали друг о друга. Внезапно Лилиан Казимировна остановилась напротив меня, словно захотела послушать цоканье бусин вместе со мной:

— Молодой человек, а зачем вы говорите мне о своих записных книжках?

— Лилиан Казимировна, я пишу книгу с рабочим названием «Дневник геолога».

Сразу две неправды. Книгу еще я не писал, а лишь собирал материал. И называться она будет не «Дневник геолога», а «Дневник следователя».

Собирать материал о следователе не нужно: он сам шел в руки ежедневно. Да и неважно, геолог или следователь — была бы личность оригинальная.

— Молодой человек, что же вы хотите от меня?

— Вы сказали, что сохранился полный шкаф дневников вашего мужа.

— Рабочих дневников с описанием маршрутов, — уточнила она.

— Наверное, есть какие-то записи, наброски, письма... Хотелось бы взглянуть.

— Извините, но передать архив в незнакомые руки я не могу.

— Ну а рассказать о нем?

Она молчала. Мне показалось, что на ее глаза набежала влажная пленка. Вспомнила мужа... Впрочем, есть люди с беспричинно-мокрыми глазами. Она решила:

— Не расскажу, а лучше покажу.

— Фильм?

— Нет, его комнату.

Мы туда пошли. И я понял ее замысел: ничто так не говорит о человеке, как его жилище...

Одна стена занавешена геологической картой России. Вторая — заставлена книгами. Третья стена расцвечена множеством фотографий, на

которых реки и валуны, расчистки и горные выработки, земные трещины и вулканы, загорелые геологи и лохматые собаки... Над книжными стеллажами, почти под потолком, синели крупные буквы: «Молотком и разумом». Я узнал этот старинный девиз геологов.

— Максим не любил сниматься, — сказала она, решив, что я ищу его на фотографиях.

— Почему?

— Знал, что долго не проживет.

— Несчастный случай?

— Можно сказать и так: облучился в урановых шахтах Северного Казахстана еще в молодости. Лучевая болезнь... Хотя в экспедиции мог бы уже не ездить: собранных им материалов хватило бы на десяток полевых сезонов.

Я споткнулся о сооружение, которому здесь вроде бы не место. Раскладушка... Неужели геолог на ней спал? Лилиан Казимировна заметила мое удивление:

— Он презирал городскую жизнь. На дачу не ездил, машины не покупал, телевизор не смотрел.

— Что, никаких увлечений?

— Что вы, множество. Изучал метеорит «Омолон», упавший в Магаданской области, который старше Земли и, может быть, прилетел с Марса.

Увлекся новым направлением — генетико-информационная минералогия... Мечтал создать геодром под открытым небом — музей всех геологических пород России.

Она вдруг обернулась и сказала виноватым голосом:

— Максимушка, извини, мы тебя потревожили...

Глава 6

Я огляделся непроизвольно. Разумеется, в комнате, кроме нас двоих, никого не было. Не передо мной же она извинялась, да я и не Максимушка. Понятно: для этой женщины муж оставался живым, и его дух витал в этом кабинете.

— Лилиан Казимировна, вы, так говорите, будто он здесь присутствует...

— Присутствует, — заверила она убежденно.

— Вы говорите образно, — выразил я свое понимание.

— Нет, в прямом смысле. — И добавила, уже не мне: — Максимушка, мы сейчас уйдем.

Она подошла к отрезку полки, предназначенному для всяких слоников и вазочек. Вместо них там стояло блюдо, которое искрилось от камней,

насыпанных в него высокой горкой. Но Лилиан Казимировна обращалась не к блюду, а к предмету загадочному...

К кубу, вроде бы из стекла... Все его острые грани были окантованы светлым металлом — как закованы. Что было внутри, я разглядеть не мог, но вспомнил: Ефим Ефимович называл этот куб не то артефактом, не то раритетом.

— Вот Максим, — сказала Лилиан Казимировна, кивнув на куб.

Видимо, я сделался чуточку, как теперь говорят, неадекватным, потому что начал озираться в поисках куба в человеческий рост. Поскольку не нашел, то адекватность ко мне вернулась. Вернулась, потому что в центре куба сверкнула каменная грань. Все-таки Лилиан Казимировна определяла жизнь витиевато. Наверняка это образец какого-нибудь редкого минерала, привезенного из экспедиций: И я спросил:

— В кубе, видимо, камень необыкновенный?

— Да, бриллиант.

Я не стал поправлять, что в природе бриллиантов нет, а есть алмазы. Камни дорогие, но что в них необыкновенного, когда их носят в серьгах и перстнях.

— Видимо, у вашего мужа с этим бриллиантом

что-то связано?

— Он его не видел и видеть не мог.

— Значит, камень вы нашли после его смерти?

— Нет, не угадали...

Лицом она сказала больше: не угадал и не угадаю. Я предположил, что алмаз связан с каким-то древним народом, с какой-нибудь легендой, с мистикой. Подобная история для моих дневников — находка. Я зашел с другого бока:

— Лилиан Казимировна, как следует понимать, что это не бриллиант, а ваш муж?

— В прямом смысле.

— То есть муж был вам дорог, как бриллиант? Или вы купили этот камень и назвали его Максимом? — уже несколько нервно спросил я.

— А вы присмотритесь.

Я присмотрелся. Не разбираюсь я в каратах, но это был довольно-таки крупный алмаз. И я не мог понять, что его держит: висит он в этом кубе, будто и не камень вовсе, а тополиный пух на ветру. Я всматривался, как и было велено. И тогда... Нет, солнца за окном не было, никакая лампа не включалась, очки мои сидели на переносице крепко, и мир не искажали. Но бриллиант сверкнул, будто сам повернулся ко мне другой гранью. Это сверкание походило на коротенькую

молнию, которую мои сильные очки еще больше усилили и вонзили в мозг.

— Пойдемте пить кофе, — устало предложила хозяйка.

Мы переместились на кухню. Я молчал, задавленный собственными вопросами. Объяснять-то должна она, но Лилиан Казимировна угрюмо ставила чайник. Я огляделся. Кухня показалась мне полупустой: не блестела нержавейка, не белел фарфор, не было никакой кухонной техники. Я надеялся угоститься каким-нибудь необыкновенным напитком, каппучино или кофе по-венски, к примеру, но на стол поставили банку с обычным растворимым кофе и сахарницу: ни пирожка, ни печенья...

— Я прочла в удостоверении, вас звать Сергей Георгиевич?

— Да.

— Вы сидите на табуретке?

— На ней, — подтвердил я.

— У меня нет ни кресел, ни мебельных гарнитуров, да и стульев нормальных нет.

— Не в мебели счастье, — брякнул я.

— У меня нет ни дорогих туалетов, ни мехов...

— Сочувствую.

— Дачу вот продала...

— Жаль, — сказал я, поскольку она ждала от меня какой-то реакции.

— У нас в банке лежала крупная сумма, забрала все подчистую. Сергей Георгиевич, почему вы не спрашиваете, куда я девала все деньги?

— И верно, куда вы дели такие большие деньги?

— Истратила на похороны Максима.

— Такие были пышные? — видимо я слегка усмехнулся.

— Знаете, сколько стоила доставка тела Максима в Швейцарию?

Теперь уж я усмехнулся не слегка. К людям с рыбьей моралью — рыба ищет, где глубже — я относился с некоторым подозрением. Едут за рубеж, потому, что там хорошо; будет у нас хорошо — вернутся. Но чтобы отправляли мертвых туда, где хорошо... Неужели так завещал геолог?

— У мужа там кто-то похоронен?

— Нет.

— Тогда зачем же? — вырвалось у меня почти ожесточенно.

— В Швейцарии есть фирма, которая кремирует тело, а прах по специальной технологии превращает в алмаз.

Она еще что-то объясняла, но догадка легла на

мои уши, закрыв их для необязательной информации. Я спросил недоверчиво:

— Фирма официальная?

— Да, и желающих очередь.

Спросить я хотел не про фирму: то, что хотел спросить, никак не выговаривалось моим языком.

— Максима Петровича кремировали?

— Да.

— И это... превратили?

— Вы же видели: бриллиант в стекле — это Максим.

Я не поверил, потому что не может быть. Да, время несется с сумасшедшей скоростью: пересаживают органы, удлиняют ноги, оплодотворяют в пробирках, рожают чужого ребенка, заменяют суставы, сердечные клапаны и прочие детали человека, перекраивают лицо до неузнаваемости... Но превратить умершего человека в камень? Муж в стеклянной баночке? Как же Лилиан Казимировне не страшно жить в квартире и ежедневно-еженощно видеть окаменевшего супруга? Постепенно я успокоился, тем более что она, заметив мое возбуждение, долго молчала. В конце концов, прах умерших развеивают по ветру, пускают по рекам, опускают в океан и просто

хранят в урнах дома. И разве лучше уложить тело в деревянный ящик и оставить гнить под землей, в одиночестве, на холодном кладбище?

Лилиан Казимировна вздохнула и стала говорить внушительно, будто до сих пор я не понимал ее слов:

— Где-то в Сибири, в одной пещере лежит кристалл, длинной метра полтора. Он светится белым незатухающим светом. Считается, что камень получает информацию из космоса и управляет всей жизнью на Земле. Человеку можно его увидеть только один раз в жизни — Максим был в этой пещере...

Я толкнул свою память: не забыть бы записать в дневник. Лилиан Казимировна, видимо, устала: лицо сделалось суше, в нем проступило что-то иконное. Чтобы снять молчаливую напряженность, она предложила:

— Сергей Георгиевич, не хотите глянуть на камни, собранные Максимом?

Разумеется, я хотел. Мы вернулись в комнату к блюду с образцами пород. Я сообразил, почему именно блюдо, а не ларец, сундучок или коробка — так они открыты свету, поэтому на солнце камни играли разноцветьем. Я начал их перебирать: все камешки не обработаны, им не придана

форма, они не отшлифованы.

Кусок бледно-зеленого малахита с белесыми полосками... Розовый камешек, скорее всего, александрит... Светло-чайный топаз... Лазурит, как лазурное небо... Красный камешек, наверное, рубин... Кристалл густо-зеленого изумруда: не из африканских ли копий Клеопатры?.. Прозрачный лимонно-желтый, нежели алмаз?.. Сапфир, наверняка сапфир, с хорошо выраженным эффектом «кошачьего глаза»...

— Лилиан Казимировна, я не минералог, но, по-моему, это же все драгоценные камни!

— То-то их воруют...

— Кто?

— Форточку я держу открытой. Как-то влетела большая птица, покружила по комнате и вылетела вон. На второй день опять появилась, схватила камень и улетела.

— На ваших глазах?

— Именно.

Она замешкалась. Я смотрел на нее выжидающе. Помолчав, Лилиан Казимировна как бы ответила на мой ждущий взгляд:

— Глупость, конечно... Со столика пропали мои очки. Все обыскала — нету. А во дворе ребята слепили снежную бабу. Иду мимо и вижу — а

баба-то в моих очках!

Я улыбнулся. Этим смешным рассказом она сгладила мистический подтекст нашей встречи. По ее напряженным губам я догадался, что она хочет что-то добавить. Мне надо бы иметь какое-нибудь записывающее устройство, потому что нельзя уповать на собственную память — ускользают подробности. Маленькую подробность она добавила:

— Петр, знакомый Ефима Ефимовича, иногда мне помогает по хозяйству... Обещал этих птиц распугать.

— Лилиан Казимировна, Петра в квартиру не пускайте! — чуть ли не приказал я.

— Почему?

— Птицы охотятся не за камнями, а за Петром.

Глава 7

Я, конечно, проверил: в Швейцарии существовала — а может, и сейчас живет — фирма под названием «Альгорданза». Она кремировала тело, а потом пепел превращала в алмаз, который после огранки становился бриллиантом. Можно было из близкого человека сделать перстень или кулон. И правда, в эту фирму была очередь.

Мистика, фантазия, глупость... Наверное, всего понемножку. Но после знакомства с жизнью геолога и его женой расследование моих текущих дел показалось занятием нудным... Заодно я понял, чем плохи наши криминальные сериалы: вроде бы приличные артисты — молодые, талантливые; вроде бы добротные сюжеты — американские, закрученные; вроде бы серию за серией лупят по морде и громоздят трупы, а неинтересно до скуки. И не оттого, что из фильма в фильм гонят примерно одно и то же.

Неинтересно, потому что нет тайн.

Я сидел в своем кабинетике и листал том уголовного дела. Как же нет тайн? Вот она...

По коридорам и аудиториям института бродил не то студент, не то чей-то знакомый. Короче, примелькался. Как-то он прошел в деканат с большим тортом и пожелал увидеть декана. Того на месте не было. Тогда парень попросил секретаршу отнести торт в кабинет и поставить на стол декана. Секретарша, естественно, спросила, от кого торт, потому что ее об этом спросил декан. «От блондинки», — был краткий ответ. Молодой человек ушел. Секретарь отнесла торт, и она не была бы женщиной, если бы не заглянула в коробку... Взрыв убил ее мгновенно.

Террориста мы нашли, о чем я когда-нибудь напишу. Я про тайну... Найти преступника — еще не значит раскрыть тайну. Частенько сюжет разворачивается после задержания убийцы, и он, бывает, заинтриговывает покруче самого преступления.

Звонил невозмутимый телефон. Вернее, хладнокровный. Допрашиваю ли я, много ли свидетелей вызвано повестками, обдумываю ли версию, пишу ли обвинительное заключение — он звонит как ни в чем не бывало. Я снял трубку и услышал, как мне показалось, женский, а точнее, бабий, голос:

— Сергей Георгиевич, беспокоит вас Ефим Ефимович...

— А-а, здравствуйте, — с подъемом отозвался я, изображая радушие.

— Вчера вас вспомнил, Сергей Георгиевич. Ехал мимо прокуратуры.

— И куда ехали? — поддержал я разговор.

— На фестиваль вещей ручной работы.

— Есть фестиваль лоскутного шитья, — пришлось поддакнуть и мне.

— Сергей Георгиевич, в вашем районе есть бутик винтажной одежды.

Мне хотелось узнать, что это за одежда. Пере-

силило другое желание: зачем он звонит? Такие люди, как этот антиквар, ничего зря не делают. Я решил ему подсобить приятной темой:

— Удалось ли, Ефим Ефимович, из старенького приобрести что-нибудь новенькое?

— Теперь все стали хитрыми. Нашел мужика с яйцом, так не хочет продавать.

— Ну, не с одним же ему оставаться, — пошутил я в духе современной эстрады.

— Яйцо кузнецовского фарфора, конец XIX века. Зато я купил у него гильотину, — видимо, пошутил он в духе «Комеди-клаб».

— Настоящую?

— Игрушечную.

Я поморщился. Интернет набит всякой глупостью, кино показывает всякую гадость, в романах прочтешь всякую пошлость... Вот Для детских игр гильотинку сварганили. И удивляются, отчего наша молодежь стала такой жестокой? Антиквар просек мое настроение и сообщил торопливо:

— Сергей Георгиевич, я приглашаю вас завтра на ланч. Извините, что сам не приехал, но на ланч принято приглашать именно по телефону.

— Вы меня удивили, — только и нашелся я.

— Сергей Георгиевич, ничего особенного: заливной поросенок под клюквенную водку...

— Спасибо, но я не пью клюквенную водку, особенно на ланч.

Во мне гнездилось качество, которое надо было изживать. Я имею в виду немотивированную антипатию к человеку. Ну почему мне не нравится этот антиквар? Что-то интуитивное? Как говорит прокурор района: «Интуицию к делу не подошьешь».

— Сергей Георгиевич, мне кажется, что вы не одобряете мою коммерческую деятельность. Но я тоже хочу бессмертия.

— Не уловил...

— Чтобы стать бессмертным, надо иметь собственность, которую можно оставить потомкам. Этим продолжишь свое посмертное существование.

Я усмехнулся — в трубку. Люди тысячелетиями думали, как бы научиться жить после смерти, а оно вот как просто — скопи барахлишка и напиши завещание. Выходило, что олигархи и прочие миллионеры обеспечили себе бессмертие?

— Ефим Ефимович, у вас ко мне дело?

— Нужен совет. Петра Яичкина вы знаете хорошо... Можно ли ему поручить серьезное дело?

— У Петра есть крупный изъян — он любит выпить.

— Надежный ли он человек?

— В полевых условиях не подводил.

— Спасибо, — кончил он разговор, догадавшись, что я занят.

До пяти вечера я допрашивал свидетелей сразу по трем делам. В пять пришлось разбираться с полупьяной женщиной, квартиру которой обокрали: деньги целы, одежду не взяли, вещи не тронули, на электронику не обратили внимания... Нет кражи, но женщина уточнила — украли ребенка.

В семь вечера я устало сделал кофе и выпил две чашки. В семь тридцать я замкнул сейф, намереваясь идти домой. Но в семь тридцать в кабинет виновато заглянул Петр. Я велел:

— Входи и рассказывай, какие у тебя дела с Ефимом Ефимовичем.

— Вот иду к нему узнать...

Полевая бородка со временем начала желтеть. Похоже, что ее желтизна переползла на прическу, которая стала буреть. Лишь наивно-голубой взгляд не менялся, лишь прибавилось, я бы сказал, вытаращенности.

— Как жизнь, Петр?

— Жду.

— Чего?

— Появления среднего класса.

— Тебе-то зачем?

— Как же... Я не мог понять, к чему возрождать буржуазию. Мне объяснили: будут богатые, и мы заживем лучше. Появились олигархи, а мне по-прежнему живется хреново. Мне говорят «Подожди, народится средний класс, и мы заживем». Вот и жду.

— Работу лучше бы нашел нормальную, чем быть на побегушках у старьевщика.

— Я привык шурфы рыть, а зимой что?

Шурфы он бил почти в любой породе, даже в галечном конгломерате. Поэтому его голос сделался каким-то пружинистым. Мною замечено, что слабые люди в отстаивании своей правоты очень агрессивны.

— Петр, я ухожу домой. Позвони мне завтра и расскажи, что от тебя нужно антиквару.

Мы вышли на улицу. Легкий морозец освежил мою голову, поэтому я вспомнил:

— Петр, чем кончилась история с ботинком Гоголя?

— Ефим Ефимович нашел ему замену.

— И что отдали вместо?

— Ботинок Хрущева.

— Какой ботинок? — не понял я.

— Тот, которым Хрущев в ООН стучал по трибуне.

Глава 8

Я старался вникнуть в психологию уголовников, с которыми общался лишь на допросах, и докапывался до глубинных струн их душ, а вот психология Петра, с которым провел не одно лето, оставалась для меня загадкой. Он же общался с геологами, студентами, со мной, в конце концов, общался. И, похоже, ни к кому не прикипел. А вот к Ефиму Ефимовичу его тянет, словно буксирным тросом. Из-за денег?

Мне не спалось. С полуночи начала мучить изжога. Пришлось выпить соды. Изжога ушла куда-то вниз, как провалилась. Поскольку соду запивал теплой водой, то грел чайник; поскольку чайник горячий, почему бы не выпить чашечку кофе? Провалившаяся было изжога вернулась. Ну, выпил соды... Спать расхотелось окончательно. Если нет сна, то приходят мысли. Например, о моем дневнике, к которому не прикасался неделю. Но концепция сложилась...

Каждая глава «Дневника следователя» будет построена трехчастно. Часть первая: рассказ

о каком-нибудь заковыристом расследовании заковыристого преступления. Часть вторая: криминально-юморной эпизод, которых у меня полно. Часть третья: краткая философско-криминальная мысль. Любителям детектива пошла бы часть первая, часть вторая для отдыха и улыбки, часть третья для думающих.

Телефон... Хорошее название для детектива: «Ночной звонок». В трубке я услышал голос прокурора района:

— Сергей Георгиевич, придется вам ехать на происшествие.

— Есть же дежурный по городу.

— Занят на пожаре.

— А я дежурю завтра...

— Сергей Георгиевич, завтра давно наступило. За вами послана машина.

Я ехал, не спрашивая оперативника, что случилось и где. По пустяку следователя прокуратуры ночью не потревожат. Скорее всего, где-то в центре нашего района, потому что машина шла какими-то дворами и проездами. После очередного поворота во мне забрезжило что-то вроде смутной тревоги. Еще один поворот, и автомобиль выскочил к дому, хорошо мне знакомому. Здесь жили антиквар и вдова геолога.

У парадного стояли люди и две машины. Я подошел: теперь оперативно-следственная бригада укомплектовалась полностью. Не хватало лишь виновника этого сборища — трупа. Он был тоже здесь, лежал на узком отгороженном газоне, примыкавшем к стене дома. Мне показалось, что нижняя часть лица прикрыта светлой тряпкой. Это борода. Боже...

Петр!

Оперативники, судмедэксперт, криминалист и понятые смотрели на меня, на остолбеневшего. Сбежать бы отсюда и передать дело другому следователю... Но бросить место происшествия я не имел права. Опер Леденцов решил вернуть меня к работе:

— Похоже, что упал с крыши.

Что там делать Петру? Ответ я не услышал, а увидел: он, ответ, лежал в двух метрах от трупа. Криминалист сфотографировал этот предмет отдельным ракурсом...

Стеклянный куб. Внутри бриллиант, который в свете фонарика блеснул тускло и обидчиво...

Мое сознание заработало: его подтолкнула едкая догадка. С крыши ли упал Петр? Я послал ребят глянуть и заодно толкнуться в две квартиры: сам я пока не мог, потому что судмедэксперт

уже начала осматривать труп.

Я переступил через карликовую оградку газона. Единственная молоденькая березка еще не застилала окна. От морозца и влажного воздуха ее ветки покрылись едва заметным инеем и казались отлитыми из мохнатого алюминия. С одного бока на них не было ни снежинки: видимо, тут пролетел упавший человек. Он разметал тонкий льдистый наст в мелкие блестки, которые оконтурили тело серебряной ризой.

Упавший человек, труп, тело... Да Петр это, Петр!..

Вернувшийся криминалист доложил, что на крыше снег утоптан и лежит веревка. Леденцов побывал в двух квартирах. Точнее, в одной, потому что у Ефима Ефимовича ни света, ни шороха, и на звонок никто не открыл. Лилиан Казимировна ничего не видела, а проснулась от неясных звуков: в соседней комнате было выставлено оконное стекло.

Картина сложилась. С чердака Петр вылез на крышу, по веревке спустился до окна квартиры, вырезал стекло, взял в комнате стеклянный куб, вернулся на крышу, оттуда и сорвался. Вторая-то рука была занята — держала раритет. Я зябко поежился. Ночь, тихо, город спит, освещенное све-

том автомобильных фар тело человека, которое ощупывает пожилая женщина-судмедэксперт. И в другое, более комфортабельное место труп не увезешь — положено осматривать там, где тело нашли.

Я сел, в кабину составлять протокол. Но Леденцов привел дворничиху и сообщил, что это стопроцентный очевидец. Я усадил ее рядом. Определив, что я хочу записывать ее показания, она всполошилась:

— Ничего не знаю.

— Вера Семеновна, оперу же вы рассказывали...

— Что на крыше стоял мужик. И все.

— Какой мужик, почему стоял, что было дальше?

— А дальше я ушла к себе.

— Разве за порядок на крыше дворник не отвечает?

— Я подумала, что прислали верхолаза сбрасывать снег.

Есть вид страха, когда человеку ничто не угрожает, но он боится: как бы чего не вышло. По-моему, самый подлый вид страха — страх впрок. Его, правда, зовут осторожностью, предусмотрительностью, предвиденьем... Меня удивило

выражение ее круглого обветренного лица. На него легла очевидная тревога, не имеющая отношения к страху впрок. В таких случаях разговору надо придать слегка иное, успокаивающее, направление.

— Вера Семеновна, вы Ефима Ефимовича знаете?

— Знаю, но с ним не поговоришь.

— Почему?

— На все есть один ответ: «Без комментариев». Но о Боге со мной беседует.

— Почему именно о Боге?

— Смерти боится. И я верующая. Правда, иногда думаю: почему всесильный Бог не может одолеть дьявола:

— Потому, что за дьявола слишком много людей, — решил я эту проблему.

Мне ли не знать, сколько людей за дьявола? При расследовании каждого уголовного дела, я боролся с дьяволом в лице преступников, лжесвидетелей и просто не желавших давать показания. По статистике, в наших тюрьмах сидит около миллиона человек. Кто они, как не пособники дьявола?

— Мне как-то стало не по себе, — поделилась дворничиха.

— Из-за дьяволов? — усмехнулся я.

— Ночь, на крыше стоит человек и машет руками, — она сама вернулась к главному.

— Почему машет?

— Отбивался.

— От дьявола?

— От птицы.

— От какой птицы?

— Крупной, черной. Наверное, он задел ее гнездо. Тут мне стало не по себе...

От этой информации и мне стало не по себе. Казалось бы, стимула в работе должно прибыть, но я не был готов перейти от расследования причин смерти к расследованию мистических тайн. Допросы, экспертизы, очные ставки — к чему они, если в дело вмешался дьявол? Поскольку я молчал, то дворничиха свой рассказ завершила:

— Через полчаса я вышла глянуть... А он уже на газоне лежит. Ни шума не было, ни криков.

— Кроме него на крыше еще кто-нибудь находился?

— Никого.

— Вера Семеновна, Ефим Ефимович просил вас что-нибудь купить-продать?

— Хотел найти человека, который продал бы ему бронежилет.

— Ну да, для защиты от дьявола.

Может быть, мысли о дьяволе и бронежилете мы бы развили, но подошла судмедэксперт и бессильным голосом сообщила, что работу закончила. Так устать за полтора часа работы? Но я вспомнил, что у меня сегодня единственный выезд, а женщина дежурила по городу. Я спросил ее почти участливо:

— Ну, причину смерти скажете после вскрытия?

— Смерть наступила в результате перелома основания черепа.

— Его ударили? — не поверил я.

— Скорее всего, разбился.

— Но он упал на снежный наст.

— Мог что-нибудь задеть.

Я проследил траекторию полета от крыши до газона. На пути был балкон третьего этажа. Видимо, об него Петр и ударился головой. Она добавила:

— От тела исходит сильный запах алкоголя.

Я не сомневался. Трезвым на кражу Петр не решился бы. Судмедэксперт помялась:

— Не знаю, пригодится ли это... Отметины на кистях рук.

— Какие отметины?

— Что-то вроде мелких ранок. Сначала я подумала, что он наркоман. Но эти отметины на следы уколов не похожи. Будто прошлись небольшой пилкой. Не знаю, как он так поранился.

— Я знаю, — пришлось мне объяснить.

— И как?

— Птичка поклевала.

Судмедэксперт даже не улыбнулась. При ее работе — осмотр трупов, вскрытие тел — не до юмора...

Петра уложили на носилки и затолкали в труповозку. На него упал свет из окна первого этажа, и бородка на секунду показалась мне каменной, словно отлитой из молочного халцедона. Видимо, я шептал... До свидания, Петр. Встретимся на кладбище. Я, Леха, Макарыч и Эдик придем тебя хоронить.

Говорят, тайна смерти... Петр, ради чего ты ездил в экспедиции и корячился в шурфах; ради чего торговал ботинками Гоголя; ради чего поддался увещеваниям антиквара и пошел на кражу? Неужели ради выпивок? Твою жизнь, Петр, я не разгадал. Тайна смерти... Никакой тайны смерти нет, а есть лишь тайна жизни...

Мои ноги зудели: утром нужно искать Эдика. Он остался единственным, кого птицы еще не

наказали.

ЧАСТЬ 5

Глава 1

Зима растаяла неожиданно. От пришедшего лета я ничего приятного не ждал хотя бы потому, что отпуск мне по графику выпал в ноябре. Следователи прокуратуры старались отдохнуть за июнь-сентябрь. Значит, летняя нагрузка на меня возрастет до критического предела.

В следственной работе столько возникает фактов и сведений, что их хватило бы не на один справочник... Держать их в голове невозможно — захлебнешься. Поэтому лишнее я отсеиваю и приказываю своей памяти хранить лишь важное. Но есть обстоятельства, которые оседают в душе беспокойством без всяких приказов.

Эдик...

Ему единственному не отомстили. Кто? Судьба. А судьба — это птицы? Не просто птицы, а когтистые птицы? Нет, судьба есть месть; жестокая, даже со смертельным исходом. Но убить — это не отомстить. Петру не отомстили — Петра убили. Ему выпала неудачная судьба... А судьба удачная — это награда за жизнь правильную?

С Эдиком все же надо увидеться и предупредить. Не двумя же словами... Вряд ли он контачил с Лехой, Макарычем и тем более с Петром. Видимо, он не знает об их злоключениях. Предстояло выкроить время для встречи. Но оно, время, расписанное на много дней вперед, сплелось в тугой клубок, откуда не вытянешь лишней ниточки. Я подумал, что есть все же телефоны, мобильники, электронная почта, наконец... Стоило мне задуматься об этом, как в мой кабинет шагнул высокий вальяжный мужчина. Как-то в своем дневнике я уже отмечал способность человеческого мозга посылать в пространство некие импульсы, вроде телепатических. Мои импульсы достигли цели, потому что передо мной стоял Эдик.

Мы обнялись. Я упрекнул его:

— Не позвонишь, не зайдешь...

— Работаю в лаборатории, плюс вечерний институт. Но главное, купил машину.

Я поздравил, хотя не был уверен, что покупка машины — главное. Стоило ли ради автомобиля надрываться в шурфах. Эдик сел перед моим столом — как на стул пламя опустилось: замшевая куртка неопределенно-розового оттенка, галстук определенно-кровавого, волосы цвета свежей

морковки, очковая оправа, как ржавая проволока. Я спросил:

— С ребятами встречаешься?

— Никак не соберусь.

Тему про ребят я постарался закрыть: нельзя же с первых слов о неприятностях. Оставлю на потом.

— Эдик, детектив-то пишешь?

— Какой детектив?

— «Цвет крови на топоре палача».

— Нет в тексте напряжения, поэтому отложил...

— Эдик, я научу, как повесть сделать интересной. Руби текст на главы кончай каждую приколом.

— Каким?

— Например, герой сообщает, что убил человека.

— У меня в повести нет убийств.

— Тогда пусть герой признается, что ограбил банк.

— Нет там у меня грабежей.

— Тогда пусть скромная девушка объявит, что она беременна...

Но нам хотелось вспоминать наше рабочее лето: как Макарыч охотился на тарбагана; как Леха

выкопал шурф и в него упала овца ему на голову; как Петр подпалил костром бородку; как Эдик дорылся до медного колчедана; как я потерял очки и якобы их подобрал тарбаган и стоял у норы, поблескивая стеклами... Как опытные лоцманы обходят мели, так и мы обходили запретную тему — о Катерине даже не упоминали.

— Сергей, я начал сочинять другой детектив, — сообщил Эдик с заведомой надеждой на одобрение.

— Где есть и убийство, и беременность?

— Нет. Герой, выросший без матери и без отца начинает искать родителей. Сначала находит мамашу. По документам выходит, что она его родила, а женщина отказывается. Никогда и никого не рожала.

— Прибегла к помощи суррогатной матери. Эдик, с такими сюжетами полно телесериалов.

— А суррогатный отец?

— Это как? — не понял я.

— Отец, который не платит алиментов.

Мне пришлось задуматься. Увидев, что определением суррогатного отца я озадачен, Эдик растолковал:

— Суррогатный отец — это мужик, который не платит алиментов. Но у моего героя нет никаких

родителей, даже суррогатных.

— Откуда же он взялся?

— Его зачали в пробирке.

— Тогда кого же он ищет?

— Эту пробирку.

Я посмеялся. Впрочем, в век компьютеров и фантастики сочинялись опусы и покруче. Но меня интересовала повседневная жизнь Эдика. Он стал о ней рассказывать: о своей работе, о занятиях на подготовительных курсах, о купленной машине, о приятелях... Он пользовался словами знакомыми, но отстраненными от криминала: продюсер, бонус, менеджер, нано, трансформеры, Гугл... И хотя я старался следить за ходом времени, все-таки ежегодная пятимесячная отлучка от цивилизации сказывалась.

— Эдик, пребываешь в одиночестве? — осторожно спросил я.

— Пребывал в кромешном.

— Как понимать?

— Сергей, ты же был у меня — квартира сто пятьдесят метров. Легко ли одному в таком просторе.

— Женись, — дал я банальный совет.

— Уже.

— Что «уже»?

— Женился.

Мне показалось, что он покраснел, но его кожа была розовой от природы. Эдик всматривался в меня, определяя реакцию на его сообщение. Я удивился:

— Когда же успел?

— Сергей, как ты знаешь, есть три вида брака: традиционный, гражданский и договорной. Я придумал четвертый вид брака: по вызову.

— Это как?

— Встречаемся тогда, когда хочется.

— Ну, это не брак.

— Сейчас мы живем вместе, потому что так нам хочется.

— Эдик, а любовь?

— Сергей, что есть любовь? Это желание вступать в интим с приятным человеком.

Разговор балансировал на грани. Нельзя касаться ни любви, ни интима. Один мой неосторожный вопрос, и мы соскользнем в ту криминальную историю.

Я же соблюдал наше коллективное соглашение — не вспоминать, и я дал слово, что удержусь от упреков. Удержусь от упреков, но не от вопросов:

— Эдик, кто же твоя жена.

— Шатенка.

— Так, красивая?

— Среднестатистическая.

— Умная?

— Дура, набитая Интернетом.

— Тогда что же ты в ней нашел?

— Сергей, между Интернетом и интимом нет прямой зависимости.

Поскольку на его умозаключения я не отозвался, то Эдик как бы перешел на язык попроще:

— Звать ее Сима.

— А полное имя?

— Серафима. Приехала с Украины. Второй год поступает в театральный институт. Думаю, будет поступать и третий. Теперь главное ты о ней знаешь.

Когда я допрашиваю, то смотрю на человека проникаю-ще, замечаю перепады его голоса, ловлю вздохи и оговорки. В приятельской беседе моя бдительность отключена. Но даже не включая ее, заметил, что Эдик радостно-взвинчен. Еще бы, ведь говорил о любимой девушке, хотя и прикрываясь небрежностью тона. Подтверждая мою догадку, Эдик объявил:

— А я пришел по делу. Чем рассказывать, лучше показать. Хочу устроить званый ужин. Ты, я и все ребята...

До сего момента говорить о всех ребятах я избегал. Не хотелось портить его радостную взвинченность. Теперь придется — хотя бы подготовить.

Я спросил:

— А ты им уже звонил?

— Нет, к тебе первому.

— Эдик, собрать всех вряд ли удастся: у Лехи какие-то семейные неприятности, Макарыч после больницы, Петр куда-то запропастился...

Со званым ужином Эдик решил повременить. Чтобы его внимание переключилось на иные темы, я вспомнил о наших спорах у костра о смысле жизни. Я подковырнул его вопросом:

— Вместо смысла жизни нашел себе девицу?

Эдик отрезал:

— Сергей, у жизни нет смысла.

— Допустим, но есть цель.

— Какая же?

— Искать смысл жизни.

Глава 2

Для удобства граждан прокуратура расположена на первом этаже. Окно моего узкогрудого кабинетика забрано крупноячеистой решеткой

и закрыто толстым стеклом. Но есть форточка, которая мною всегда распахнута. Мне виден проспект, бегущие автомобили, пешеходы... Но я чаще смотрю на кленок, на молоденький клен, который приметил еще с осени. Тогда его красные листья прижимались друг к другу и висели, как гроздья крупных ягод.

Мысль не обидная, а скорее удивленная... Разбираюсь с преступниками, общаюсь с множеством людей, пишу дневник следователя — а сердце льнет к этому одинокому клену. Правильно ли я определился с профессией? Не надо ли было связывать судьбу с геологией, с палатками, с маршрутами, с тарбаганами? Какая ерунда... Все поставил с ног на голову, будто бы я распоряжаюсь судьбой, а не она мною.

Визит Эдика меня успокоил. С ним все в порядке. Истории с Лехой, Макарычем и Петром в конце концов могли быть всего лишь вычурными совпадениями, которых в жизни сколько угодно.

В РУВД мне рассказывали историю про операвезунчика. Процент раскрываемости преступлений у него был выше всех, жена-красавица, иномарка... Опер с душевной улыбкой объяснял, что от жизни хочет получить все и половину уже получил... Завидная судьба...

Как-то он преследовал бандита по кличке Черемис. Гнался за ним на своем новеньком «Форде», пока тот не забежал во двор; потом догонял его чердаками и крышами, а когда Черемис спрыгнул в сквер, опер выбил из его рук пистолет и скрутил, как бешеную собаку. И все один, ночью. Разбуженные граждане прильнули к окнам... Любопытная женщина с седьмого этажа распахнула пошире окно и не удержала пятикилограммовую гантелину, которой от ветра была прижата створка окна. Чугунная чушка полетела вниз, как бомба с самолета, и попала в голову везунчику, уже шедшему с задержанным к машине. Насмерть...

Что это: случайность, закономерность или судьба?

Телефон звонит... Так пишу, что можно подумать, звонок неожиданный — на самом деле он трезвонит с утра до вечера. Прокурор района попросил к нему зайти. Идти-то десять шагов. В приемной, где сидели две секретарши, одна из них, Тонечка, меня задержала:

— Сергей Георгиевич, а я к вам собиралась бежать.

— Наверное, вручить новое уголовное дело? — предположил я.

— Не дело, а материал для решения — надо ли дело возбуждать.

Вообще-то вопрос о возбуждении уголовного дела решает либо сам прокурор района, либо его помощник. Но Виталию Аркадьевичу хотелось знать мнение тех людей, которые будут непосредственно расследовать. Тонечка просматривала все дела по двум причинам: женское любопытство, и она училась заочно на юридическом факультете. Папку она мне вручала со значительной хитринкой. Я удивился невесомости материала:

— Тоня, да в папке ничего нет.

— А то, что есть, — ошарашивает.

— Убийство?

— Кражи.

— Антонина, ты же знаешь, что кражи прокуратура не расследует.

— Смотря что украдено.

— Слитки золота?

— Если бы...

— Значит, платины.

— Сергей Георгиевич, не угадаете.

— Ну, значит, какой-нибудь навороченный автомобиль типа «Ролс-ройс».

— Еще круче.

С этой папочкой я и вошел в кабинет прокурора.

Виталий Аркадьевич, естественно, сидел за столом: плечистый, крупнотелый, с обритой по моде головой, в мундире советника юстиции, он походил на американского генерала. Победоносный взгляд серых глаз каким-то образом сочетался с узкими крепкими губами. Говорили, что он посещает бассейн и по ночам сидит в Интернете.

— Читали? — прокурор кивнул на раскрытый перед ним журнал.

— Еще не успел.

— Теория западных криминологов: преступник обязан возместить ущерб материально или символически, но нельзя делать так, чтобы он страдал.

— Тюрьма — это страдание.

— Именно. Сейчас наши правоведы теорию подхватят и задумают новую амнистию.

Разумеется, он пригласил меня не ради криминологов с их теорией. Скорее всего, спросит, укладываюсь ли я в процессуальные сроки расследования, или даст новое дело.

— Нравится ли следственная работа, Сергей Георгиевич?

— Я ждал большего.

— Чего вы ждали?

— Преступлений интересных и загадочных. А идет одна бытовуха.

— Откуда же им взяться, если общество живет не интересно и не загадочно. По-моему, люди страдают от скуки.

— От безделья, — уточнил я.

— Да, мне сегодня показали письменный договор между зоопарком и какой-то молодежной организацией...

— Наверное, ребята захотели приобрести медвежонка или верблюжонка?

— Никогда не догадаетесь, — усмехнулся прокурор.

Не везло мне сегодня на отгадки. А когда везло? Наверное, прибедняюсь: удачу и хорошее здоровье не замечаешь.

— Сергей Георгиевич, суть договора в том, что зоопарк разрешает членам этой организации спать в вольере с бегемотом.

— Зачем?

— Для экстрима.

Виталий Аркадьевич улыбнулся. Улыбка ему шла: она делала взгляд менее победоносным, а рот не таким волевым и суровым. Прокурор обратил внимание на папку в моих руках:

— Говорите, нет интересных дел... Разберитесь-ка в этом материале. Только осторожно, без лишней огласки и пафоса. Чтобы нас не подняли на смех.

— Виталий Аркадьевич, что же это за дело?

— Кража трупа.

Глава 3

Заниматься расследованием одного уголовного дела и переключаться на другое похоже на прыжок с одного бегущего поезда на другой поезд. Но этим утром я никуда не прыгнул, потому что ко мне неожиданно пришел Эдик. Неожиданно ли? Во мне коренился постоянный тревожный вопрос, все ли с ним в порядке? Не коснулась ли его та мстительная сила, которая задела Леху, Макарыча и Петра?

— Эдик, как пишется твой детектив?

— Какой детектив?

— Где парень ищет пробирку...

— Какую пробирку?

— В которой его зачали...

Шутить сегодня он был явно не склонен. Видимо, явился, чтобы все-таки пригласить меня на смотрины. Его рыжая шевелюра, как летняя

клумба, требовала радости, но лицо стягивала нервная задумчивость. Очевидно, что ни пробирки, ни детектив сегодня его не интересовали.

— Эдик, ты не болен?

— Не высыпаюсь.

— Все мы не высыпаемся. Помрем и там отоспимся, — успокоил я.

— Сергей, я и на том свете не высплюсь.

— Это почему же?

— В гробу надо лежать вытянувшись, а я привык спать калачиком.

Не утратил он все-таки чувство юмора. Ну, пошутил и пошутил. Но нервная задумчивость смахнула с его лица всякое веселье. Я попробовал оживить настроение приятеля делами повседневными:

— Эдик, как работа?

— Хожу.

— Как учеба?

— Да никак.

— Ты ведь машину купил, — прибег я к самому популярному мужскому стимулу.

— Стоит.

— Эдик, что-то я не врубаюсь в ситуацию...

— Я и сам не врубаюсь. Мне мешает какая-то внутренняя дрожь. Какая-то пульсация души,

которая стучит в ритме сердца.

— К врачу обращался?

— Все в норме.

Когда человек чего-то хочет, то это нужное ему и подворачивается. Нежданно-негаданно и не с того бывает редко. Всегда на пути появляется то, чего ожидаешь. Чего же ждал Эдик? Он и сам не знал, поэтому и стал ко мне захаживать. Можно было сказать, жди, и оно сбудется. Но это слишком неопределенно. Нужно конкретно и осторожно:

— Эдик, может быть, тебя мучает чувство вины?

— Да, местами бывает стыдно.

— Стыд и вина — не одно и то же.

— Какая разница...

— В тюрьме полно сидит преступников, которые стыдятся того, что натворили. Но виновными себя не считают.

— Стыд, вина... Не все ли равно?

— Нет, стыд легко проходит. Кого стыдиться заключенному, если он среди себе подобных? А вина глубоко сидит в человеке. А знаешь, почему? Вина, в отличие от стыда, требует раскаяния.

С какой стати я читаю ему нотации? Может, человек нарочно пришел, чтобы покаяться? Эта догадка толкнула к другому ряду умозаключе-

ний...

С чего я взял, что та мистическая и карающая сила проявляется только в активной форме, когда ее жертва должна непременно кого-то выбросить из машины, сжечь дачу, потерять жену, попасть в больницу с огнестрелом или вообще погибнуть? Ей, этой мистической каре, под силу заставить человека страдать нравственно до физических корчей.

— Чудится мне всякое, — сообщил Эдик.

— Например?

— Якобы каждый вечер на лестничной площадке сидит голубь черного цвета...

— Прогнал бы...

— В комнатах что-то скрипит. Все осмотрел — ничего...

— У тебя слишком большая квартира.

— Сергей, а музыка? Глухая, плохо уловимая. Будто бы стены сами поют. Это же необъяснимо.

— А когда у тебя был ремонт?

— Как из экспедиции вернулся. Одну комнату оштукатурили, оклеили...

— Эдик, если рабочий орудовал тонким мастерком, а в комнате звучала громкая музыка, то мастерок мог оставить микрорельеф на стене, как запись на фонограмме.

— Это слишком заумно.

— Но случалось, что звукосниматель записывал звук с глины или с краски на полотне.

Похоже, слушал он меня рассеянно, как навязанного лектора. Эдик прислушивался к себе или к той пульсации души, которая билась в ритме сердца. Мне хотелось ошарашить его каким-нибудь приземленным вопросом:

— Эдик, а на чем у тебя держатся брюки?

— На подтяжках, — даже не удивился он.

— Надо пользоваться ремнем.

— Почему?

— Человек без пояса доступен нечистой силе. Раньше так и говорили: человек без креста и без пояса.

Видимо, мои слова о ремне до него все же дошли. Он их обдумывал, глядя на меня в ожидании продолжения. Не дождавшись, продолжил сам:

— Сергей, включаю компьютер, а на экране — птичья голова. Сколько раз заставку менял — опять появляется.

— Какой птицы-то? — спросил я, не сочинив вопроса поразумней.

— Черного голубя, того, который на лестничной площадке сидит по ночам...

Под дверью зашуршало. Я знал, что начали

подходить вызванные свидетели. Сейчас постучат. Эдик догадался, что я жду людей. Он встал. Провожая его до двери, я чуть ли не приказал:

— Приходи ко мне в среду.

— В среду я иду к врачу.

— Какому?

— Невропатологу.

— Тебе нужен психоаналитик.

— Серега, моя Серафима пропала.

Глава 4

Пропавшими занимался Девятый отдел Управления уголовного розыска ГУВД. Я связался с ними, и ребята обещали мне ускорить поиск Эдиковой Серафимы.

Все свободное и несвободное время я теперь думал об Эдике. У него очень высокая степень самовнушения, отсюда глубочайшая депрессия и какой-нибудь невроз в придачу. Ему нужен врач, в котором бы сочетался психотерапевт, психолог и психиатр.

Я вспомнил, как одному студенту юрфака после осмотра места убийства приснился ночью труп, который душил его. Допустим, подобные сны нередко посещают людей впечатлительных, но

утром на шее студента отчетливо проступили следы пальцев в виде мелких кровоподтеков. Стигматы? Неужели Эдика так сильно мучает чувство вины? Или переживает исчезновнение Серафимы? Или узнал о гибели Петра?

В кабинет вошел... Нуда, Эдик. С одним небольшим уточнением: вошедший был не так рыж, как желт; и ростом пониже на голову, и очков не имел... Короче, в кабинет вошел Леденцов, оперуполномоченный уголовного розыска, старший лейтенант. Везло мне на рыжих.

— Боря, собираешь какие-нибудь статданные?

— Нет, направлен тебе в помощь.

— Кем направлен?

— Полковником, начальником РУВД.

— Помощь в чем? — спросил я конкретнее.

— В деле о хищении трупов.

Мне прокурор рекомендовал информацию о хищении тел не разглашать, а сам, похоже, обговорил вопрос с начальником РУВД. И правильно сделал, потому что без оперативной разработки не обойтись. Кстати, не обойтись и без возбуждения уголовного дела. Без него ни допросить процессуально, ни арестовать, ни обыскать квартиру...

— Боря, версии есть?

— Версии не деньги, всегда есть. Трупы нужны для органов.

— Версия модненькая, — возразил я не словами, а, скорее, тоном.

— Популярная, — уточнил Леденцов.

— Боря, для пересадки органов нужно сначала сделать массу анализов. А насколько я понял из материалов проверки, тела пропадали без разбора.

— Но только молодые, — еще раз уточнил опер.

С Леденцовым мне работать легко: оба боремся с преступностью, оба холостяки и оба не любим милицейские сериалы. При невысоком росте и крепком телосложении Борис походил на бочонок, наполненный золотистым вином. Не знаю, какого цвета у него глаза, но от золотисто-желтых, как луковая шелуха, волос его взгляд казался тоже рыжеватым.

— А твои версии? — спросил он.

— Секта для каких-нибудь ритуальных обрядов, тайная лаборатория для опытов, мясной корм для животных.... Пока не знаю. Боря, когда мы составим план и приступим?

— Я уже приступил.

— В смысле?

— Привез тебе работника морга. Так сказать, очевидца.

— Где он?

— В коридоре. Сейчас приглашу, а сам отбуду в райотдел.

Морг — слово мрачное, поэтому работники морга видятся людьми суровыми и страшноватыми. Но вошедший пожилой мужчина был даже франтоват: в белой рубашке и при галстуке. Сам кратко представился:

— Иноземцев Федор Иванович.

Сейчас я не допрашивал, а только брал объяснение. Вообще — то у меня начали появляться полезные приемы допроса, например, начинать разговор хотя бы с погоды, но тема украденных покойников меня уже захватила:

— Федор Иванович, чем вы заняты в морге?

— Ключ от покойницкой храню. Я числюсь комендантом. Работа на подхвате.

— Покойников не боитесь?

— Бояться надо живых. А труп — это то, что осталось от человека.

— От тела, — поправил я зряшно.

— Вот и говорю, от человека...

— От личности остается больше, чем труп, — уж совсем ни к чему сообщил я.

Опасаюсь я двух видов свидетелей: молчаливых, которые замкнуты, как стальные сейфы; и болтливых, которые извергают фразы наподобие водопадного каскада. Я резко перешел к делу:

— Федор Иванович, объясните, как из покойницкой мог исчезнуть труп.

— Вынесли.

— Как могли вынести, если металлическая дверь на замке?

— Я дал ключ.

Чем проще спросишь, тем яснее ответят. Почему-то я сразу отверг предположение, что он сделал это за деньги — слишком честно лицо и праведен взгляд. Будь тут замешаны деньги, мне бы было проще разобраться.

— Почему вы дали ключ?

— Я и в прошлом месяце тоже давал.

— И тоже без всяких документов?

— Видно же, что лица официальные, при исполнении, в комбинезонах...

— Федор Иванович, каким официальным лицам могут в два часа ночи потребоваться трупы из морга?

— Мало ли... Например, ОМОНу.

— Зачем ОМОНу трупы?

— Например, отрабатывать удары дубинка-

ми, — предположил он без шуток.

— Федор Иванович, вы их запомнили?

— В полумраке...

— На чем они приехали?

— Микроавтобус белого цвета. «Фольксваген».

— Труп упаковали?

— По общему правилу, в гроб.

— Они приехали со своим гробом? — удивился я.

— Само собой.

Нет, не само собой. Я пока не знал, какой оттенок этой истории придал гроб. Уж не забирают ли трупы для похорон? Кто? Родственники? Почему таинственно и ночью? Чтобы не платить санитарам? Неужели все-таки на органы?

— Что известно об этом трупе? — спросил я.

— Документов на него не было, заявлений от родственников не поступало, тело не опознано, привезено с дорожно-транспортного происшествия.

— А предыдущий труп?

— Бомж.

На лице коменданта прочитывалось сомнение, будто сказанному он и сам не очень-то верил. Ему нужен был психологический толчок. Я неожиданно спросил неприятно-грубым голосом:

— Темните, Федор Иванович?

— Эти ночные ребята сказали, что в понедельник еще приедут... А сбоку на машине у них птица нарисована.

Глава 5

Я тут же позвонил Леденцову. Он обрадовался, увидев в этой истории оперативную цель. Я пока еще ничего не увидел, потому что наши с ним цели слегка разнятся: ему надо поймать, а мне разобраться в сути. Например, есть ли состав преступления и как его квалифицировать.

— Сергей, заметано.

— Что заметано?

— Сяду!

— В каком смысле сядешь?

— Или лягу, — уточнил опер.

— Боря, сяду... Лягу... Говори яснее.

— Само собой, в морге. Это называется засадой.

Мы договорились встретиться в понедельник утром после этой самой засады. Но почему-то именно в понедельник возникает множество мелких и непроцессуальных забот, которых в телесериалах не покажешь и в газетах не опишешь: требовалось срочно взять у экспертов

акт вскрытия, а курьер прокуратуры заболел; пришлось ехать самому. Нужно было опять-таки срочно доставить в суд вещественные доказательства — пару плотно набитых неудобных коробок, а машина прокуратуры в простое по техническим причинам. Пришлось самому везти на трамвайчике.

Вызванная повесткой старушка, важная свидетельница, явилась ко мне пьяной в хлам. Что делать? Не отправлять же бабушку в вытрезвитель?

А еще меня одолевали жалобщики, бродившие по коридору прокуратуры с разнообразными вопросами. Охрана и девочки из канцелярии направляли их ко мне, видимо, как к самому молодому, и поэтому отзывчивому. А я не мог отказать в беседе пожилому человеку, что бы он ни спрашивал. Вот и приходилось объяснять, почему лекарства мы завозим из-за рубежа; почему не арестовываем проституток; почему теперь разрешается материться; правда ли, что владельцам дорогих «лексусов» разрешается давить пенсионеров?..

Под конец этого бестолкового дня в мой кабинет вкатилось красно солнышко — не вкатилось, а вошло; и не красно, а, скорее, желто солнышко

— явился Леденцов. Он подтвердил информацию коменданта: ровно в два часа ночи подъехал белый микроавтобус, два человека прошли в покойницкую, взяли труп, загрузили в машину и уехали. Леденцов не рискнул все-таки прятаться в морге и наблюдал все это из кустиков, где, по словам Леденцова, была могильная тьма. Он уточнил извиняющимся тоном:

— Лиц не рассмотрел, номер машины — тем более.

— А что рассмотрел-то?

— Сбоку у них нарисована такая зверушка, черным с золотом.

— Эффектно. Дальше...

— В машине стоял гроб, куда и уложили тело. И умчались.

— А ты что?

— На своем драндулете за ними.

Я понимал, почему он не сделал попытки задержать их непосредственно в морге: хотел разведать, куда увозят тела. По его рассказу выходило, что труп не выбирали, а схватили первый попавшийся. Или других там не было? Видимо, какой-то информацией они все же располагали — морг был при небольшой больничке, и покойницкая частенько пустовала, Откуда же они

узнали, что в понедельник труп обязательно будет? Уж не сами ли они эти трупы и творили, разумеется, из живых?

— Дальше, Боря, дальше...

— Стараюсь держаться от них на расстоянии, благо темновато. Миновали улицу Цветочную, Самаркандскую, Водоканал, улицу Мирную...

— Ну?

— Старосельскую, Демократический проезд и выскочили на Южное шоссе. Жилмассив кончился. Уже пригород. Рощица... Впереди только хлебозавод. Неужели, думаю, туда?

— Хлебозаводу трупы не нужны, не сосиски делают, — мудро вставил я.

— И они умчались по Южному шоссе, а я отстал.

— Куда умчались-то?

— Скорее всего, завернули в лес, потому что впереди ни жилья, ни кладбища...

Выходило, что тело они выбросили в лесу... Не хоронили же? Мы с опером обменялись версиями. Я предположил, что таким образом родственники избегали похорон, которые влетали в копеечку. Леденцов решил, что в лесу работает какая-то тайная ферма или лаборатория. Тогда я допустил, что лаборатория разбирает трупы на органы в

целях трансплантации; или до клеточек, модных нынче стволовых, в целях косметологии. Леденцов пошел еще дальше, заявив, что в лесу орудуют пришельцы из соседней галактики, и в лесу трупы перегружают в НЛО.

Почему мы прикалывались? Потому что глупо тратить время и силы на похитителей трупов, когда тысячи живых нуждались в охране и защите. Да и дела никто пока не возбуждал...

Леденцов поехал в РУВД еще раз просмотреть сводки происшествий. Я же отправился домой. Психологи утверждают, что к вечеру человек глупеет. По-моему, это относится только к сознанию. Подсознание же работает круглосуточно. Я ужинал, смотрел новости, читал газету, мок под душем... А оно, подсознание, ворочалось...

В полночь я позвонил Леденцову домой, не надеясь его застать. Но он только что пришел:

— Боря, говоришь, что Южное шоссе никуда не ведет?

— Да, до хлебозавода идет нормальная дорога, а дольше — через лесок, и превращается в проселок с ямами и ухабами.

— А дальше этот проселок куда идет?

— Ну, может быть, теряется где-то в области...

— Боря, эта дорога упирается в аэропорт!

Глава 6

Утром я подошел к делу с другой стороны, с бумажной, что ли. Начал изучать способы поступления мертвых тел в морги. И столкнулся с неуместной в этих деликатных обстоятельствах расхлябанностью: учет приблизительный, оформление бумаг путаное, ответственных лиц не найти...

Наш труп, который увезли куда-то за хлебозавод, оказался без всяких документов. Кто он такой был, откуда?.. Зато я узнал, как далеко зашло социальное расслоение общества: оказывается, уже и покойники есть элитарные.

Около трех часов я задумался — надо ли идти на обед? В экспедициях мы ели два раза в день, утром и вечером. После рабочего дня сперва выпивал две кружки чаю, потом съедал две миски супа и две миски каши с тушенкой. И мой желудок не роптал. Здесь же, в городе, где первое-второе-третье, меня одолевали изжоги. Видимо, нервишки. Или от кофе.

Мои глубокие размышления прервал телефонный звонок. Голосом Леденцова трубка спросила с некоторой ехидцей:

— Сергей, обедал?

— Еще не успел.

— У тебя ведь язва желудка?

— Пока просто гастрит.

— Сергей, тебе не всякое мясо можно есть.

— Жирное нельзя, — торопливо бросил я.

— Не всякого животного, — уточнил опер.

— Боря, ты к чему это клонишь?

— К делу о пропаже трупов.

Видимо, он улыбался. Мне бы тоже следовало хохотнуть, но я начал злиться:

— Какая связь между трупами и моим обедом?

— Сергей, тебе нельзя есть свинину, говядину и жирную птицу.

Мне захотелось бросить трубку. Но, насколько я знал старшего лейтенанта, напрасных разговоров он не затевал. Поэтому я спросил нетерпеливо:

— А какое же мясо мне можно?

— Медвежатину.

— А не мамонтятину?

— Сергей, предлагаю угоститься котлетами из медведя.

— Боря, не глотнул ли ты пивка?

Мой вопрос его задел, потому что в рабочее время пивко не допускалось. Голос Леденцова загустел, отчего стало ясно, что он уже не улы-

бается.

— Сергей, за лесочком есть поворот на пансионат «Зорька». Для семейного отдыха.

В сделанную им паузу я догадливо спросил:

— Думаешь, труп туда отвезли?

— Не знаю, но там в клетке жил медведь по имени Топтыгин. Ребятишек веселил. Теперь не веселит.

— Сдох, что ли?

— Администрация пансионата его застрелила и пустила на котлеты.

Я не любитель кроссвордов. Нельзя усложнять то, что можно выразить просто. Обычно Леденцов говорил кратко и четко. Похоже, в этот раз информация упрощению не поддавалась. Я решил помочь:

— Боря, наверное, хочешь узнать, есть ли состав преступления в убийстве медведя?

— Нет, я хочу объяснить, почему его убили.

— Ты сказал — ради котлет?

— Сергей, дело в том, что из-за финансовых проблем кормить медведя было нечем, а его кормили кашей и мясом.

— Хочешь сказать... — начал я смекать.

— Да, могли кормить мертвечиной.

Я поежился. Не от брезгливости, а от неверо-

ятности версии. Следственная практика уже приучила меня к тому, что жизнь выбирает дороги попроще. Мы с Леденцовым поговорили бы об этом и поспорили. Но в кабинет влетела секретарша Тонечка:

— Сергей Георгиевич, вы ведь сегодня дежурите? На стройке несчастный случай!

Я поехал, хотя следователь прокуратуры выезжает не на несчастные случаи, а на тяжкие криминальные происшествия. Пожары, взрывы, убийства... Поднаторевшая в определении информации Антонина, видимо, определила, что это происшествие — без очевидного криминала, коли несчастный случай. Не любил я этих дел. Не потому, что они неинтересны — ни любовных историй, ни замысловатых покушений, ни тайных мотивов. И не потому, что расследование частенько ничем не кончалось. Не было виновных. Все упиралось в бесхозяйственность и неорганизованность. Вина как бы размазывалась по начальникам, заместителям, приказам и самим рабочим.

Труп лежал под краном, с которого крановщик и упал. Ни крови, ни распоротой одежды. Сильный ветер шевелил его волосы: казалось, что человек прилег отдохнуть. Я подошел к группе

людей, которые ждали следователя и спрятались от ветра за фургоном строителей: участковый, судмедэксперт, понятые и, видимо, рабочие со стройки.

— Какие повреждения? — спросил я у судмедэксперта.

— Похоже на перелом основания черепа.

— Начнем осмотр, — предложил я и вышел из-за фургона.

Мне показалось, что башенный кран отъехал со своего места, потому что ветер раскачивал стрелу. Нет, не потому мне показалось...

Трупа не было.

Мы обступили то место, где он раньше лежал. После молчаливого недоумения я с иронической усмешкой спросил у судмедэксперта:

— Труп-то ушел?

— С переломом основания черепа не уходят.

— Тогда где же он?

Понятая решила нам помочь:

— Тут машина проезжала.

— Какая машина? — насторожился я, потому что труповозку еще никто не вызывал.

— Вроде маршрутки, белого цвета... А на борту кошечка выведена.

Глава 7

Старший лейтенант Леденцов развернул оперативную работу. Мне оставалось только ждать ее результатов.

Я привык к тому, что уголовные дела забирают все свободное время, но не мог примириться с тем, что они не оставляют простора для спокойных размышлений. Поэтому некоторые раздумья я отодвигал, а вернее, задвигал как бы в кладовую памяти, где они и пребывали до востребования. Так было и с заботой об Эдике. Я позванивал ему, в ответ он мычал что-то туманное. По тембру этого мыка я определил, что его настроение улучшилось.

Вскоре и он сам возник в моем кабинетике, как огненный факел. Вместо приветствия он спросил обидчиво:

— Почему не сказал, что Петр умер?

Мне следовало бы ответить, что тогда я должен был сказать, как умер, почему, и что беда, в порядке очереди, крадется к нему, а Эдика и так все это время глодала совесть, и мне не хотелось усугублять. В прокуратуре о чувстве вины, точнее, о его силе, ходили истории... Например, неосторожный

убийца отсидел срок, вышел и женился на вдове своей жертвы, взяв ее с тремя детьми — так его мучила совесть. Мне в эту историю не очень-то верилось: какая совесть? Теперь недвижимость вместо нее.

Оглядев мой компьютер, Эдик спросил:

— В Интернете сидишь?

— Главным образом, сижу на допросах в следственном изоляторе.

— У нас в конторе была некая Зинка. С компьютером срослась, как с сиамским близнецом. Чатилась на сайтах знакомств.

— И что?

— Недавно родила.

— Эдик, твоя Серафима нашлась? — попробовал я догадаться об истоках его бодрости.

— Нет, но я побывал у Нонны.

— У психоаналитика? — вспомнил я свой совет.

— Лучше, она ведунья.

— Что за специальность?

— Сергей, неужели ты не слышал о ведунье Нонне? — удивился он.

— Краем уха, — выдумал я.

— Ее весь город знает, к ней за помощью и милиция обращается...

— Старушка?

— Женщина в расцвете эмоций. Незаметная, как наночастица, и энергичная, как электрон.

Я не представлял ни малости наночастицы, ни скорости электрона, но уловил в его голосе внезапную нежность. Зато я узнал имя новой ворожеи.

— Эдик, она колдует, что ли?

— Она — прорицательница, которая обладает уникальным биополем.

— И этим биополем отыщет твою Серафиму?

— Отыщет и вернет.

— И ты веришь?

Мой вопрос Эдика возмутил так, что его очки скособочились. Еще бы, город чтит эту Нонну, а я говорю о ней пренебрежительно. Стадное чувство не остановишь и не перешибешь. Меня удивило другое: человек, который только что рассуждал об Интернете, теперь с почтением судит о гадалке. Но Эдику очень хотелось, чтобы в эту Нонну я поверил.

— Сергей, между прочим, она уже раз нашла пропавшего человека, чего не смог уголовный розыск. Она же сразу определила, жив ли он и где находится.

— Впервые слышу о таком эпизоде.

— Из квартиры пожилой женщины изгнала не то дьявола, не то домового.

Я хохотнул. Эдик удивился:

— Сергей, неужели ты не слышал о полтергейсте?

— Слышал, но не знал, что дьявол, полтергейст и домовой — одно и то же.

Эдик слегка насупился. Я раздражал его своим неверием, как и он раздражал меня сейчас своей наивностью. Эдика я считал личностью, а личность — вне стада. Впрочем, одевался он всегда по моде, как все. Сейчас ему очень хотелось меня убедить:

— Сергей, муж оставил жену. Та обратилась к Нонне, которая этого мужа вернула жене за одну неделю.

— Ага, приворожила, — весело согласился я.

— Сергей, садоводство «Клубника плюс» маялось без воды. Копали, бурили — сухо. Нонна прошлась по участкам и указала место, где надо копать. Вода появилась уже на двухметровой глубине.

Ничего удивительного: лозоходцы отыскивают и воду, и полезные ископаемые. Но ведунья Нонна лозой, наверное, не пользовалась. Я не сомневался, что она мошенница, и вспомнил,

как один гениальный французский мошенник продал на металлолом Эйфелеву башню.

Лицо Эдика пересекла неожиданная тень. Он даже на время снял очки, будто они застили ему мир. Очки он потом надел, но забота на лице осталась. Говоря проще, он замялся:

— Сергей, просьба есть...

Он протянул мне бумажный листок. Я не понял:

— Что это?

— Адреса всех перечисленных мною случаев. Нельзя ли на всякий случай проверить, действительно ли она ясновидящая?

Вот так поворот — на триста шестьдесят градусов, после хвалебных-то речей...

— Эдик, как же я проверю? Я — следователь, а не опер.

— Поручи уголовному розыску.

— Я могу что-то поручить только в рамках уголовного дела, а не просто так. Это же не частное сыскное бюро.

Переход от радостной надежды к унылой просьбе был мне непонятен. Если она такая классная, взялась ему помочь, и он ей верит... Видимо, все дело в оплате: нынче классные специалисты дерут не стесняясь.

— Эдик, тебе нужны деньги?

— Зачем?

— Расплатиться с твоей ведуньей за колдовство.

— Сергей, она хочет получить плату не рублями.

— А в какой валюте? Доллары, евро?..

— Сергей, не угадаешь, потому что денежный эквивалент тут ни при чем.

И то: неужели за инферно брать евро? Да что с Эдика можно взять? Он не бизнесмен, не банкир, в мэрии не служит... Впрочем, купил неплохую машину, но на это ушли все деньги, заработанные в экспедициях.

— Эдик, она хочет, чтобы ты расплатился автомобилем?

— Нет.

— Квартирой?

— Тоже нет.

— Тогда чем же?

— Телом.

— Не уловил, — признался я.

— Хочет, чтобы я провел с ней несколько ночей. Интимных...

Глава 8

Эдик ушел, оставив меня в смутном состоянии. Вроде бы ничего предосудительного: тысячи людей посещают гадалок. Журналы и газеты полны рекламы о прорицательницах и ясновидящих. Государственные деятели имеют личных оракулов. Почему же визит Эдика обернулся для меня заботой?

Тревожило то, что он решился прийти с просьбой. А к кому же, если не в приятелю? Скорее всего, меня озаботило другое: похоже, что Эдик в эту Нонну влюбился. А психологи утверждают, что влюбленный — это невменяемый. Как бы он не натворил глупостей. Имело смысл глянуть на эту ведунью. Этому способствовала и мыслишка: если и правда она ясновидящая, то не подскажет ли, кто ворует трупы и для чего.

Ее адрес Эдик вписал в тот проверочный список, который всучил мне. После работы я туда поехал: спальный район, блочный дом, однокомнатная квартира на первом этаже. Заурядность. И дверь мне открыла личность явно заурядная. То ли из-за тусклого освещения, то ли из-за моей близорукости, но лицо человека, открывшего мне

дверь, казалось расплывчатым. Он, привыкший к посетителям, молча и сноровисто провел меня в комнату...

Тот же размытый полумрак... Только здесь он казался гуще, чем в передней, потому что окна были занавешены плотными темными шторами, и только в одном оставалась маленькая щелочка, откуда целенаправленно падал луч дневного света — на стол, за которым сидела женщина. Впрочем, светлеть могло и от большой золотистой иконы, висевшей над головой хозяйки.

— Здравствуйте, — поздоровался я с подкатившей робостью.

— Садитесь, — велела она так, будто знала, что меня привело сюда.

— Нонна Глебовна, говорят, что вы при помощи потусторонней силы...

— Какой силы? — перебила она.

— Магической.

— Какой магии? — потребовала ведунья уточнить.

— Разумеется, белой, — не мог же я назвать ее способности колдовством.

— Нет, не белой, — сказала она.

— Неужели черной?

Я спохватился: вел себя не как проситель.

Сказывалась привычка к допросам. Сейчас она вытурит меня. Но ведунья улыбнулась и растолковала терпеливо:

— Между белой и черной магией есть магия серая. Я прибегаю к ее силе. А вообще-то мне достаточно моего биополя.

Я уже почувствовал его. Это выражалось в том, что под взглядом ведуньи мне стало как-то не по себе. Большие черные глаза... Впрочем, глаза нормальные, но у них очень крупные белки; да она их заметно выкатывала, а потом надолго прикрывала веками, которые мерцали в полутьме. Намазала она их, что ли, тенями-хамелеонами?

— Нонна Глебовна, мне нужна помощь, — перестал я ходить вокруг да около.

— Какая?

— Не знаю, в ваших ли это силах, — замялся все-таки я.

Она взяла с края стола не то альбом, не то папку, и придвинула ко мне. Я ее раскрыл: это было что-то вроде книги отзывов:

«Спасибо Нонне Глебовне за помощь в щекотливом деле...» «Нонна Глебовна, благодаря вам моя семья сохранилась...» «Без вашей помощи болтаться бы мне сейчас в петле...» «Нонночка, дорогая моя, живи долго на радость людям...»

Дальше я читать не стал — с полсотни хвалебных страниц.

Ведунья наблюдала за моей реакцией, застыв темным изваянием. На ней было что-то вроде накидки из черной блескучей кожи и лента в волосах из такой же кожи. Видимо, и брюки из нее же, да и лифчик. В ее одеянии я обнаружил какой-то шарм: хотя бы в противоречивости цветовых сочетаний — всего черного с ярко-пунцовыми губами.

Неожиданно и не к месту во мне взыграл юмор. Я знал причину: скрытое противоречие сознания и подсознания. Если первое считает, что занято серьезной проблемой, то второе полагает эту проблему чепухой.

— Нонна Глебовна, вам, конечно, известна моя просьба?

— Разве вы ее озвучили?

— А разве вы не можете ее определить силой вашего биополя?

Это уже походило на проверку ее способностей. Я ждал реакции, если не раздраженной, то все же явно негативной. Но ведунья ответила покладисто:

— Ваша цель связана с поиском.

Это угадать просто, если большинство ее кли-

ентов искали людей, имущество, воду...

— Нонна Глебовна, но с поиском чего?

— Не денег...

— Разумеется.

— Ищете не драгоценности...

— Конечно, не их.

— Ищете не имущество...

— Меня не обокрали.

— Ищете нематериальный предмет...

Тут она ошиблась, потому что труп — предмет материальный. Поскольку все материальное она вроде бы перечислила, то я спросил:

— Хотите сказать, что ищу человека?

— Да, — еще раз ошиблась ведунья.

Захотелось тут же ее уличить. Что-то меня удержало, видимо, все то же подсознание. И правильно сделало, потому что ведунья вздохнула огорченно:

— Вы ищете человека, но не живого.

— А какого же? — промямлил я.

— В виде трупа.

Мой гастрит будто дождался команды: в желудке зажгло, как после чашки кофе натощак. Была моя очередь говорить, но я молчал вроде отключенного телефона. Ведунья же зажатой улыбкой сдерживала торжество. Наконец, я выдал неук-

люжую фразу:

— Нонна Глебовна, вы меня поразили...

— Я не все сказала. Вы ищете не один труп, а три.

— Теперь все сказали? — глуповато спросил я.

— Нет, не все. Ищете три трупа и еще не знаете, что будет четвертый.

Усмехнуться и уйти? Но ее томно-ползущий голос уже томно вполз в мое подсознание. Оставалось поверить в четвертый труп уже хотя бы потому, что про три она угадала. Как?

Передо мной сидела натуральная колдунья: тонкий нос трепетал, словно она принюхивалась; трепетала и лента в волосах. Губы сложились в алый бутончик — красивая женщина, плюс колдовские чары — против такой силы Эдик устоять не мог. Да она и сейчас кокетничала...

Мне стало не по себе. Я подумал, что с ней надо расплачиваться. Не заставит ли она своим приворотом расплачиваться так же, как заставляла Эдика? Я глянул поверх ее головы на икону:

— Нонна Глебовна, вы считаете, что Бог есть?

— Считаю. За миллионы лет время совершило много чудес: создало Вселенную, человека, цветы... Почему не допустить, что оно создало и Бога?

— И дьявола, — добавил я, вставая. — Нонна Глебовна, сколько я вам должен?

— Сергей Георгиевич, неужели вы допускаете, что я возьму плату со следователя прокуратуры?

Глава 9

Визит к Нонне Глебовне выбил меня из колеи. Я знал, что не успокоюсь, пока не решу эту криминальную шараду.

Как она узнала мое имя и мою должность? Как узнала про три трупа? Как узнала, что будет похищен и четвертый? Как мне узнать, где он будет похищен и когда?

Был путь официальный: вызвать ее в прокуратуру, предупредить об уголовной ответственности за дачу ложных показаний и допросить. Не было пути официального, потому что не было уголовного дела. Прокурор района мог взять у нее объяснение, но этим только спугнешь, не получив никакой полезной информации. От загадочности ситуации в голову лезли сумасшедшие мысли: при ее колдовских способностях ей ничего не стоит обернуться птицей и заклевать Эдика.

Всякую мистическую казуистику я считал ин-

формационно-психологическим явлением. Все люди получают непрерывный поток информации. Одни ее даже не замечают, у других она задерживается в сознании, у третьих оседает в подсознании, образуя интуицию. Всякие экстрасенсы, ясновидящие, пророки и колдуны — это люди, умеющие сознательно и бессознательно использовать накопленную информацию.

Но все мои соображения постоянно натыкались на трезвый вопрос: а откуда Нонна Глебовна ее черпала, информацию-то? Эдику про трупы я ничего не говорил. Да о них, кроме меня, знал лишь прокурор района да опер Леденцов. Секретари канцелярии умели молчать. Ну а сведения о четвертом трупе она могла получить только от нечистого.

Одной торопливой встречи с ведуньей было недостаточно. Я не могу успокоиться, пока ее не раскушу или пока не удостоверюсь, что она — настоящая колдунья. Я надумал проверить те ее чудеса, о которых мне говорил Эдик. Проверить лично, потому что больше некому — Леденцов занят на оперативной работе.

Я отметился в журнале, что якобы убыл на весь день в архив суда. Быстрее не обернуться: четыре адреса. Брать машину для такого мероприятия я

постеснялся.

Начал с квартиры, где орудовал не то полтергейст, не то домовой. Дверь оказалась незапертой. Я спросил хозяйку:

— Клавдия Степановна, почему дверь нараспашку? Вот дьяволенок и заскочил.

— Ангел небось не залетит, — обидчиво парировала она.

Ей было на вид лет семьдесят. Маленькая, возможно, еще ниже, чем казалась, потому что седые всклокоченные волосы росту прибавляли. Старушка полюбопытствовала:

— Вы из газеты?

— Из прокуратуры.

— Оттуда еще не приходили.

— А откуда приходили?

— Комиссии, ученые, журналисты...

— Чего хотели?

— Ищут дьявола.

— Вот и я пришел поискать.

— Даже иностранцы побывали, — вспомнила она.

— Клавдия Семеновна, вы же сами подали жалобу о невозможности проживания в квартире.

— А гляньте!

Я глянул: ваза на столике опрокинута, в сер-

ванте осколки какой-то посуды, на полу обрывки газет, подоконник засыпан землей из разбитого цветочного горшка... Хозяйка горестно развела руками, как бы призывая ужаснуться. Поскольку я оставался спокоен, она подвела меня к стене:

— Видите?

На высоте метра от пола обои были испещрены тонкими кривыми бороздками:

— Что это? — не понял я.

— Дьявол когти точил.

— Вы его видели?

— Черта увидеть нельзя, но я слышала треск обоев.

Выходило, что Нонна Глебовна всех обманула — беса не изгнала. И мне стало легче, поскольку мистика развеивалась. Все-таки следовало уточнить:

— Клавдия Семеновна, а ведунья Нонна у вас была?

— Как же, посетила.

— Помогла?

— Чем может помочь эта форсистая дамочка? Велела Тишку выгнать.

— Какого Тишку?

Хозяйка подвела меня к дивану и показала: на нем развалился, как на солнышке, пузатый кот с

исцарапанной мордой...

Я ушел с мыслями обидными: только дурак тратит время на чепуху. Это я о себе. Не могу отличить правду от очевидного вранья. И вспомнился чей-то замечательный афоризм: «Если истина многогранна, то ложь многолика». Именно ложь ведуньи были многоликой. С колодцем-то обмануть невозможно?

До садоводства «Клубника плюс» ходил пригородный автобус. Через сорок минут я уже ступил в царство цветов и запахов варенья — клубника уже поспела. Шел я по зеленой улице и удивлялся, что такое чудо природы находится в сорока минутах езды от города.

Люди копошились на своих участках. Я подошел к зеленой стене сахалинской гречихи, которая была вместо изгороди и шелестела, как старая бумага. Где-то за ней слышался женский голос. Я обратился к нему сквозь гречиху:

— Не подскажете, где тут у вас колодец?

— Идите прямо и уткнетесь.

— Далеко?

— Отсюда метров двести. Только воды в нем нет.

— Надо было чистить, — дал я хозяйственный совет.

Колодец я нашел просто. Бетонное кольцо было прикрыто плотно сколоченной деревянной крышкой. Выглядел колодец одиноко и безжизненно. Ни людей с ведрами, ни ворота, ни мокрой земли вокруг... Я подошел и сдвинул крышку: глубина метра три-четыре, на дне ни головастиков, ни лягушек. Сухо и жарко, как в протопленной печи.

— Тут воды не было и быть не может, — сказал подошедший дядька.

— Почему?

— Кембрийская глина.

— Но ведь была?

— Никогда.

Он окинул взглядом мой недачный прикид, портфель канцелярского вида и улыбнулся самодовольно:

— Я знал, что нагрянет комиссия.

— Откуда ж знали? — мне было выгодно заделаться членом комиссии.

— Как не знать, если этот колодец мы с Сашкой рыли.

— До воды дорылись?

— Какая вода! Глина пересохла до каменного вида.

Мое сознание окаменело, как эта самая кем-

брийская глина. Как же так? Эдик показывал журнал со статьей о ведунье, нашедшей воду для садоводов. Я задал главный вопрос:

— Кто вас нанимал рыть?

— Командовала дамочка солидной наружности.

— Вы упомянули комиссию?..

— Да, была, из одних ученых и журналистов. Приняли работу. Даже воду замеряли.

— Воды же не было!

— Дамочка взмолилась: мол, ребята, выручайте — сделайте воду. Дам хорошие бабки. Ну, мы и сделали.

— Копнули глубже?

Он запнулся, видимо, решая, можно ли откровенничать с посторонним человеком. Победило желание похвастать своей значимостью:

— Ночью подогнали пару цистерн с водой и в яму плюхнули. Неделю она стояла, правда, сильно мутная. Комиссия была довольна, дамочке руку пожимала...

Покидать запахи варенья и краски цветов мне не хотелось, но в автобус я сел довольный. Странно устроен человек... Мне бы, как следователю, огорчиться фактом мошенничества. Я же успокоился, потому что мое материалисти-

ческое сознание поколебать не удалось. А что бы я делал, окажись Нонна Глебовна в самом деле колдуньей? Впрочем, оставалась загадка с трупами. Я отправился проверять третий пункт моего списка, когда она приворотом вернула мужа в семью...

Дверь открыл низкорослый человек лет тридцати. И не открыл, а приоткрыл. Я спросил:

— Вы Игорь Матвеев?

— Допустим.

— Значит, я к вам.

Придавленная с той стороны дверь не шелохнулась. Пришлось доставать удостоверение. Он впустил меня, сильно удивившись:

— Не знал, что следователь прокуратуры ходит по квартирам, как участковый врач.

— Я не по уголовному делу.

— А по какому?

— Собираю материал по криминальной психологии, — пришлось мне сочинить.

Он провел меня в комнату, выпроводив из нее женщину и девочку, видимо, жену и дочку. Я сел на диван, испытывая смущение — вторгся в семью по пустяшному поводу, — и заторопился:

— Гражданин Матвеев, у вас с женой когда-то была размолвка...

— И вчера была.

— Я про ту, когда вы покинули семью, а жена обратилась за помощью к ведунье Нонне.

— А-а, глупая история. Видели, у меня не рост, а росточек. Сперва ведунья предложила увеличить его на пять сантиметров. Я отказался. Тогда выяснилось, зачем она пришла — хотела, чтобы я на неделю вернулся к жене. Якобы от этого зависит ее престиж...

— Вернулись?

— Пожалел, она чуть не плакала.

— Зачем ей это было нужно?

— Для журналистов. Якобы она вернула блудного мужа в семью напряжением своего биополя.

— Ну а жена что?

— Ей за молчание Нонна отвалила приличную сумму.

Я впал в размышлизмы. Виртуозные способности ведуньи направить бы по рациональному пути. В милицию, для которой она якобы отыскала пропавшего, я решил не ходить — не позориться.

— Гражданин Матвеев, все-таки польза от ее биополя есть?

— Какая?

— Семья не распалась, вы при жене...

— Это уже другая жена.

Глава 10

Меня раздражала не ведунья. Что с нее взять — мошенница. Злили журналисты, падкие на сенсации. Нонна Глебовна для них — что добыча для грифов-падальщиков. Гадость опишут, глупости добавят. Вел я как-то расследование убийства на бытовой почве: алкаш спьяну пырнул ножом жену. Журналист взял у него интервью и все, что тот наплел, выдал в газете — без консультации со следователем, с адвокатом. Выходило, что алкаш действовал в состоянии необходимой обороны: жена замахнулась на него тарелкой, а он ее, значит, ножом.

Секретарша Тонечка приоткрыла дверь и бросила мне, само собой, торопливо:

— Сергей Георгиевич, к прокурору.

Неужели прознал, что я день болтался по городу? Или новое дельце, или отчет по срокам расследования, или выезд на происшествие? Тут не угадаешь...

Виталий Аркадьевич, как всегда, в мундире старшего советника юстиции, выглядел генералом. И, как всегда, начал разговор не с того, зачем вызывал, а с темы посторонней:

— Сергей Георгиевич, как вы относитесь к понятию «доброта»?

— Предпочитаю понятие «гуманизм».

— Классик сказал, что не красота мир спасет, как принято считать, а доброта. Согласны вы?

— Мир спасет не красота и не доброта, а разумность.

Прокурор мне нравился тем, что не только заботился об уголовных делах, но и размышлял о них. Я не привечал тех, что был зациклен только на своем деле, но все же к чему посреди рабочего дня заводить разговор о доброте? Но он продолжил:

— Доброта... Раньше звери кушали людей, а теперь люди едят зверей. В пансионате «Зорька» администрация съела медведя, любимца детей.

Вот к чему разговор о доброте. Не хочет ли прокурор возбудить уголовное дело, а расследование поручить мне? Я тут же начал придумывать отговорки. Но он неожиданно спросил:

— Как дела с трупаками?

— Разбираемся, Виталий Аркадьевич...

— В приемной сидит женщина, ее надо опросить.

Я сопроводил ее в свой кабинетик. Она дисциплинированно выложила передо мной паспорт, хотя я не просил: Елена Александровна, пятиде-

сяти семи лет, пенсионерка. Я спросил:

— Вас пригласили в прокуратуру по телефону?

— Нет.

— Повесткой?

— Тоже нет.

Я спрашивал, потому что уголовного дела о негуманном отношении к медведю еще не возбудили.

— Елена Александровна, неужели вас доставили на машине с мигалкой?

— Я сама приехала на автобусе.

Понятно. О том, что медведя больше нет, писали многие газеты. Возмущались, протестовали, клеймили, требовали наказать виновных... Видимо, Елена Александровна была из сотрудников пансионата и не стала дожидаться вызова.

— Медведь вкусный был? — спросил я мстительно.

Ее голова, до этого момента поникшая, вскинулась тяжело. Она смотрела на меня так, будто я только что влетел в форточку. И сказала каким-то малозвучно-абстрактным голосом:

— Не понимаю вас...

Мы помолчали обоюдно. Первой заговорил она:

— Я пришла с жалобой.

— На что жалуетесь?

— У меня сын умер...

— Извините, Елена Александровна, я кое-что перепутал.

Прокурор ввел меня в заблуждение разговором о добре и зле, о съеденном медведе. Объяснять это посетительнице ни к чему, извиняться вроде бы глупо, поэтому все свое сожаление я вложил в голос, спросив чуть ли не елейно:

— Что случилось с сыном?

— Умер от инфаркта в двадцать восемь лет...

— У вас, наверное, трудности с похоронами?

— Никаких трудностей: сына-то нет.

— Нуда, умер...

— Нет как такового.

Ее лицо вспотело до влажного блеска, и я не сразу догадался, что оно таким стало от постоянных слез. Но я не понимал эту женщину, что выразил молчанием. Она спохватилась:

— Сейчас объясню. Андрей умер ночью. После врача я вызвала труповозку. Сказали, что придет часа через два. Сидеть одной страшно. Моя квартира на первом этаже, и я поднялась к соседке этажом выше. На двери оставила записку, где я. Часа через полтора — стучат. Приехала труповозка. Я спустилась, открыла дверь, санитары

вошли... А тела Андрея нет.

— Вот и четвертый труп, — буркнул я.

Глава 11

Выходило, что Елена Александровна пережила два удара: смерть сына и пропажу его тела. Первый удар был жесток, но понятен, а второй лежал где-то за гранью разумного. Чем я мог помочь? Как ни парадоксально это звучит, но только возвращением тела.

Прокурор говорил о доброте... Какая доброта, если уже трупы воруют? Я считал, что идет заметная психопатизация населения. Психопатизация от слова «психопат».

Я напрягал сознание, пытаясь найти зацепку. И, как тасует карточный игрок карты, вновь и вновь перебирал версии. Допустим, существует тайный банк органов. Или трупы берет какая-нибудь больница. Или ученые для опытов. Может, для создания каких-то косметических снадобий. Или фармакологи для приготовления лекарств. Или для извлечения стволовых клеток.

Но ни одно из предположений не тянуло на версию хотя бы потому, что я не был ни медиком, ни биологом. Нельзя исключать и науку, которая

из-за своей непознаваемости стала походить на мистику. Проводится какой-нибудь запредельный эксперимент. Известно, что какие-то ученые занимаются квантовой телепортацией: мгновенным переносом биообъектов на любые расстояния.

В кабинет вкатилось желтое солнышко, то есть вошел старший лейтенант Борис Леденцов. Воздух заметно посветлел. Или пожелтел от его бледно-рыжей шевелюры. Я спросил:

— Чему улыбаешься?

— Ваша секретарша Тонечка отвесила мне комплемент.

— Наверное, по поводу цвета волос?

— Нет, обозвала ментом.

— То есть оскорбила?

— Сергей, отнюдь. Менто, ментос, тело ментала — значит «мыслящий», «одухотворенный».

Но я понял, что радостный настрой у него не от общения с юной Тоней, поэтому спросил:

— Боря, у тебя есть свежая версия?

— Опера любят не версии, а факты, — уклонился он от прямого ответа.

— Боря, остается прибегнуть к интуиции.

— Говоришь так, будто ее можно вызвонить по мобильному.

Именно, так. Я пришел к выводу, что интуицией обладают все люди, только не каждый к ней прислушивается. Леденцов интуицию называл «нюхом», да и к версиям относился свысока. Я укорил его:

— Ты вообще психологию не уважаешь. А вот описан уникальный случай... Трехлетний малыш безошибочно назвал имя человека, который совершил преступление, когда этот малыш даже еще не родился.

— Мистика, а не психология.

— Врачи утверждают, что ребенок мог слышать имя, находясь в утробе матери.

Разминка кончилась. Пора было переходить к делу. Я представил, как сейчас смахну с лица опера его желто-рыжее благодушие:

— Боря, похищен еще один труп, уже четвертый.

Леденцов неожиданно хохотнул. Я удивился.

— Ты чего?

— Сергей, не умеешь считать — труп уже пятый.

— Почему пятый?

— Потому что из морга больницы на белом автомобиле увезен еще один покойник.

— Ну а служба морга?

— В суматохе подумали, что тело повезли отпевать.

Пятый труп Нонна Глебовна не предсказывала. Надо возбуждать уголовное дело и подключать других оперов, потому что одному Леденцову не справиться. Словно уловив мои сомнения, он добавил:

— Кто-то из медработников услышал оброненную похитителями фразу: «За него уплачено...» За кого, за труп? И кому? Значит, есть люди или организация, которые торгуют покойниками? И организация не мелкая, если имеет свой транспорт и рабочих.

Увидев, что я заметно посмурнел, Леденцов взялся меня приободрить:

— Сергей, я не сказал тебе главного.

— Что, неужели шестой труп?

— Нет. Я установил, что покойников возят в аэропорт.

— Боря, об этом и я догадался без всякой оперативной работы.

— А дальше, по-твоему, что?

— Отправляют.

— Само собой, а вот куда?

— В какой-нибудь город.

— Нет, в Германию, — почти торжественно

объявил Леденцов.

— Кто отправляет?

— Завтра подниму документацию и узнаю. Если только отправители не подставные лица.

Мне будто сделали укол бодрости. Найти отправителя — считай, сделать полдела. Останется только разобраться. Но меня задело другое. Из России вывозят лес, нефть, газ, другое сырье... Деньгами и комфортом прельщают ученых. Девиц заманивают замуж и в дома терпимости. Но чтобы трупы вывозить....

— Боря, у меня свежая версия, которая может осложнить дело.

— Какая?

— А что, если наши покойники еще при жизни за евро завещали свои тела для научных исследований?

Глава 12

Я знал, что теперь Леденцов вцепится в аэропорт собачьей хваткой. Мне оставалось только ждать и заниматься другими делами. Есть поговорка, что ждать и догонять хуже всего. Смотря чего ждать и кого догонять.

Не все народные мудрости мне по душе. Мы-

слишку «Хочешь жить — умей вертеться» наверняка сочинил ловкий прохиндей. «Широко шагаешь — штаны порвешь» — неужели лучше семенить? «Любопытной Варваре на базаре нос оторвали» — на любопытстве держатся наука и прогресс. «Попал в стаю — лай не лай, а хвостом виляй» — беги из этой стаи. «Забудешь стыд и будешь сыт» — не только сыт, но и купишь иномарку. «Беззаконным закон не писан» — нравственный закон писан для всех...

Но я ждал. Как говорится, пока ждал, все жданки съел.

В любую минуту мог вызвать прокурор и сухим голосом осведомиться, есть ли новая информация о хищении трупов. Она могла поступить только от Леденцова. Я поглядывал на телефон, а мое подсознание желало видеть его перед собой с бодрым докладом. Есть продвинутые ученые, которые утверждают, что вызвать к себе человека можно силой мысли. Я вызвал. Правда, хотел увидеть мужчину невысокого, желтоволосого, а в кабинет вошел высокий и красноволосый.

Эдик вошел.

— Привет, сыщик, — поздоровался он.

— Рыжий да красный — человек опасный, — отозвался я.

Эдик опустился на стул с какой-то придавленной тяжестью. Я хотел было порасспрашивать его о жизни, но он опередил меня вопросом:

— Сергей, в чем, по-твоему, подлость счастья?

— По-моему, подлость со счастьем несовместимы.

— Еще как совместимы. Подлость счастья в том, что когда ты счастлив, то этого не знаешь.

— Расшифруй.

— Сергей, когда я делал расчистки и копал шурфы... Почему не знал, что тогда я был счастлив?

— Хочешь сказать, что теперь ты несчастлив?

— Пропал смысл жизни.

— Куда же он делся?

— Сергей, какой может быть смысл у жизни, если она состоит из мелких бессмыслиц?

От Эдика шел легкий дух не то свежей древесины, не то ароматного лака для волос. Видимо, какой-то модный парфюм. Заметив, что я принюхиваюсь, он признался:

— Выпил по дороге сто пятьдесят коньячку.

— С какой радости?

— У меня депрессивное состояние.

Я считал, что с этим состоянием он покончил. Молодой, здоровый, работает, учится, отменная квартира, автомобиль — и заявляет, что жизнь

состоит из мелких бессмыслиц? Но я забыл про любовь. От него же ушла жена.

— Эдик, Серафима не вернулась?

— Какая Серафима?

— Твоя жена.

— Ах, та... Звонила, но розы завяли.

— Какие розы?

— Когда-то я подарил ей целый рюкзак роз, так и нес по улице за плечами.

Червь сомнения... Вернее, червю сомнения надоело пребывать в пунктирном виде, и он как бы переполз на яркий свет сознания. Неужели депрессия и отставка Серафимы — все из-за ведуньи? Червей надо давить, поэтому я спросил прямо:

— Эдик, с Нонной связь продолжаешь?

— Да.

И я рассказал, как она якобы изгнала из квартиры полтергейст, как налила в пустой колодец воду, как якобы приворожила мужа... О предсказанных трупах я умолчал, надо еще разобраться с аэропортом. Мне показалось, что мои слова он в одно ухо впускает, а в другое выпускает: да нет, и в одно ухо не впускает. Я разозлился:

— Эдик, как ты не понимаешь, что она мошенница!

— А как ты не понимаешь, что я люблю ее?

Да, любят и мошенниц. Но если влюблен, то откуда депрессия? Не походил он на влюбленного: на лице нет радости, какая-то озабоченность, коньяк пьет с утра:

— Эдик, у меня впечатление, что тебя гнетет подспудная забота.

Он согласился, не раздумывая:

— Да не одна.

— Например?

— Как взять в банке кредит...

— Зачем тебе деньги? — удивился я.

— Переоборудовать квартиру.

— Подо что?

— Под кабинет парапсихологии, где Нонна станет принимать граждан.

— Пусть свою переоборудует.

— Сергей, свою «хрущевку» она продала.

— А где жить будет?

— У меня, я уже прописал ее.

— Что же ты не посоветовался? — спросил я, превозмогая изжогу, огнем запылавшую в желудке.

Мне следовало обдумать ситуацию. Я был уверен, что требовались какие-то срочные меры. Эдик взлохматил шевелюру: красные волосы

легли полосами, как языки пламени, словно на голове возгорелся костер. По стеклам его очков бегали алые блики. Не коснулись ли они стекол и моих очков?

Эдик заторопился. Все-таки я успел спросить:

— И как тебе с Нонной живется?

— Нормально, только попугай надоел.

— Какой попугай?

— Нонна принесла. Болтливая птица.

— И что говорит?

— На каком-то иностранном языке.

Изжога взыграла до легкой тошноты. Сдавленным голосом я почти приказал:

— Эдик, отпусти попугая на свободу.

— Пробовал, не улетает.

— Выгони!

— Тоже пытался: клюется, гад.

Глава 13

Работа следователя шума не любит. Большая часть времени уходит на допросы, а они нуждаются в тишине. Но есть очные ставки, когда один человек, в сущности, обвиняет другого. На следующий день после визита Эдика я был только ими и занят — с девяти утра и до семи вечера. Видимо,

я не умею проводить очные ставки, у меня они походили на скандалы.

В семь вечера я остался в кабинете один и расслабленно смотрел на стены. Казалось, скандальные голоса свидетелей прилипли к ним и готовы были ожить снова. Или голоса звучали в моей голове? Значит, пора домой. Но зазвонил телефон. Нет, не пора...

Торопливые слова Леденцова прямо-таки сыпались из трубки:

— Сергей, если хочешь размяться, то выходи на проспект и стой на обочине. Я преследую белый микроавтобус.

— Мне не успеть...

— Мы ползем из-за пробок. Выходи...

Почему бы не размяться и не вытрясти из ушей скандальные крики? Я схватил портфель — следователь без портфеля, что опер без пистолета — и выскочил на проспект.

Видимо, пробки были плотными, я простоял минут двадцать, пока не подкатил Леденцов. Он лишь слегка притормозил, дав мне возможность плюхнуться на сиденье. И тут же спросил:

— Видишь?

— Да, впереди белый автомобиль.

— А номер?

— Заляпан грязью.

— Именно, — довольно констатировал опер. — А на правом борту — животная.

Мы не отставали и ехали молча. Я из-за своей близорукости нашу цель часто терял из виду, но зоркий Леденцов ее не упускал. В такой автомобильной гуще можно было не таиться. Когда же проспект кончился и стал пригородным шоссе, я не утерпел:

— Боря, а куда едем?

— Сейчас узнаем, — бормотнул он.

Мы достигли развилки. Белый автомобиль свернул на правое ответвление, ведущее к аэропорту. Куда же он мог еще ехать, как не туда? Значит, в автобусе гроб с трупом. Леденцов начал вертеть баранку так, что «жигуленок» взбесился, кидаясь из стороны в сторону. Сперва я подумал, что опер хочет протаранить белый автомобиль, но когда Леденцов нарушил дорожные правила и выехал на встречку, его замысел приоткрылся — он хотел на ходу заглянуть в окно автобуса. Я тоже воззрился...

Окошки были не зашторены и не тонированы. Два человека сидели впереди. И все: ни гроба, ни трупа в салоне не было. Зачем же они ехали в аэропорт? Ничего не оставалось делать, как

следить дальше. В аэропорту мы встали у входа в центральный зал, где суетились пассажиры. Белый же микроавтобус проследовал на обширную территорию этого крупного лётного предприятия. Склады, таможенная служба, ангары, техническая обслуга, мастерские, заправки... Леденцов все здесь хорошо знал. Он вылез из машины:

— Сергей, ты посиди, а я пойду гляну.

Что загадочного в том, что автобус пришел сюда пустым? Видимо, сложились какие-то хозяйственные отношения. Получатель трупов мог расплачиваться каким-нибудь дефицитным товаром...

Через сорок минут автобус выехал с территории аэропорта и прошмыгнул рядом, выезжая на дорогу. В следующий момент Леденцов впрыгнул в «жигуленок», врубил двигатель и ринулся вдогонку. Похоже, что гонка продолжится. Я не утерпел:

— Боря, они по-прежнему пустые?

— Нет, загрузились длинным узким ящиком.

— Труп?

— В самолетах трупы возят в цинковых гробах, а этот похож на пластмассовый.

— С чего ты взял, что он с самолета?

— Сергей, логика: туда трупы и оттуда они же.

— В порядке обмена? — усмехнулся я.

— Смотря что в трупах. Если наркотики...

В чем только их не прятали: в собственных желудках, в живых собачках, в телах умерших родственников... Но здесь эта версия не проходила. Получалось, что их вывозят как тару под наркотики? Невероятно до глупости или глупо до невероятности.

— Сергей, а если их остановить да обыскать? — предложил опер.

— Сейчас важнее проследить, куда они едут. Там и обыщем.

Автомобильное движение стало пожиже. Теперь, чтобы не засветиться, Леденцов держался на расстоянии. Заглядывать в автобус нужды не было.

Похоже, автобус в город не стремился, выбирая окольные пригородные дороги. Через полчаса езды стало ясно, куда он стремится — к новому коттеджному поселку, застроенному импозантными особняками. И выбрал самый крупный, похожий на кирпичного бегемота. Ему тут же открыли ворота. Мы остались в легких кустиках, откуда территория особняка хорошо просматривалась сквозь прихотливую металлическую ограду. Автобус подъехал, видимо, к гаражу, тоже

кирпичному и тоже походившему на бегемота, только поменьше. Я только сейчас смог как следует рассмотреть автомобиль. Действительно, на правом боку белого «Фольксвагена» поблескивал изящный рисунок какой-то мифической твари, не то кошки, не то птицы. Из автобуса вышли двое в комбинезонах, вытащили из задних дверей продолговатый ящик, занесли его в гараж, сели в машину и умчались — только железные ворота клацнули. Как в убыстренной киносъемке.

Леденцов дернулся, намереваясь ринуться в погоню, но я его удержал. Мы вышли из машины и направились к воротам. Дорогу преградил мордатый охранник, заявив, что не пустит, кто бы мы ни были, — хозяин приказал. Борис объяснил ему, что перед ним опер уголовного розыска и следователь прокуратуры, подкрепив слова удостоверением.

— Мне плевать, — отрезал парень.

— Тогда, извини, пройдем без твоего разрешения.

— А я применю силу. У меня черный пояс...

— А у меня на поясе пистолет, — поделился Леденцов.

Охранник задумался и достал мобильник. Мы прошли.

Гараж был не заперт. Борис мгновенно отыскал выключатель и врубил свет. Длинный, в рост невысокого человека, ящик был желто-костяного цвета и заперт на какой-то механизм. Леденцов схватил с верстака железку, поддел крышку и рванул так, что она отскочила, словно была на пружинах...

В ящике вытянулось окровавленное тело женщины: ее вытаращенные глаза смотрели прямо на нас...

Глава 14

Не знаю, сколько секунд мы бы цепенели, не раздайся голос, похожий на стук колотушки:

— Руки за спину!

Высокий мужчина навел на нас пистолет. Рядом с ним стоял мордатый охранник тоже с каким-то оружием.

— Сперва разуй глаза, — огрызнулся Леденцов.

Я достал удостоверение и спросил тоже строго:

— А вы кто?

Мужчина убрал пистолет и представился:

— Курятников Марат Александрович, хозяин этого дома и владелец фирмы «Имидж».

Если про Курятникова я ничего не слышал, то

фирма «Имидж» была у всех на слуху и на виду — о ней говорили по телевизору и в газетах. Но когда есть труп, то следователю не до фирм.

— Боря, вызывай следственную бригаду.

— Не торопитесь, — попросил Курятников голосом, в котором уже не было колотушечного стука.

— Как не торопиться, если у вас труп в ящике.

— В ящике моя жена.

— Убили ее?

— Посмотрите внимательнее...

Теперь, когда погоня завершилась успехом, мое внимание перешло как бы на иной уровень — с макро на микро. Я увидел, что женский труп без одежды и какой-то непонятный... Мышцы рельефны и обнажены, ребра можно пересчитать, ключицы выпирают, лицо смахивает на маску, кровь не красная, а светло-бурая, распределена равномерно по телу. Труп блестит, словно обтянут целлофановой пленкой.

— Кукла? — догадался я.

— Нет, моя жена, — повторил Курятников.

— Манекен, что ли? — предположил Леденцов.

— Нет, но пройдемте в дом. Я вам все объясню.

С места происшествия отлучаться и оставлять труп не принято, но не было происшествия, да и

трупа не было. Мы вошли в дом, в котором можно было заблудиться. Хозяин целеустремленно провел нас в комнату таких размеров, что можно было назвать ее залом, зеленым залом...

— Ее комната. Она любила зеленый цвет, поэтому стены я обил искусственной кожей под крокодила.

Диваны, кресла, пуфики, портьеры — все зеленого цвета; даже ковер под ногами зеленел, как скошенная лужайка. Но в нише пылало: изогнутая кровать красного дерева, покрытая ярко-бордовым покрывалом. Хозяин объяснил:

— Кровать «Мэрилин», изготовленная по форме и цвету губ Мэрилин Монро.

— Гламуру навалом, — усмехнулся опер.

— Зачем нам видеть ее комнату? — спросил я у Курятникова.

— Хочу, чтобы вы поняли мой поступок...

Вопрос о ее комнате я готов был забрать обратно, потому что в моем сознании слово «поступок» соотнеслось с трупом в гараже. Значит, поступок все же был. Марат Александрович продолжил с уже заметным вдохновением:

— Луиза была невысокой, но ее короткие ножки были необычайно стройными. Когда она выходила из ванны, то мне хотелось слизывать капли

воды с ее плеч. У Луизы были милые привычки — отпивать из моего бокала, затевать любовные игры после секса...

Меня удивляло несоответствие его внешности и той чепухи, которую он нес. Высокий крепкий мужчина в белых брюках и белой майке, выскобленная до блеска голова с вертолетно оттопыренными ушами... Плотное, я бы назвал, самовлюбленное, тело... Взгляд тоже плотный, колотушечный. Короче, предприниматель.

— Луизу я любил самозабвенно. На день ее рождения подарил яхту.

— Пустячок, — вставил слово Леденцов.

— В вашем тоне осуждение, но я энергичен, креативен и потому состоятелен.

— Я тоже энергичен и креативен, но не состоятелен, — не мог опер промолчать.

— Молодой человек, в Евангелии сказано: «Ибо кто имеет, тому дано...»

То ли от злости, то ли от цвета комнаты, желтые волосы Леденцова слегка позеленели и стали походить на лежалый сыр. Опасаясь, что опер начнет критиковать Священное Писание, я спросил:

— Так, купили яхту... Дальше, но покороче.

— С яхты все и началось. На ней Луиза застала

меня с женщиной. Устроила позорный скандал...

— И вы ее убили? — ускорил я рассказ Курятникова.

— Нет, от обиды Луиза отравилась. Это обстоятельство милиция проверяла.

— Что дальше?

— Представляете себе мое состояние? Я спрятался от людей и общался лишь с курцхааром.

— Это японец?

— Это порода моей собаки.

— Надо было пообщаться с дворнягой, — не утерпел Леденцов.

Почти в каждом преступлении есть какие-то тайны. Но следователь ищет тайну главную, от которой зависят как оценка личности обвиняемого, так и квалификация содеянного. До главной тайны приходится идти сквозь загадки другие, чаще всего несущественные.

Аэропорт, ящик, белый микроавтобус, собака курцхаар... Если Луиза отравилась, то почему привезена из аэропорта и лежит в гараже?

Леденцов сердито замкнулся. Ничего не говорил и я. Молчание стало прямо-таки угрожающим. Курятников его нарушил:

— У меня фирма «Имидж». В ней работают врачи, косметологи, визажисты, массажисты,

тренеры и стилисты... Кого только нет... Что мы делаем? Любую женщину превращаем в красавицу, в сущности, даем женщине новую жизнь. И тогда я возроптал: чужих женщин возрождаю, а Луизу не могу?

— Вы же не колдун, — осторожно посочувствовал я.

— Меня душила вина. И я нашел колдовскую фирму, которая скупала трупы и отправляла за рубеж.

Ослышался? Но Леденцов тоже дернулся, будто сбросил зеленое наваждение. Я молчал, потому что вопросы у меня в голове сгрудились, не давая выхода друг другу. Понятно, что Курятникову хотелось искупить свою вину в память о Луизе, но зачем продавать ее труп?

— Кому нужен за рубежом такой товар? — наконец спросил я, не допуская мысли, что он продал Луизу на органы.

— Господа, в Германии, в Гейдельберге, есть Институт пластикации. Мертвое тело обезжиривается, и все жидкости в нем заменяются на специальный силикон. Мышцы, кости, соединительная ткань, внутренние органы остаются как настоящие. Так, человек как бы остается самим собой на долгие годы.

— И для чего? — спросил я.

— В познавательных целях, для обозрения.

— Кому же охота это обозревать?

— Не скажите... На выставке «Мир тел» желающих были толпы.

Вот и тайне конец: Марат Александрович Курятников из умершей жены сделал мумию. Нет, не конец: надо разобраться с фирмой, торгующей трупами. Леденцов наконец-то дождался очереди со своим оперативным вопросом:

— Адрес колдовской фирмы?

— Я общался с каким-то мужчиной только по телефону. Даже с двумя молодцами из автобуса не разговаривал. Деньги переводил через банк.

Леденцов записал телефон фирмы и к следующему дню велел Курятникову приготовить все похоронные документы. В моей же голове бродил чисто юридический вопрос: можно ли распоряжаться телом усопшего без его предварительного согласия? Но вырвался другой вопрос:

— И где будете хранить Луизу?

— В алькове, — спокойно ответил Курятников, показав жестом на кровать «Мэрилин».

— Не по-христиански, Марат Александрович.

— А сжигать, а оставлять гнить в земле — по-христиански?..

Когда мы уже направились к выходу, Леденцов его спросил с вежливой улыбкой:

— А не боитесь?

— Чего?

— Что Луиза ночью придет к вам в постель?

Глава 15

Слово «мошенник», как правило, вызывает образ мелкого жулика. Банковских и промышленных воровских деятелей жуликами не зовут — тут иной масштаб, иная терминология. Например, захватчиков предприятий красиво именуют «рейдерами», но я о другом мошеннике.

По стране разъезжал оборотень: то он генерал ФСБ, то депутат Государственной думы, то крупный чиновник, то банкир. Завладевал деньгами, недвижимостью, акциями... Ареал его распространения — более двадцати городов. Оборотня задержали. Теперь требовалось разобраться, как он химичил, то есть надо расследовать. Была организована межведомственная бригада, куда попал и я.

Как снег на голову... Утром пришел на работу, к обеду сдал все дела, ночью выехал. Мне достались три города, три пытки: поезда, гостиницы,

допросы, очные ставки, экспертизы — и опять поезда и гостиницы. От сухомятки и нервотрепки разыгрался мой гастрит и, судя по зеркалу, я сильно похудел. Одно утешение: ко мне был прикомандирован Леденцов, который иногда вместо кофе подсовывал мне суп...

Вернулись мы через три месяца. Есть у меня два любимых дерева — береза да клен. Березу люблю за тот щемящий сердце дух, которым она обволакивает себя после первого весеннего дождя. Но весну я прозевал, да и лето заканчивалось. Оставался клен, листья которого влекли к себе красками — от ярко-оранжевых до бледно-лимонных.

Первому я позвонил Эдику. Его телефон не отзывался. Еще дважды за день набирал номер и каждый раз натыкался на ответное глухое молчание. Тогда я решил к нему съездить, пока не загрузился срочными делами...

У Эдика я был лишь однажды, но его дом нашел легко. И тем более квартиру, большие старинные окна которой в бельэтаже смотрелись витриной. Смутила незнакомая деталь. Рядом с парадной дверью скромно висела стеклянная табличка со словами «Турагентство «Грифон». Название модненькое, но для турагентства несуразное.

Грифоны — фантастические существа, что-то вроде лошади с крыльями? Птицы?

Тревожное чувство возникло без всякого повода. Неужели только потому, что грифоны с крыльями? Именно: все птицы, от коршуна до цапли казались мне подозрительными. Я прошагал дальше до двери квартиры Эдика, над которой еще одна табличка уведомляла, что именно здесь и находится турагентство. Ни звонка, ни окошечка... Я толкнул дверь и вошел....

Что-то вроде приемной. Холеная безвозрастная секретарша вежливо осведомилась, чем может мне помочь. Я сказал, что может: хочу видеть директора агентства. Наверное, мой тон и вид — в очках и с портфелем — произвел на нее впечатление. Она предложила мне сесть и удалилась в соседнее помещение — видимо, директорский кабинет.

В моей голове, как ядовитые змеи, клубились вопросы. Спрошу-ка я Эдика, с чего он бросил работу и учебу и полез в бизнесмены? Неужели делать деньги интересней, чем заниматься наукой? С какой радости он свою прекрасную квартиру перепланировал в офис? И непременно дам совет переименовать турагентство из просто «Грифона» в «Рыжий грифон».

Из двери, куда скрылась секретарь, появилась женщина. Нет, не женщина, а дама. Точнее, мадам. Голосом, сладковато-тягучим, как сироп, она сказала:

— Добрый день, Сергей Георгиевич.

— Здравствуйте, Нонна Глебовна.

Мне вспомнилось, что ведунья уговаривала Эдика сделать из этой квартиры салон для магических сеансов. Видимо, добилась.

— Сколько мы с вами не виделись? — спросила она раздумчиво.

— Месяца четыре, — прикинул я.

— Много чего упущено.

— Нонна Глебовна, хотите сказать, что время — деньги?

— Время дороже денег. Деньги можно заработать, а время не заработаешь. Я ведь старею.

Она нарывалась на комплемент. Все-таки женщина, хоть и мошенница. И выглядела неплохо: статная фигура в черных брюках и белом вязаном пончо, заколотом крупной брошью. Портили ее глаза, которые в молодости наверняка были красивы: крупные, черные, слегка навыкате. С годами они как бы выкатились не слегка, отчего Нонна Глебовна стала походить на глубоководное ракообразное существо.

— Сергей Георгиевич, все боретесь с преступностью?

— Борюсь.

— Вы наивный человек, полагающий, что миром правит справедливость.

— Нет, теперь я думаю, что миром правит информация.

— Ошибаетесь, миром правит секс. Знаете, куда я сейчас еду? Ассоциация менеджеров проводит круглый стол на тему «Сексуальность и бизнес».

— Какая же связь?

— Прямая. Несвободный сексуальный инстинкт порождает у менеджера диктаторский стиль руководства. И наоборот, сексуальная раскрепощенность способствует демократическому стилю.

Обсудить эту тему было бы интересно, тем более что вопросы поставлены круче, чем у Фрейда. Я удивился собственной болтливости: пришел к другу, а провожу время с никчемной мошенницей.

— Нонна Глебовна, а что же Эдик не выходит?

— Вы разве не знаете?

— О чем?

Она протянула мне листок бумаги, который я взял, одновременно спросив:

— Что это?

— Название кладбища и номер могилы.

— Чьей могилы?

— Эдика... Он погиб в автомобильной катастрофе.

Я вышел из парадного, разглядывая листок с несуразной информацией — кладбище, могила... Прямо около меня затормозил автомобиль, блеснув мне в очки золотым значком, нарисованным на белой раздвижной двери. Не птичка, не кошка, не неведома зверушка, а лев с крыльями. Грифон....

Глава 16

Я не расспросил ее о подробностях, не выслушал, не стал обсуждать случившееся, потому что не поверил. Потому что — мошенница. Я ее повадки уже изучил. Наверняка устроила какую-нибудь мистификацию, которую легко проверить.

До кладбища я взял такси. Какой-то похоронный деятель взялся показать могилу. Мы шли меж крестов и обелисков, спотыкаясь на каждом шагу. Работник объяснил это не сумерками, а плохой организацией кладбищенского дела.

Урны администрация не ставит, проходы не чистит, родственники за могилами не ухаживают. Я слушал вполуха. За могилой Эдика ухаживать и не нужно, потому что таковой могилы нет и быть не может.

Ошибка той самой администрации, которая не чистит дорожки и не ставил урны.

— Вот она, — сказал работник кладбища.

Металлический крест, вделанный в бетонную плиту, на которой чернели буквы «Морозов Эдуард Иванович». И я укрепился в своих сомнениях, поскольку все походило на чудовищную ошибку. Мало ли у нас в стране Морозовых Эдуардов Ивановичей? Ведунья надумала поиграть на моих нервах.

Кладбищенский служитель включил фонарик и осветил надгробие. К металлическому кресту была пришпилена фотография усопшего...

Эдик! Он...

Мои ноги дрогнули, но сесть было некуда. Показалось, что сумерки загустели до черноты — или стекла очков так вспотели? Запахло какой-то едкой травой и сделалось трудно дышать... Убедившись, что я тут останусь, работник ушел вместе с фонариком. Травяной запах стал пронзительней. Я опустился на землю между двух

могил...

Молодой крепкий парень, который запросто кувыркал двухсотлитровые железные бочки с бензином... Который задень мог вырыть трехметровый шурф в глинистом сланце... Который в сорокаградусную жару ломом зачищал дайки... Который переплывал трехкилометровое озеро... Мертв?

Понятие «смерть» мне всегда казалось неоднозначным. Она может быть невероятной, трагической и даже гордой. Но мы не умираем — нас закапывают гнить... А может, зря я переживаю? Покойник — это человек, которому стало покойно и потому хорошо...

Мое левое плечо ощутило легкий вес, будто на него села маленькая птичка. Не к добру... Я передернул плечами, смахивая ее. Он не только не улетела, а набрала вес, став тяжелее. Не птичка, а большая цепкая птица. Меня тут же будто окатило ледяной водой: не птичка, не птица, а пальцы человека. Я сжался, боясь шевельнуться. Пальцы давили неживой костлявой силой. Ни людей рядом, ни оружия. Если это покойник, то какое может быть оружие? Надо было что-то сделать, не помирать же здесь от страха?

Я обернулся. На моем плече лежала чужая рука,

протянутая с соседней заросшей могилы. Вслед за рукой из травы выполз человек. Я немного успокоился, потому что для покойника он был слишком велик и плотен. И вспомнил, что оружие у меня есть: тяжелый портфель, в котором лежали две бутылки кефира. Звездану им, и если это покойник, то он рассыплется в прах.

— Серега, — хрипло сказал покойник.

— Допустим.

— Не узнаешь?

— Ничего не видно, — пришлось мне сослаться на темноту.

— Это я, Эдик.

— Эдик в могиле, — буркнул я.

— Серега, пойдем на свет.

Похоже, что дикая ситуация отключила мою волю. Я подчинился. Мы прошли к кладбищенским воротам, где были скамейки и уже горели фонари.

О боже... Он, Эдик. Рост и очки наверняка его. А все остальное как бы принесено со свалки: облезлая куртка невыразимого цвета, на ногах какие-то боты, вместо брюк тренировочные штаны, висевшие на нем, как на клоуне. Не брит и не мыт... Огненно-рыжая шевелюра была не огненной и не рыжей — патлы цвета мокрой глины.

— Теперь узнаешь меня? — Эдик попробовал усмехнуться.

— Но в чем дело?

— Сергей, я заделался бомжом.

Увиденное и услышанное отключило мою соображалку. Эдик понял, что я молчу от глухого непонимания, и добавил информации:

— Нонна гиперсексуальна. Занималась сексом всегда и везде.

— Быть сексуальным теперь модно, вот быть умным...

— Но она меня изнуряла.

— И ты сбежал в бомжи?

— Про секс — к слову. Я хотел сказать, что ты, Сергей, прав: Нонна — талантливая мошенница. А попугая я все-таки, по твоему совету, выгнал.

Ничего не понять. Изнурительный секс, талантливая мошенница, попугай, могила, из которой вылез Эдик... Все ли у него в порядке с психикой? Не дождавшись от меня наводящих вопросов, он заговорил обстоятельно:

— Нонна предложила съездить на шашлыки. Уселись в мою машину: я, Нонна и ее помощник. Ты был в салоне магии, видел его — невзрачная молчаливая личность для разных поручений.

Я за рулем, она сзади. Раннее утро, машин мало,

дорога сухая... Ну, я разогнался. И вдруг передо мной... завеса. Какая, по-твоему?

— Дерево упало?

— Нет.

— Человек, что ли, прыгнул на капот?

— Нет, не угадал: на капот села птица.

— Какая птица? — спросил я, борясь с подступающей догадкой.

— Попугай, которого я выгнал.

— Неужели ты его так сразу и узнал?

— Может быть, и другая птица. Крупная, черная, клюв раскрыт, крылья раскинуты... И распласталась на ветровом стекле, загородив весь обзор. Я руль вправо-влево, чтобы ее скинуть, а она — как прилипла. Машина соскочила в кювет и врезалась в березу. Меня без сознания доставили в больницу, у Нонны ни царапины, а ее помощник скончался на месте. Вот и все, Сергей.

Неужели все? Мне казалось, что только с этого момента главное и начинается. Почему жестоко пострадали двое крепких мужчин, а у слабой женщины ни царапины? Моя фантазия подсказала: потому что Нонна Глебовна и есть та самая черная птица. Здравый смысл фантазию окоротил, но здравый смысл не мог, например, объяснить, откуда взялась могила Эдика. Я потребовал:

— Ну а дальше?

— Вышел из больницы: ни квартиры, ни документов. Готовый бомжара.

— Ничего не понимаю...

— Нету меня как личности. Моя личность — в могиле.

Я всегда отделял реальность от мистики. С первой надо разбираться, второй — пренебрегать, как пророчеством гадалки. Но в рассказанной истории мистика и реальность были круто перемешаны.

— Эдик, значит, могила пустая?

— Нет, там похоронен ее помощник.

— Как же так? — только и нашелся я.

— Элементарно. До приезда врачей и милиции Нонна отправила меня с частником в больницу. Якобы она подобрала на трассе неизвестного без сознания и без документов.

— И частник на это согласился?

— Заплатила.

— Ну и что? — все-таки не понимал я, вернее, недопонимал.

— Своего помощника Нонна, видимо, выдала за меня. Из куртки взяла мои документы, паспорт, права... Его и похоронили под моей фамилией. И весь фокус.

Мир терял реальность. Испуганный свет фонарей, кладбищенская тишина, какие-то шорохи и вздохи, осенний запах цветов, перебиваемый духом водки и земли, идущим от Эдика.

— Все-таки вопрос... Сотрудники с твоей работы, однокурсники были на твоих похоронах?

— Никого. Нонна провела это мероприятие с реактивной скоростью. Ну а родственников у меня нет.

— Эдик, зачем ей была нужна твоя смерть?

— Ради моей обширной квартиры.

— Но как она могла ею завладеть, ведь она не жена тебе, не родственница?

Он помялся. Запах алкоголя усилился, став противным, потому что к нему примешался душок прелых отходов.

— Сергей, я заранее все оформил документально, завещал ей квартиру.

— Зачем же ты это сделал?

— Нонна уговорила.

Дальше я не стал расспрашивать. Разговор был не для кладбища. Впрочем, и так ясно, как уговорила: при помощи магического чувства — любви. Для большинства женщин понятия «любовь» и «счастье» равнозначны. Но считал ли кто-нибудь, сколько эта любовь причинила людям горя?

— Эдик, ты обращался в официальные органы?

— Какие органы станут слушать грязную личность без места жительства, без работы и без паспорта?

— И чего же ты ждешь?

— Сергей, я ждал тебя.

Глава 17

Эдику не повезло... Что значит «повезло — не повезло»? Воля человека тут ни при чем — возит судьба. Видимо, нам, смертным, без нее и шагу не ступить. И о своих шагах она не предупреждает. Если бы предупреждала, то не была бы судьбой.

Похоронить человека дорого и трудно. А воскресить? И хотя перед разными чиновниками я козырял удостоверением следователя прокуратуры, на восстановление Эдика де юре ушел месяц. Главной трудностью оказался не сбор бумаг и свидетелей, а недоверие официальных лиц к этой фантастической истории.

Вот и прокурор не верил:

— Сергей Георгиевич, что еще надо? Ваш приятель восстановлен в своих правах.

— Я хочу, чтобы против ведуньи было возбуждено уголовное дело.

— Достаточно ли оснований?

— Шутите, Виталий Аркадьевич? Мошенница высокого полета свободно орудует в городе.

— Доказательства?

— Обманом завладела квартирой...

— Почему обманом, если квартира ей завещана. Ну, квартиру ей придется вернуть, так как хозяин оказался жив.

— А ее фирма?

— Да, проверка показала, что турфирма «Грифон» отправляла за границу не живых туристов, а мертвые тела, но теперь у нее есть лицензия. Кстати, и наш университет тоже отправил труп на пластикацию через «Грифон».

— Но она трупы воровала...

— Это еще надо доказать: родственники, у кого они были, лишь опрошены, а не допрошены. Вполне может быть, что трупы они продавали.

— Виталий Аркадьевич, ну а фиктивные похороны?

Я не сомневался, что прокурор все знал и понимал, но с него спрашивали за рост преступности, а каждое возбужденное дело эту преступность повышало. Мой вопрос он парировал своим вопросом:

— Сергей Георгиевич, говорите — фиктивные

похороны... А какая тут статья Уголовного кодекса?

— Стопроцентное мошенничество. Воспользовалась завещанием, зная, что завещатель жив.

Меня задело собственное упущение: как Нонна Глебовна воспользовалась завещанием, если не прошло необходимых шести месяцев? Неужели за взятку? Похоже, Виталий Аркадьевич уловил мое настроение. Его тонкие губы от улыбки, как всегда, помягчели. Он вздохнул и заговорил примирительно:

— Согласен, мутное это дело. Непонятная любовь, странное ДТП, могила, какая-то птица...

Телефон у прокурора срабатывал чаще, чем у меня. Виталий Аркадьевич отвечал кратко, но очередной звонок его удержал. При этом он поглядывал на меня с каким-то неожиданным интересом. Отключившись, прокурор этот интерес объяснил:

— Сергей Георгиевич, вам придется выехать на происшествие. Озеро Камышинское, машина уголовного розыска уже у входа...

Места происшествий я не любил, а тут отправился даже с охотой — три месяца не выезжал. Камышинское озеро пока в пригороде, но скоро наступающий город возьмет его в кольцо. При

подъезде к озеру мы попали в пробку — наша машина была без мигалки. И стояли, зажатые другими автомобилями. Ничего не оставалось, как предаться размышлениям. Все свободное от криминальных дум пространство моего сознания теперь было занято мыслями о судьбе Эдика...

Где-то я прочел, что судьба человека — это индивидуальная программа жизни, не им составленная. А кем? И какая может быть программа в мире, который есть не что иное, как пересечение закономерностей и случайностей. Короче, хаос.

Я знал, что на санскрите судьба зовется «кармой» и переводится как «действие». Значит, работать надо. Но если судьба предопределена, то работай не работай... Можешь вообще ничего не делать — судьба вывезет. Но почему одних вывозит, а других нет? Почему судьбы бывают разные? Откуда берутся неудачники?..

Я догадался, почему и откуда: когда планы человека расходятся с замыслами его судьбы. А судьба этого не прощает — она с когтями...

Из пробки мы выскочили, как натуральная пробка из бутылки шампанского. И все-таки опоздали. Леденцов, судмедэксперт, участковый и понятые уже ждали меня на берегу. Главное, ждал автокран.

— Начинай, — велел крановщику Леденцов и объяснил уже мне: — Иномарка упала в воду.

— Откуда упала?

— Вот с этого косогора.

Не косогор, а косогорчик. Правда, к озеру он обрывался полутораметровой высотой. Осенняя вода цвета грязного алюминия подмывала его ленивыми шлепками. Ни купальщиков, ни рыбаков.

— То-то над этим местом птицы вились, — сообщил участковый.

— Какие птицы? — насторожился я.

— Белые, крупные...

— Наверное, чайки, — предположил Леденцов.

— Не знаю, но одна, самая крупная, была черного цвета в крапинку.

— Не попугай ли? — пошутил я.

Нет, не пошутил. Дьявольская догадка резанула по моему желудку изжогой, словно я хлебнул серной кислоты. Попугай мог искать только Эдика...

Заурчал мотор, автомобиль вылез из озера и повис на тросах. Из него, как из дырявого ведра, хлестали струи воды. Когда водитель автокрана поставил машину на берег, я бросился к ней, всех опередив. Мне бы только глянуть...

На заднем сиденье в каких-то неестественных

позах сидели двое: мужчина и женщина. Я вздохнул успокоенно. Мужчина был с усами и мелкой бородкой. Не Эдик.

Захлебнулись — одна из худших смертей. Судя по их позам, они пытались выбраться. Не Эдик, но и посторонних жаль.

Началась обычная следственная процедура. Изучение автомобиля, фотографии, осмотр трупов, поиск свидетелей, составление протокола... Еще до того, как вытащили из машины тела, у меня возник первый вопрос, который я тут же задал Леденцову:

— Боря, в машине был третий?

— С чего ты взял?

— Кто-то ведь сидел за рулем.

— Он и сидел, а она была рядом. Но на берегу оба пересели на заднее сидение.

— Зачем?

— Тебе растолковать в деталях?

— Ага, занялись сексом. Но почему упали в озеро?

— Сергей, я тебе не сообщил важную подробность... Машина стояла на горке, а мужик не поставил ее на ручной тормоз.

— Ну и что?

— А еще следователь... Не знаешь, что секс

кровати ломает? Они машину раскачали, она с горочки поехала и упала с обрыва в озеро.

Жизнь на выдумки богата. Надо бы рассказать Эдику — отменный сюжет для его детективов. Что-нибудь типа «Смерть в машине» или «А был ли третий?». Неужели судьбы этих двух погибших так мистически переплелись?

Я подошел к судмедэксперту. Она сообщила:

— У мужчины при себе права, а у женщины только повестка в прокуратуру.

— На имя кого?

— На имя Животницкой Нонны Глебовны.

Глава 18

Очевидно, планы Нонны Глебовны разошлись с замыслом ее судьбы. Правильно: и человек она была никудышный, и мошенница отменная, и погибла нелепо, как сказал Эдик, от собственной гиперсексуальности. И все-таки... Из жизни ушел человек.

В смерти есть что-то нелогичное. Умер человек — говорят: ушел от нас. Еще можно справиться с его полным исчезновением... А это неправда! Не ушел он, а здесь, на кладбище, лежит. Эдик, которому ведунья причинила столько невзгод,

ходил грустно-помрачневший.

Было решено собраться у Эдика на квартире и отметить... что? Все пережитое и ушедшее, все настоящее и будущее. Дружбу отметить. Мы: я, Макарыч, Леха и примкнувший к нам Леденцов, встретились у метро и стройной компанией ввалились к Эдику.

В его квартире хотя и было прибрано, но все же оставались малозаметные следы чужеродного пребывания. Огромный офисный стол, стоявший в самой большой комнате, был, что называется, сервирован на шесть персон. Нас же пятеро... Видимо, одно символическое место числилось за Петром.

Мы расселись. Блеск бутылок и тарелок мерк, потому что их затмевал пожар, горевший посреди стола. В кувшине стояла охапка кленовых веток — моего любимого дерева. Глаз не хотелось отрывать от осенних листьев вроде бы одного красного цвета, но с десятком оттенков: бордовые, алые, желто-розовые, пурпурные, красные с прожилками...

— Я копченой рыбешки принес, — замялся Леха.

— А я красной икоркой разжился, — сказал Макарыч.

— У меня мидии, — сообщил Леденцов.

— Ну, а у меня копченая горная форель, — засмеялся я. — Считаю рыбный ужин открытым.

Мы выпили по первой рюмке молча — всматривались друг в друга. Кто и насколько изменился.

Стол громадный, комната безразмерная, а уютно. И тут же сообразил, откуда уют — в квартире пахло свежеиспеченными пирогами. А вот откуда пироги, сообразить уже не мог.

Из кармана моего пиджака торчали скрученные газеты. Макарыч спросил:

— Продолжаешь интересоваться политикой?

— Я же мужчина.

— Ну и что?

— Мужчина без политики, что без брюк.

В экспедиции мы спорили так, что из палатки комарье улетало. Поняв, что я в брюках, то есть интересуюсь политикой, Макарыч затеял:

— Сергей, известно, что государством правит какой-нибудь класс. Какой класс сейчас нами правит?

— Олигархи, — ответил Леха на этот детский вопрос.

— А я за справедливость, — подтвердил свою позицию Макарыч. — Коммунистов упрекают за то, что они натворили за семьдесят лет. А что

натворили цари с дворянами за шестьсот лет?

Леха, который политику не любил, пододвинул Макарычу блюдо со студнем: мясистым, с зеленью, явно не покупным. Макарыч бы отвлекся, но высказался Эдик:

— Я за свободу.

— Ну да, ты за права человека, — усмехнулся Макарыч.

— Заставлять человека работать против его желания — значит лишать его гражданских прав, — упрямо повторил Эдик.

— Хочу — работаю, хочу — нет, — проще выразился Леха.

— Этих свободных растет, что травы после дождя. Я про бомжей, — сказал Леденцов.

Я решил бросить свое веское слово:

— Свобода без обязанностей — аморальна.

— Это как? — не понял Макарыч.

— А как там в Писании: добывай хлеб свой в поте лица своего, — разъяснил я.

— Смотря какой труд, — сказал Леха. — Моя соседка работает сексологом, а с виду женщина приличная.

Поскольку пора было поднимать вторую рюмку, то под нее я сказал что-то вместо тоста:

— Ребята, свободы нет и быть не может, потому

что человек зависит от Бога, от черта и от других людей.

Казалось бы... Передо мной стояло блюдо, заваленное бутербродами с буженины, салаты трех сортов... Клен в кувшине... Казалось бы, любуйся и ешь. Но мне мешал запах пирогов, накрывавший стол живым духом. Он меня чем-то тревожил. Я спросил:

— Эдик, сам стол накрывал?

— Чего тут особенного...

— И пироги сам печешь? — ехидно поинтересовался я, уже не сомневаясь, что они пекутся на кухне.

— Пироги пеку я, — протяжно, как пропела, сообщила девушка, шагнув в комнату.

Мы присмирели. Особенно я, детально знавший кошмарную историю Эдика и ведуньи. Только что расхлебались с одной... Неужели слабовольный Эдик опять запал на женщину?

— И как вас звать? — спросил я.

— Серафима.

— Та самая? — вспомнил я причину, по которой Эдик пришел к ведунье. — Которая сбежала? — все-таки уточнил я.

— Та самая, только я не сбегала.

Эдик обнял ее за плечи, подвел к столу, усадил

к приготовленному шестому прибору и посоветовал:

— Серафима, расскажешь все сама.

— Но сперва выпьем, — решил Макарыч.

Мы выпили и стали закусывать, но, главным образом, разглядывали Серафиму: невысокая, худенькая, с неожиданно тяжелой грудью, которая на этом теле казалась лишней. Вокруг головы пухлый жгут косы тускло-белого цвета. Губы изогнуты недовольно, носик курнос до примитивности. Короче, лицо немедийное. Но каким-то образом цвет голубых глаз сочетался с цветом косы, и простенькие черты ее лица складывались во что-то более интересное, чем пресловутая медийность.

— Поссорилась я с Эдиком, — начала рассказывать Серафима. — Он обозвал меня кретинкой...

— Серафима, я сказал, что ты некреативна.

— В общем, обиделась я и ушла, устроилась работать в рекламном агентстве. Между прочим, дело креативное. Рекламировала крем для ухода за бюстом, жидкость против прыщей, антивозрастной гель... А когда заказали рекламировать презервативы, я уволилась.

— Детсад, — сказал Макарыч.

— У меня пироги горят, — спохватилась Сера-

фима и убежала на кухню.

Обсуждать ситуацию в ее отсутствие не годилось. Я не люблю обсуждать то, что не имеет смысла. Любовь же явление анархическое и пониманию не поддается. Почему ушла, почему обиделась, почему вернулась?..

Обычно в наших спорах вопросом номер один был правопорядок в стране. Тем более после очередной рюмки. Макарыч этот обычай не изменил, обратившись ко мне и Леденцову, как представителям власти:

— Граждане законники, как понимать, что кругом сплошные охранники? У школ, магазинов, офисов, гаражей....

— У каждого особняка по вооруженной морде, — добавил Эдик.

— И каждая квартира за железной дверью, — вставил Леха.

— Макарыч, — спросил я. — Ты хочешь сказать, что слишком много народу отвлекается на охрану?

— Нет, хочу сказать, что страна под замком и как бы арестована. Серега, за что?

Слишком серьезный политический вопрос, чтобы обсуждать его в подвыпившем состоянии. Помог Леха, если только помог:

— А народу все равно, арестован он или нет. Лишь бы доллары капали.

— Именно, — поддержал я. — У нас нет ни одного разумного общественного движения.

— Есть: борьба с мигалками, — заметил Эдик.

Леденцов ожил, поскольку речь зашла о милиции:

— Позорное дело! Шахтеры принесли в отделение милиции жалобу, что бандиты обложили их поселок налогом. Так у шахтеров заявление не приняли. Боятся мафии! Я, как опер, заявляю, что это отделение надо разгонять к чертовой бабушке, а начальство судить.

— А правозащитники помалкивают, — заметил Макарыч.

— Милиции никто не боится, в Бога не верят... Как там у Достоевского: если Бога нет, то все дозволено, — сказал я.

— Если есть олигархи, то все дозволено, — поправил меня Леха.

Мысль об олигархах Леденцов тут же развил:

— В фильме как говорят? Что вор должен сидеть в тюрьме... Добавлю: вместе с олигархом.

Серафима убирала грязную посуду и вмешалась в разговор как бы походя:

— Ребята, вы забыли про доброту.

— Добро должно быть с кулаками, — чуть ли не отчеканил Макарыч.

Серафима улыбнулась:

— Кулаки-то у нас есть — дело за добром.

Но дело оказалось за пирогами. Серафима внесла их — не побоюсь этого слова — в эмалированном тазу. Дух шел впереди нее. Горячие, пузатые, с корочкой... Все закуски были забыты как неуместные. Серафима положила каждому по пирогу размером и толщиной с дамский детектив. И присела отдохнуть:

— Ребята, бросьте политику. Вы наверняка знаете много веселых историй.

— Знаем, — согласился Леха. — Вот я посещаю бар «Уголек». Там постоянно обитает Вовчик по кличке «Телепат». Якобы прилетел на НЛО, хотя прописан в Малом Судорожном переулке. Так он рюмку двигает взглядом. К себе, конечно. Но только если в рюмке водка, а сухонькое, либо какую-нибудь бормотуху его взгляд не берет.

Все непроизвольно улыбнулись. Макарыч, у которого от пирогов, казалось, плечи стали еще шире, заговорил. Разумеется, непрожеванно:

— Знаю притчу. Один халявщик мечтал о халяве. Его научили прибегнуть к бутылке с джинном, который в ней сидит. Где же взять

такую бутылку? Тоже подсказали: дело не посуде, а в колдовстве. Достаточно сказать трижды слово из тех букв. В своей квартире халявщик пустой бутылки не нашел. Отправился к магазину, купил бутылку, но не пустую, а с водкой. Двое мужиков помогли водку выпить. Халявщик загадал желание и трижды выкрикнул слово из трех букв. И тут же из бутылки вылез джинн — в фуражке и с резиновой дубинкой...

Серафима и посмеяться успела, и лишнюю посуду убрать, и свежих пирогов добавить. Белые брючки, белая маечка с простеньким принтом, распевный голос. Ей бы не здесь сидеть, а где-нибудь на лугу среди ромашек. Как это она умудрилась рекламировать прыщи?

— А со мной вчера в метро вышла философская история, — начал Эдик. — Стоит в вагоне бесхозная сумка. Пассажиры заволновались: что в ней? Бомба, наркота, расчлененка? Вызвали милицию. И что же там оказалось?

— Голова от трупа, — решил Леха.

— Доллары, — сказал Макарыч.

— Пустая, — предположила Серафима.

— Продукты, — попробовал догадаться я.

— Мочалка и мыло, — буркнул Леденцов.

— Все мимо, — сказал Эдик. — В красивой им-

портной сумке лежали два пакета с мусором.

— Чего же в этой истории философского?

— Я вот до сих пор думаю, куда и зачем везли этот мусор?

То ли от пирогов, от ли от водки лицо Леденцова покраснело. Он предстал как бы в цветном исполнении: волосы желтые, а лицо красное. Опер усмехнулся:

— Моя история будет повеселей, поскольку случилась в морге. Я ждал там патологоанатома, сидел на лежаке. Потом прилег, сморило меня после дежурства. А тут привели женщину опознавать тело мужа. В момент опознания женщина увидела, что соседний труп, то есть я, встал и потянулся. Говорят, я даже храпел. Она — в крик, а мне взыскание.

Мы помянули Петра. Ни Леденцов, ни Серафима нашей черной тайны не знали, но посмурнели за компанию. Леха, видимо, отвечая своим потяжелевшим мыслям, сказал вроде бы ни к селу ни к городу:

— Птицы — самые вредные животные. Они мне дом спалили.

— Особенно противны попугаи, — поддержал его Эдик. — Лезут в дела человека.

— Сойка вроде бы птица мирная, — вспомнил

Макарыч, — а у меня на даче бритвенный прибор уволокла.

Леденцов не мог утерпеть, чтобы не привести эпизод из оперативной практики:

— Капитана Уважухина в стычках с братками ни нож не брал, ни пуля не задевала. А в отпуск отправился в деревню, так ему там петух глаз выклевал.

— А мне новую шляпку голубь так изгадил, что пришлось выбросить, — поделилась Серафима.

Память о Петре да разговор о птицах естественно повернули разговор на мистику. Леха сказал, удивляясь:

— Была голова, туловище... И нет. Исчезло?

— Исчезновение тела понятно, непонятно исчезновение личности, — вставил я.

— Допустим, душа бессмертна, — задумался Макарыч. Решит она вернуться. А куда? Тела-то нет.

— Например, если украли труп, — поддакнул Леденцов.

— Моя бабушка была колдуньей, — с гордостью сообщила Серафима. — Исцеляла травами и молоком от своей черной коровы. Но корова боднула какого-то начальника. Приехал участковый и корову застрелил.

Эдик сиял, вернее, пламенел оттого, что Се-

рафима пришлась ко двору. Тем более что она внесла полуведерную емкость горячих сосисок. Плюс две банки горчицы да плюс водочка, Пир распиаривался. Серафима вышла на кухню, и ее не было минут пять. За это время Эдик аккуратно положил одну сосисочку себе на тарелку, Леха неаккуратно навалил их себе штук пять, Макарыч почему-то запасался горчицей, Леденцов уже насадил сосиску на вилку, а я открыл рот, чтобы откусить...

Но все замерли от топота. В комнату ворвалась Серафима и крикнула истошно:

— Стоп! Не ешьте!

Она подбегала к каждому, рывком отбирала сосиски и швыряла в пустой таз. У Леденцова даже сдернула сосиску с вилки. Мы умолкли, ничего не понимая.

Серафима опустилась на стул подкошенно:

— Ребята, извините меня...

— Что случилось-то? — повысил голос Эдик.

— Взяла я в магазине пять килограммов сосисок. Несу, а на улице меня догоняет старушка и говорит: «Не ешьте их, разве вы не знаете, что в сосиски кладут вещество, которое применяют в моргах для консервации покойников?» А я только сейчас эту старушку вспомнила.

— Ничего, мы бы съели, — сказал Макарыч.

Разговоры о птицах, о смерти Петра, о сосисках для покойников, лишили наше застолье легкости. Я знал, что мы заговорим о судьбе. Видимо, мысль о гибели от сосисок этот разговор приблизила. Где-то под своими русыми патлами вздохнул Леха:

— Есть присказка — от сумы да от тюрьмы не зарекайся. Вернее будет так: от своей судьбы не зарекайся.

— Судьба — это рок, фатум, — сказал Эдик.

— Ничего подобного: судьба — это то, что на роду написано, — сообщил свою версию Макарыч.

— Нет, братцы: судьба — это удача, — высказался Леденцов.

Я думал о себе. Какие бы кривые тропинки я ни выбирал, от чего бы я ни увиливал, куда бы ни сбегал от трудностей, судьба всегда возвращала меня к началу, давая возможность все повторить уже без ошибок. Мелочь, но необъяснимо: насколько я прибеднялся открыто и мысленно, ровно настолько судьба меня и урезала.

— Судьба зависит от замужества, — изрекла Серафима.

Все ждали моих слов, будто следователь прокуратуры обязан знать все. Кое-что о судьбе я

уже знал:

— По-моему, судьба — это месть за плохое и благодарность за хорошее.

— Мы с судьбой в расчете, — хмуро и трезво заявил Эдик.

— С судьбой рассчитаться невозможно, — возразил я.

— Почему же? — неодобрительно отозвался Макарыч.

— Потому что судьба — с когтями, — отрезал я убежденно.

Мои реплики не нравились. Судьба неотвратима? Им хотелось все забыть и начать с чистого листа. Я свою мысль развил:

— Ребята, жизнь идет под откос с того момента, с которого замыслы судьбы не совпадают с вашими замыслами.

— А как узнать замыслы этой самой судьбы? — резонно заметил Леха.

— Прислушиваться к своему сердцу, — посоветовал я, потому что ответа на этот вопрос не знал.

Видимо, наш печальный разговор углубился бы и мы самостоятельно дошли бы до таинственного понятия «уравнивание судеб», но Леденцов уронил вилку на пол.

— Женщина придет, — вспомнила Серафима народное поверье про упавший предмет женского рода.

— Машина приедет, — уточнил Леденцов, глянув на часы и поднимаясь.

— Ты куда? — насупился Эдик. — Еще водки навалом...

— И чай не пили, — поддержала Серафима.

— Ребята, у меня через два часа самолет. Спасибо. Для меня это был не только дружеский ужин, но и отвальная. Сергей знает...

— И куда же ты отваливаешь? В засаду? — пошутил Леха.

— Оперативная работа, — понимающе сказал Макарыч.

— Наверное, дежурство, — предположил Эдик.

— Ребята, он летит на Северный Кавказ в составе оперба-тальона, — вмешался я.

Началась суматоха. Сначала расспросы, потом советы. Серафима соорудила огромный мешок еды.

И мы сели за стол в последний раз. Я сказал:

— Боря, под пули зря не лезь.

— Не ходи без бронежилета, — порекомендовал Макарыч.

— Верь в свою судьбу, — философски подсказал

Эдик.

— Опер, пей водку, она обеззараживает воду, — житейски заметил Леха.

Серафима зажала в ладонях его желтую голову и поцеловала...

Под окном засигналила машина. Леденцов плеснул себе в рюмку, поднял ее и сказал, прощаясь:

— Ребята, пожелаю вам теплого хлеба, прохладной воды и горячих друзей.

На улице мы с ним обнялись. Горестное чувство захлестнуло меня. Я верил в его судьбу и знал, что он вернется живым и невредимым. Также я знал, что горечь разлуки постепенно переходит в тихое и прекрасное чувство — печаль.

Алексей ШОЛОХОВ
ОДИН ЗВОНОК

Алексей ШОЛОХОВ
ОДИН ЗВОНОК

Центр мобильной связи «Ретромобайл» расположился у входа в космопорт. Люди бежали на посадку или уже прилетели, но тоже спешили домой, поэтому никто не обращал внимания на сине-желтое одноэтажное здание.

Андрей Терентьев остановился у светящейся вывески салона. «Тарифный план «Один звонок» изменит вашу жизнь до неузнаваемости». Терентьев улыбнулся — в изменение жизни с изменением тарифного плана верилось с трудом. Жанна должна была прилететь на трехчасовом экспрессе, но она опоздала и теперь прилетит на пятичасовом. Нужно было как-то скоротать несколько часов. Центр мобильной связи мог помочь в этом.

Парень вошел в прохладное помещение салона. Продавец, сидевший на барном стуле у ресепшен, подскочил, как только в магазине появился возможный покупатель. Дежурная улыбка засияла на полном лице.

— Здравствуйте. Могу я вам чем-нибудь помочь?

Андрей понял, что перед ним андроид. Человекоподобные машины уже лет пятьдесят заменяли людей в сервисе. Продавцы, обслуживающий персонал в отелях, официанты... даже кассиры в

космопорту были андроидами.

— Наверное, нет, — Андрей виновато улыбнулся. — Я хотел бы просто посмотреть.

— Ну что ж, — продавец потер руки, — у меня есть такая функция.

— Простите? — не понял Андрей.

— Я могу не только продавать, но и проводить экскурсии. Вот, например, во втором зале представлены аппараты и тарифные планы, используемые лет сто назад. Это может заинтересовать вас?

«А куда я спешу?»

— Думаю, что да.

Они прошли в зал, вдоль стен которого стояли стеклянные витрины.

— С чего хотели бы начать?

— С начала, — Андрей показал на ближайшую витрину.

— На первой экспозиции представлены аппараты-пионеры.

Андрей вопросительно посмотрел на экскурсовода-продавца.

— Ну, они были первыми, — пояснил тот. — К примеру, Dy-naTAC 8000X, произведенный фирмой Моторола еще в 1973 году...

Терентьев присвистнул.

— Да-да. Сто двадцать семь лет назад. Он был самым первым и ни черта не умел, кроме как звонить.

— А что, разве телефон что-то еще должен уметь?

— О-о! Да вы что?! К первой четверти прошлого столетия телефоны разве что ужин не готовили.

Андрей вгляделся в огромную трубку.

«Монстр. Чуть меньше холодильника».

— Телефон весит 794 грамма и имеет размеры 33×4,4×8,9 см. Заряда аккумуляторов хватает на восемь часов работы в режиме ожидания или на один час в режиме разговора. В розницу телефон стоил около четырех тысяч долларов.

Андрей снова присвистнул.

— Да это же цена билета на экспресс «Земля — Марс»!

— Причем туда и обратно, — улыбнулся андроид.

— Да, не жалели денег в прошлом.

— Итак, вернемся к истории. В 1989 году был выпущен сотовый телефон Motorola MicroTAC, микрофон которого помещался в откидывающейся крышке. Этакая псевдораскладушка.

— Псевдораскладушка?

— Нуда. Были телефоны классические — мо-

ноблоки, раскладушки, псевдораскладушки, слайдеры, ротаторы, Dualhinge, браслеты, Lipstick. Из всего этого обилия в наши дни пользуются большим спросом только Lipstick. Кстати, я вижу у вас неплохую модель.

Андрей потрогал серьгу в левом ухе и улыбнулся. Жанна подарила ему телефон в форме серьги на их вторую годовщину.

— По-моему... — продавец прищурился, — Алтай 3274 Z.

— В точку.

— Лучший телефон во всем мире. Да что там в мире...

— А это что за монстр? — перебил экскурсовода Андрей.

— А,это первый телефон со встроенными часами Benefon Beta. В 1993 году это был прорыв в телефонной индустрии.

— Часы? Но зачем? Время же можно узнать...

— Это сейчас. А в девяностых годах двадцатого века часы были неотъемлемой частью телефонов. — Продавец улыбнулся и показал на следующий экспонат: — Вот, взгляните. В 1996-м произошла революция — было начато производство Siemens S10. — Андроид поднял вверх указательный палец. — Первого телефона

с цветным дисплеем и диктофоном. Цветов всего было три, но...

Они перешли к следующей витрине.

— Ровно сто лет назад японская компания Sharp выпустила первые сотовые телефоны со встроенной фотокамерой.

Андрей вдруг осознал, что хочет купить что-нибудь подобное. Телефон с экраном, часами и диктофоном, да даже, черт возьми, с фотокамерой.

— Простите, э-э-э... — Андрей взглянул на бейджик андроида. — Сергей, могу я что-нибудь у вас купить?

— Конечно. Пройдемте. — Сергей махнул в сторону первого зала. — У нас есть новинки от Fly, Samsung и Алтая. Какую фирму предпочитаете?

— Нет. Вы меня не поняли. Я хотел бы приобрести что-нибудь из вашего музея.

Андроид замер, будто «завис». Даже улыбка померкла.

— У меня есть такая функция, — вдруг произнес Сергей. — Но цены на них... Вы же понимаете?

Андрей кивнул.

— Итак, что вы предпочитаете? Какие функции вам нужны?

— А какие бывают кроме часов, диктофона и

фотокамеры?

— О-о! — Андроид закатил глаза. — Помимо основной своей функции, а именно телефонной связи, сотовые телефоны прошлого имели множество дополнительных. — Сергей начал зажимать пальцы. — Дисплей, телефонный справочник, автоматический определитель номера, голосовое управление, «громкая связь», конференц-связь, подключение гарнитуры, «виброзвонок»...

— Простите? — с улыбкой спросил Андрей. В его представлении вибрация была возможна только при посадке либо взлете экспресса.

— Вибровызов используется в шумных местах или там, где нельзя нарушать тишину, — пояснил робот. — SMS — обмен короткими сообщениями, MMS — позволяет добавлять в сообщения звук или изображение, модем и доступ в интернет, WAP-браузер, часы, будильник, календарь, органайзер, калькулятор, конвертер валют, секундомер, игры, радиоприемник, MP3-плеер, диктофон, цифровой фотоаппарат, цифровая видеокамера, фонарик.

— Я ничего не запомнил, — глупо улыбнулся посетитель.

— А это вам и не нужно. Поверьте, взяв в руки аппарат, вы без труда разберетесь в нем. Я могу

вам предложить неплохую модельку Kyocera E4600. — Андроид подошел к дальней витрине и достал серебристый телефон. — Он имеет все из перечисленного мной ранее. Кстати, он сравнительно молодой. Ему всего восемьдесят два года, но он полностью функционален — хоть прямо сейчас берите и звоните.

— Сколько?

Андроид снова «завис». Андрей даже подумал, что продавец может выронить телефон.

— Всего двести долларов, — с улыбкой произнес Сергей.

Андрей присвистнул:

— Не четыре тысячи, но все же. — Он достал кредитку.

— Нет-нет. Одно из условий: телефоны из прошлого — расчет наличными.

— Но у меня нет наличности.

Робот прищурился, обдумывая допустимые варианты.

— Есть возможность обмена.

Андрей снял с уха серьгу и положил на ладонь Сергея.

— У меня только это.

— Алтай 3274 Z очень хороший телефон, но это недостаточная плата за Kyocera E4600 с тариф-

ным планом.

— Там есть сим-карта?

— Необычная сим-карта. — Андроид снова «завис». Но уже через пять секунд он сказал: — Молодой человек, давайте пройдем к ресепшену. Оформим сделку.

Слово «сделка» подействовало на Андрея отталкивающе. Это напоминало ему средневековые готические романы о продаже души Дьяволу. Кровью ничего подписывать не пришлось, но все было не так просто. Андроид достал из выдвижного ящика какой-то бланк и положил перед человеком.

— Что это?

— Договор о купле-продаже. Прежде чем вы его прочтете и подпишете, я хотел бы вам рассказать о телефоне и тарифе «Один звонок».

Андрей не перебивал.

— Как я уже сказал в телефоне сим-карта необычная. — Андроид хохотнул. — Что я такое говорю? Сим-карта, конечно же, обычная, но вот тарифный план... Вы когда-нибудь хотели... Возможно, когда-то вы должны были сделать очень важный звонок, который перевернул бы вашу жизнь.

— При чем...

— Я говорю: возможно. И вот вы не сделали тот звонок и у вас все как всегда — вы ничего не потеряли, но и ничего не приобрели.

— Потерял, — сказал Андрей, как-то погрустнев.

— Это хуже. — Продавец стал серьезным. — Вам есть над чем подумать. Итак, тарифный план «Один звонок» предоставляет вам возможность исправить эту оплошность. Вы можете, — андроид перешел на шепот, — позвонить в прошлое.

Пришло время Андрею «зависнуть» и «перезагрузиться».

«Черт знает что! — возмутился Андрей. — Что позволяют себе эти машины?! А я уж было и вправду поверил в звонок, который изменит всю мою жизнь. Тьфу ты!»

— Послушайте, Сергей. Я, наверное, не буду брать этот телефон.

— Ну что вы? Почему так сразу? У вас есть один звонок, пробный. Компания Дельта Спайс, поставляющая тарифный план «Один звонок», разрешает проверить честность предоставляемой услуги перед основным звонком. — Андроид протянул трубку Андрею. — Только одна тонкость: собеседник вас не услышит.

Андрей трясущейся рукой взял телефон, по-

думал и быстро, ни разу не сбившись, набрал номер.

— Алло, — раздался женский голос из динамика. — Алло. Говорите.

Парень хотел ответить, но вспомнил слова продавца и нажал на отбой. Слеза предательски скатилась по щеке. Андроид не торопил.

— Это была моя мама, — сказал Андрей и вытер слезы. — Ее не стало десять лет назад.

Продавец молчал.

— Я возьму его.

— Я так и думал. Итак, вот ваш телефон с одним-единственным звонком на любой номер всего за четыреста долларов...

— Как четыреста? Только что было двести!

— Двести было до того, как вы проверили, — сказал Сергей и улыбнулся.

— Но у меня нет таких денег наличными! — Андрей уже пожалел, что отдал серьгу-телефон андроиду.

— У вас будут ровно сутки, — будто не услышав слов покупателя, произнес Сергей, — отсчет которых начнется сразу после подписания договора купли-продажи. Все эти сутки телефон с симкартой будет у вас. Плату мы возьмем, только когда выйдет срок либо вы решите кому-нибудь

позвонить. — Адроид подвинул серьгу к владельцу. — Но, к сожалению, эта самая плата будет несколько выше. А как вы хотели? Бизнес.

Андрей вышел из салона с желтым пакетом с единственной надписью синими буквами «Ретромобайл».

Жанна так и не прилетела. Позвонила и сказала, что задержится еще на два дня у мамы на Марсе. Но Андрея это уже мало беспокоило. Все его мысли занимало новое приобретение.

Он вошел в свою небольшую, но уютную квартирку, плюхнулся на диван. Пакет с телефоном положил на колени. Потом, все-таки решившись, достал и включил его. Как только на экране появилось сообщение о готовности аппарата, раздался звонок. Мерзкий и очень громкий. Андрей задумался.

«А что, если это сейчас и будет считаться звонком? Да нет же! Андроид сказал, что тарифный план «Один звонок» рассчитан на один исходящий. Все входящие бесплатно!»

— Да, — хриплым голосом произнес Андрей, после того как нажал зеленую трубку.

— Вы меня простите. — Это был андроид Сергей. — Но многие... Да что там! Практически все наши клиенты невнимательно читают договор.

— Я вас не совсем понимаю.

— Пункт об оплате, — пояснил робот.

— Я же сказал, что у меня нет наличных. И их не снять в течении суток.

— Я вас понимаю, поэтому компания Дельта Спайс, чьи интересы мы представляем, пошла вам на уступки. Сумму в четыре тысячи...

Андрей едва не выронил телефон.

— Какие четыре тысячи?!

— Продажа ретро-телефонов предусматривает оплату в рассрочку.

— Сутки...

— Да. Рассрочку на сутки. И по истечении этого срока вы должны выплатить сумму в разы большую, чем заявленная. Все это прописано в договоре. Поэтому я и говорю клиентам, чтобы они читали внимательно договор, поэтому я звоню им и напоминаю о платежном условии.

— Понятно. — На самом деле Андрей уже был готов выложить сумму в четыре тысячи долларов.

«В конце концов, это всего лишь стоимость билета на экспресс «Земля-Марс» туда и обратно».

— Итак, я говорил, что компания Дельта Спайс пошла вам на уступки и предлагает оплатить счет чем-нибудь другим эквивалентным данной сумме.

— Билетами на экспресс? — попробовал пошутить Андрей.

— Думаю, ваше предложение не сможет заинтересовать руководство компании.

— А что? Что их может заинтересовать? — Но Андрей уже знал что. За донорское тело давали ровно четыре тысячи.

— Им нужен донор.

— Мне надо подумать.

— Ну, у вас же есть сутки. Ах да, еще одно: донором не может быть сам клиент. Это должен быть близкий вам человек. Разумеется, так как тело изымается только после смерти донора, на это нужно лишь ваше согласие.

Андрей все-таки выронил телефон, когда поднял — трубка молчала.

После смерти мамы у него никого не осталось. Отца в 2093 году заточили в криотюрьму за кражу в мегамаркете, а в 2098-м из-за сбоя в оборудовании погибли тридцать два заключенных. Среди них был и Сергей Терентьев — отец Андрея. В том же году Андрей встретил Жанну.

Черт возьми! Самый близкий человек — это его девушка!

Он отодвинулся от телефона, будто боялся, что близость с аппаратом может привести к финаль-

ной части договора.

Андрей попытался успокоиться. Первым порывом было поехать к космопорту и швырнуть в толстую морду бездушной машины его долбаный ретро-телефон. Порвать договор и плюнуть на... тот единственный звонок. Очень важный звонок. Андроид был прав — для Андрея этот звонок был очень важным. Вот именно это и успокоило парня.

Мамы не стало в тот самый день, когда Андрей получал диплом. Она ждала его звонка, а он... Он поехал с друзьями на кемпинг праздновать защиту диплома. О маме и звонке Андрей так и не вспомнил. Домой он вернулся к вечеру следующего дня. Там его ждал ужасный сюрприз. Мама, не дождавшись звонка Андрея, поехала на своем автоботе за ним. Но она не доехала. Автобот RAM буквально подмял под себя миниатюрную машину, в которой сидела мама.

Мамы не стало, а ощущение, что это он виноват в ее гибели, никуда не делось. Оно его гложет до сих пор, и будет глодать пока он не позвонит маме в тот злополучный день.

Но это только одна сторона медали. Вторая выглядела иначе.

Сделав важный звонок, Андрей тем самым

предавал свою подругу. Какая подруга?! Она же почти ему жена!

Андрей немного успокоился и продолжил размышления. Шанс, что Жанна когда-либо узнает, что ее тело после смерти достанется какой-нибудь донорской фирме, был минимален. Но он все-таки был.

«Так что, Андрюша, — прозвучал в голове голос, уж очень похожий на отцовский, — вернув маму, ты отдаешь Жанну. Так уж бывает, сынок. Сегодня ты что-то находишь, а завтра что-то теряешь. Ведь удача и неудача ходят рядом».

Итак, что мы имеем. Во-первых, один звонок в прошлое. Андрей с ним определился еще задолго до того, как узнал цену. Во-вторых, тело Жанны заберут на органы.

Стоп!

Андрею вдруг показалось, что он нашел лазейку в их гребаном договоре. Он схватил лист со стола и начал вчитываться в каждое слово, напечатанное мелким шрифтом. Не то. Не то. Дочитав до конца, Андрей понял: Жанна может дожить до старости, и тогда, возможно, ее дряблое тело никому не понадобится.

Андрей с улыбкой на губах схватил телефон, но вдруг замер.

«А что, если этот важный звонок не вернет мне маму? Что, если ничего не изменится?»

«Изменится, Андрюша. Ты хотя бы перестанешь винить себя в ее смерти. К тому же ты ничего не теряешь».

Последние слова, произнесенные в его голове отцом, не понравились Андрею. Как-то они прозвучали пафосно, напыщенно. Он еще раз перечитал договор и, не найдя ни слова о передаче донорского тела сразу после звонка, набрал мамин номер.

— Алло, — раздалось в трубке после долгих гудков.

— Мама? — Во рту пересохло, поэтому Андрей говорил с трудом.

— Сынок? Андрюшенька, ты уже сдал?

— Да, мамочка, — прохрипел Андрей.

— Ну, давай домой. Скоро отец придет — отпразднуем.

— Мама, давай не сегодня. Мы с парнями из группы решили...

— Когда тебя ждать? — обеспокоенно спросила женщина.

— Завтра вечером, — едва выдавил из себя Андрей.

— Ну, хорошо. — Судя по голосу, мама снова бы-

ла весела. Вообще-то Андрей и не помнил, когда она грустила. — Повеселитесь там как следует. Только без фанатизма.

— Только без фанатизма, — повторил Андрей, а мама нажала отбой.

Несмотря на то что он, возможно, спас маме жизнь, ему хотелось плакать. Ему вдруг стало необходимо поговорить с кем-нибудь. Нет, не с кем-нибудь, а именно с Жанной.

Он поднес руку к левому уху и произнес:

— Номер Жанны.

Алтай 3274 Z клацнул, и в ухе Андрея раздались гудки. Он собирался отключиться, когда на другом конце ответили.

— Черт, еле нашел! Такие телефоны маленькие! — услышал Андрей мужской голос и забеспокоился.

— Кто вы такой?!

— Алло. Чертова техника! Вы меня слышите?

— Да-да. Кто вы?! Где Жанна?!

— Меня зовут Альберт Грабов. Я инспектор криминальной милиции.

— Что случилось? — выдохнул Андрей.

— Экспресс «Земля-Марс» при посадке в космопорту взорвался при невыясненных обстоятельствах. Все погибли.

Андрей зарыдал.

«Мы возьмем плату по истечении срока, либо если вы решите позвонить кому-нибудь. Вот оно, черт возьми! Это сказал андроид, а в договоре об этом ни черта! Они взяли плату!»

Через полчаса он вошел через главные ворота космопорта, миновал милицейский кордон, поднырнул под желтую ленту ограждения и практически столкнулся с человеком небольшого роста.

— Андрей Сергеевич Терентьев?

— Да.

Мужчина достал из кармана фотокарточку и отдал Андрею. Парень посмотрел на снимок, потом на мужчину в мятом пиджаке. Нет, это не шутка.

— Где вы это нашли?

— В сумочке у одной из жертв.

Андрей еще раз посмотрел на фото. В центре стоял он и обнимал Жанну, а по краям... Мама прислонилась к нему, будто только что нашла его после длительных поисков, а теперь боялась снова потерять. Отец стоял со стороны Жанны и, как всегда, был суров. Но он был! Все они были живы на снимке, а ведь с Жанной они даже не были знакомы! Никогда! По крайней мере, до того важного звонка.

— У кого вы нашли этот снимок.

Человек в мятом пиджаке ткнул пальцем в карточку.

— Где она? — Скорбь сдавила грудь. Андрей едва сдержался, чтобы не зарыдать.

— Они лежат рядом...

Отец не снял маску суровости даже после смерти. Жанна лежала посередине. Андрей присел у каждого из них, подержал за руку, погладил по лицу. У тела матери он не смог сдержать слез. Терентьев вдруг подскочил и побежал прочь из космопорта.

«Я убил их всех! Этим звонком я убил их всех!!!»

Андрей подбежал к сине-желтому одноэтажному зданию, резко открыл дверь и бросился на андроида Сергея.

— Это ты, сука! Это все ты!

— Вам не понравилась покупка...

— Заткнись! — Андрей зарыдал. — Верни все, как было! Верни, гнида!

— Идет поиск необходимой функции. — Андроид улыбнулся.

— Да я тебе все функции сейчас повыбиваю! — И Андрей начал трясти робота что было сил.

— Идет поиск необходимой функции. Идет

поиск… Поиск закончен. Внимание! Процесс возврата в основное меню начнется через пять секунд. Пять, четыре, три, два, один. Внимание! Процесс возврата начался. — Сергей «завис».

Вдруг Терентьев почувствовал какую-то тяжесть; ему очень захотелось спать. Голова закружилась, и Андрей закрыл глаза.

— …на один час в режиме разговора. — Парень услышал голос андроида. — В розницу телефон стоил около четырех тысяч долларов.

Андрей боялся открыть глаза. Он почувствовал прохладу от кондиционеров, услышал сначала голос продавца, а потом и свой.

— Да это же цена билета на экспресс «Земля-Марс»!

Он открыл глаза. Так и есть, он стоял в салоне «Ретромобайл» у витрины с «пионерами».

— Причем, туда и обратно, — улыбнулся андроид.

— Да, не жалели денег в прошлом. — Губы не слушались, но он все-таки произносил слова.

— Итак, вернемся к истории. В 1989 году был выпущен сотовый телефон Motorola MicroTAC, микрофон которого помещался в откидывающейся крышке. Этакая…

— …псевдораскладушка, — закончил за робота

Андрей. Странное чувство дежа вю не покидало покупателя.

— Нуда, — произнес робот. Он был удивлен.

— Жанна звонит. Жанна звонит, — сообщил Lipstick.

— Извините. Я на минутку.

Сергей понимающе кивнул.

— Да, милая.

— Андрюш, ну ты где?

— Я у входа в космопорт. А ты что, уже прилетела?

— Ты на время смотрел?

Он посмотрел через витраж на площадь. Часы показывали 17:05.

— Любимая, я бегу к тебе, — произнес Андрей и отключил телефон.

— Ну-с, продолжим?

— Нет, — твердо сказал Терентьев и пошел к выходу.

— У нас есть замечательные тарифные планы. Одним звонком вы сможете перевернуть всю свою жизнь.

— Я не хочу ничего менять. — Андрей улыбнулся и вышел из салона.

У входа в космопорт Терентьев подошел к цветочному автомату, нажал на кнопку «розы», ввел

количество и вставил в щель кредитку. Через минуту из аппарата выехал букет белых роз в ведре из нержавейки. Андрей подхватил цветы и пошел встречать Жанну.

Он шел навстречу будущему, ни разу не оглянувшись назад.

Владимир ЛЕБЕДЕВ
КРОВЬ НА АЛМАЗАХ

В предлагаемых новеллах — необычная история самых знаменитых алмазов мира: «Кохинура», «Регента», «Орлова», «Санси», «Шаха», «Великого Могола», «Голубой Надежды». За всеми ними тянется кровавый след похищений, предательств и убийств.

От раба до пирата и каторжника

В 1701 году на руднике, расположенном на берегу реки Кришны, раб-индиец нашел необыкновенно большой алмаз. Когда наступил вечер, раб спрятал алмаз и в ту же ночь отправился к берегу моря. Там он встретил английского шкипера и открыл ему свою тайну — взамен за обещание помочь ему освободиться от рабства. Еще за камень индиец попросил небольшой денежный

задаток, чтобы можно было прожить первое время. Но матрос отнял у него алмаз, весивший 410 каратов, и продал купцу Джамхунду. А раба-индийца, выйдя на шхуне в открытое море, шкипер попросту выбросил за борт. Сам он впоследствии повесился на корабельной рее.

Купец Джамхунд, в свою очередь, продал драгоценный камень за 20,4 тысячи фунтов стерлингов сэру Томасу Питту (отсюда первое название алмаза — «Питт»), губернатору крепости Сент-Джордж. Однако у сэра Питта было темное прошлое: прежде чем стать губернатором, он был пиратом. Когда сэр Питт возвратился в Англию, слух о приобретенном им алмазе уже достиг ушей его бывших дружков. Он не расставался с алмазом и каждый раз, когда раздавался стук в дверь, был начеку. Ему никогда не доводилось провести две ночи подряд под одной крышей, и он не оставлял известий о постоянно меняющихся местах своего пребывания.

Томас Питт понимал, что охотники за алмазом не оставят его в покое. Он решил огранить камень. Ничего более прекрасного до этого сэр Питт не видел, но ему нужны были деньги и спокойная жизнь, и он продал бриллиант регенту Франции герцогу Орлеанскому (отсюда второе название

камня — «Регент»).

После народного восстания в августе 1792 года коммунары опечатали двери кабинета, где были корона, скипетр и другие регалии Бурбонов: золотой сундук, подаренный кардиналом Ришелье Людовику XIII; знаменитая золотая ваза весом 245 килограммов; алмазы, рубины, изумруды, другие драгоценные камни королевской сокровищницы, в том числе и алмаз «Регент».

Утром 17 сентября 1792 года три стражника, назначенные Коммуной, во время осмотра вдруг обнаружили, что печать сломана. Замки оставались целыми и невредимыми, но помещения были опустошены и все сокровища Бурбонов исчезли.

Подозрение сразу же пало на самих стражников. В очередном из анонимных доносов был указан тайник в аллее Вдов на Елисейских полях. И вот в выгребной яме в аллее Вдов были найдены драгоценнейший алмаз «Регент» и знаменитый кубок из агата и оникса.

Через семь лет после осуждения грабителей состоялся судебный процесс над очередной группой фальшивомонетчиков. Среди обвиняемых был человек по имени Баба. Вначале он категорически отрицал все обвинения. Затем он все-таки

признался и даже дал показания: «Я принадлежу к похитителям сокровищ Бурбонов. Я помогал своим товарищам прятать в аллее Вдов алмаз «Регент» и другие сокровища, вскоре после этого найденные».

Но речь его не возымела на судей воздействия: члены банды были сосланы на галеры, а Баба и главарь фальшивомонетчиков осуждены на пожизненную каторгу.

Однако Французская республика нуждалась в деньгах и вскоре заложила алмаз «Регент» богатому московскому купцу Трескову. Миновали дни революции, и к власти пришел Наполеон I. Он и вернул алмаз во Францию, приказав вправить его в эфес своей шпаги.

Теперь он хранится в Лувре.

Горе и слезы

Алмаз «Орлов» по своей величине занимает первое место среди всех камней, найденных когда-либо в Индии. Это знаменитейший алмаз чистейшей воды, слабого синевато-зеленоватого оттенка, с небольшим количеством ничтожных желтоватых включений.

Камень оказался в руках полководца Голконды Миргимолы. Последний, предав царя Голконды,

своего господина, удалился во владения Джехан-шаха и преподнес ему в дар этот украденный алмаз.

Подругой версии, Миргимола был не полководцем, а казначеем при дворе царя Голконды и стал обладателем крупного алмаза, который, однако, не принес ему счастья. Казначей впал в немилость раджи и был вынужден искать убежища у Джехан-шаха.

Прибыв в государство Великих Моголов, Миргимола преподнес Джехан-шаху богатые подарки, среди которых был большой алмаз.

Джехан-шах приказал ювелиру Гортензию Боргису Венецианскому огранить сырой алмаз. Мастер трудился два года и изготовил бриллиант в форме высокой индийской розы.

20 октября 1772 года армянский купец Сафрас половинную долю в этом алмазе продал Ивану Лазареву за 125 тысяч рублей и самый камень оставил у Лазарева.

Придворный ювелир Иван Лазарев, в свою очередь, продал камень графу Г. Г. Орлову за 400 тысяч рублей. В том же году Орлов преподнес камень Екатерине II вдень ее ангела. С тех пор алмаз известен под именем «Орлов».

В 1774 году он был вставлен в резную серебря-

ную оправу и укреплен в верхней части скипетра. На золотой поверхности ручки скипетра расположено восемь бриллиантовых ободков. На вершине скипетра — золотой двуглавый орел, украшенный эмалью и бриллиантами. Парадность скипетра была значительно усилена прекрасным «Орловым». Скипетр вместе с «Орловым» оценивался примерно в 2,5 миллиона золотых рублей (корова в те времена стоила около 5 рублей).

Алмаз «Орлов», как и «Шах», находился в Бриллиантовой комнате Зимнего Дворца. После начала Первой мировой войны уникальный камень был отправлен в Москву в одном из сундуков, который спрятали в тайнике Оружейной палаты.

Теперь в Алмазном фонде Московского Кремля перед короной лежит золотой скипетр, а в нем сверкает знаменитый «Орлов».

Сколько крови и слез, сколько несчастья и горя связано с судьбой этого алмаза столь же прекрасного и сейчас, как тогда, когда он назывался «морем огня».

Рядом с ним, совершенно незаметно, на темно-красном бархате лежит длинненький желтый камень. Это исторический алмаз «Шах».

От Надир-шаха —

к королеве Виктории

Этот алмаз найден в южной Индии, в копях Голконды. Первоначальная масса алмаза составляла 800 каратов.

«Кохинур» издавна считался прообразом самого драгоценного камня, являлся символом «королевского камня», «камня владык». Владелец «Кохинура» как бы обретал право владеть Индией.

Камень перешел во владение правителя Делийского султаната Ала-ад-дина Хильджи и оказался в его сокровищнице драгоценностей в Дели. Надо отметить, Ала-ад-дин Хильджи пришел к власти в 1296 году, предательски убив своего дядю.

От Ала-ад-дина Хильджи камень попал в руки раджи Бикермаджи княжества Гвалиор. В Панипатекской битве (1526 год) между Бабуром и султаном Ибрахимом из афганской династии Лоди победу одержал Бабур. Ибрахим Лоди был убит. Выступивший на стороне Ибрахима Бикермаджи (владевший «Кохинуром») тоже был убит. Об этом событии Бабур в своих записках написал: «Когда Ибрахима разбили, Бикермаджи отпра-

вился в ад; его сыновья и домочадцы находились в Агре. По прибытии Хумаюна (любимый сын Бабура и его престолонаследник) в Агру домочадцы Бикермаджи хотели бежать, но Хумаюн не дал им уйти. По собственной воле они поднесли Хумаюну много драгоценностей и самоцветных камней. В их числе был знаменитый алмаз».

Позже камень стал собственностью Великих Моголов. У правителей этой династии камень находился более 200 лет.

В дальнейшем алмаз оказался у падишаха Индии Мохаммед-шаха.

Захвативший Дели Надир-шах сразу завладел многими драгоценностями, но среди них не было алмаза «Кохинур», о котором, вероятно, Надир-шах был наслышан. И он стал расспрашивать о нем приближенных Мохаммед-шаха. Одна из жен Мохаммед-шаха рассказала, что властелин носит драгоценный камень в тюрбане. Собираясь в обратный путь, хитрый Надир-шах предложил Мохаммед-шаху обменяться головными уборами в знак дружбы. Что оставалось делать поверженному шаху? Только согласиться. Надир-шах, получив тюрбан взамен волосяной шапочки кочевника, осторожно развернул его и был настолько очарован необыкновенным блеском

алмаза, что в восторге воскликнул: «Кохинур, Кохинур!» («Гора света»). Так закрепилось за алмазом это название, а Надир-шах стал обладателем редкой красоты камня.

Возвратившись в Иран, Надир-шах украсил свой трон «Великим Моголом» в паре с «Кохинуром».

В июне 1747 года Надир-шах был убит. Тогда афганцы во главе с Ахмад-шахом, находившиеся на службе у Надир-шаха, прихватили драгоценности и бежали в Кандагар. Среди ценностей, захваченных афганцами, был алмаз «Кохинур».

В 1773 году Ахмад-шах умер. Его сын Тимур-шах вступил на престол и правил в течение двадцати лет.

Но умер Тимур-шах, как полагают, не своей смертью, а был отравлен.

Когда магараджа Ранджи-Сингх лежал на смертном одре, он якобы завещал «Кохинур» богу Джаганатху. Но поскольку письменного свидетельства о даре алмаза богу Джаганатху не было, то алмаз оставили в сокровищнице драгоценностей Лахора.

В дальнейшем владельцем алмаза стал молодой раджа Далиб-Сингх. Он утвердился на престоле при поддержке Великобритании, направившей в

город Лахор свои войска. Драгоценности Лахора перешли к англичанам и были переправлены в Англию.

В июле 1850 года лорд Далхаузи преподнес «Кохинур» королеве Виктории. Но печальная история «Кохинура» породила у англичан поверье, что этот алмаз приносит несчастье. И вот один англичанин напечатал в газете «Таймс» письмо, в котором советовал королеве Виктории поскорее отделаться от рокового камня. Королева не прислушалась к совету патриота и с бриллиантом не рассталась.

Виктория носила «Кохинур» почти пол века, до самой смерти в 1901 году. После смерти Виктории «Кохинур» был причислен к королевским регалиям и его вставили в Государственную корону..

В 1952 году на престол вступила дочь Георга VI Елизавета II, внучка королевы Марии. По случаю коронации ее величества королевы Елизаветы II в ее корону были вставлены «Кохинур», рубин «Черный принц», «Звезда Африки II» и другие бриллианты.

Так что сам «Кохинур» по-прежнему сверкает в короне английской королевы.

Талисман на груди у сына-убийцы

В 1064 году купец Джагаттунга вел свой караван по Восточной Индии из крепости Голконда вдоль глубокого ущелья, которое называли Адамас. Слово это (как и слово «алмаз») означает «непреодолимый», «непобедимый».

Как гласит легенда, индийскому купцу посчастливилось добыть алмаз редкой красоты, без единой трещины, «чистой воды», то есть прозрачный, как чистая вода, весивший 101,25 карата. Дойдя до ближайшего города, купец обменял свою находку на двух молодых слонов, двенадцать необъезженных верблюдов и восемьдесят золотых монет.

Позднее алмаз принадлежал султанам Центральной Индии: Вире Ранджандре, затем Аджидраджандре. Один из них то ли разорил государство, купив этот камень, то ли лишился жизни по возвращении из похода домой.

С 1325 года алмаз находился у основателя династии Туглаков султана Гийяс-Уд-Дина. Пока султан был в походе, его сын Мухаммед перерыл все кладовые дворца в поисках легендарного алмаза, но не нашел его. Он узнал, что султан увез алмаз с собой как талисман. В те времена

было поверье: если воин носит на левой стороне в своем оружии алмаз, то не будет убит.

Решив завладеть алмазом, Мухаммед пошел на хитрость, устроив торжественную встречу своему отцу, возвращавшемуся с победой. Для этого была сооружена ротонда с тяжелым позолоченным куполом, опиравшимся, как зонт, на единственную опору — бамбуковый столб. В ротонде стоял знаменитый на весь мир Павлиний трон Великих Моголов, украшенный множеством драгоценных камней. На фасадной части висели мечи и стяги, а тыльная сторона ротонды для прохлады была закрыта молодыми свежими пальмовыми листьями.

Когда закончилась трапеза, сын испросил у отца разрешение устроить вокруг ротонды торжественное шествие белых слонов. Приведенные из Дели, долго не кормленные слоны спокойно прошли возле передней части ротонды, но, когда обнаружили заднюю стенку из пальмовых листьев, с жадностью набросились на них. Купол рухнул и придавил султана. А Мухаммед, завладев алмазом, вставил его в серебряную подкову и до конца своих дней носил на груди в качестве талисмана.

Словом, уже на своей родине история алмаза

приобрела некую зловещую окраску. И, как это нередко бывает с подобными камнями, продолжение последовало — уже на европейской земле...

В Европе индийский алмаз стал талисманом герцога Бургундского Карла Смелого. Тот был уверен, что камень обезопасит его в сражениях и непременно принесет счастье.

Герцог, по приказу которого алмаз был огранен и стал бриллиантом в 53,33 карата, носил его вставленным в шлем. В битве с наемным швейцарским войском Карл Смелый сумел выиграть поединок с лучшим бойцом противника, ослепив его солнечным зайчиком от бриллианта. На своем боевом скакуне он проскакал вдоль вражеского войска, развернулся на всем скаку и неожиданно для всех встал напротив солнца. Все так и ахнули от этой элементарной тактической ошибки. Однако во время поединка Карл начал мотать головой из стороны в сторону, солнечным зайчиком от бриллианта ослепил противника, а потом проткнул его шпагой.

Поле боя осталось за бургундцами. Владелец камня еще больше уверовал в волшебную силу своего талисмана.

Однако герцог погиб в битве при Нанси в 1477

году. Войско Карла Смелого потерпело поражение; герцог, спасаясь бегством, потерял камень, а затем был убит.

Валявшийся на обледенелом поле бриллиант подобрал швейцарский солдат. Но он не знал цену драгоценным камням и стал пользоваться бриллиантом как кремнем: высекал им огонь для своей курительной трубки.

Потом он продал бриллиант полковому капеллану за один гульден. Капеллан, приняв алмаз за осколок шлифованного венецианского стекла, уступил его некоему торговцу за 7 талеров. Тот продал камень за 100 000 франков богатому французскому маркизу Николасу Гарлею де Санси. Именем маркиза камень и стал называться — «Санси».

Маркиз продал бриллиант королю Франции Генриху III. Когда королем стал Генрих IV, он назначил де Санси министром финансов. В уплату за солдат-наемников министр послал камень, который должен был доставить по назначению его верный слуга.

Но на того напали грабители, слуга маркиза успел проглотить камень до того, как его убили. Стремясь во что бы то ни стало вернуть бриллиант, де Санси отправился к ясновидящей, которая

ему сказала, что камень нужно искать в теле покойного слуги. Мертвого извлекли из могилы и произвели вскрытие. Алмаз нашли в желудке убитого. А Генрих IV, который носил бриллиант в качестве талисмана, был убит в 1610 году. Словом, «Санси» не уберег своего владельца.

Людовик XIV — «Король-Солнце» — носил бриллиант в аграфе — нарядной застежке на шляпе. Впоследствии драгоценный камень был вставлен в корону французских королей. Ею венчали на престол Людовика XV и Людовика XVI.

Но «Санси» не спас Людовика XVI, казненного, как известно, на гильотине. Во время Великой Французской революции камень, стоивший к тому времени миллион ливров, был похищен вместе с другими королевскими драгоценностями. При Наполеоне все они были найдены, кроме бриллианта.

Авторы известных книг о драгоценных камнях Г. Банк и Г. Смит утверждают, что «Санси» выставлялся на Всемирной выставке в Париже в 1867 году, а затем бриллиант был приобретен лордом Астором. Возможно также, что бриллиантом владела и кинозвезда Элизабет Тейлор.

Как же в дальнейшем могла сложиться судьба бриллианта? Можно предположить два ва-

рианта: «Санси» был продан какому-нибудь государству или частному лицу или бриллиант остался в семье принца Павла Югославского и его наследников.

Предательство и смерть

Возле Голконды, в центре Индостана, в бассейне реки Кришны были найдены самые крупные и необычные бриллианты — такие как «Кохинур», «Шах», «Регент». Здесь же в 1640 году нашли камень, получивший название «Великий Могол».

Старейший драгоценный камень «Великий Могол» весом в 800 каратов «обосновался» у великих Моголов. И этот бриллиант, по преданию, стал по-настоящему «кровавым». Из-за него ссорились и гибли самые близкие родственники — сестры и братья, отцы и дети, жены и мужья. Легенда об этом алмазе не красивая выдумка великих Моголов. Известный французский путешественник и ювелир Жан-Батист Тавернье утверждает, что видел этот камень. Упоминание о нем встречается в его путевых заметках об Индии. По его словам, «Великий Могол» принадлежал Аурангзебу и хранился в его царской сокровищнице в Агре, столице Индийской империи. Согласно его описанию, алмаз был огранен в виде высокой и

не очень правильной розы.

Больше никто из европейцев не видел бриллиант — в любом случае, письменных свидетельств этого не осталось. Историки подозревают, что камень мог попасть в казну Надир-шаха после того, как тот разграбил Дели. Разумеется, искали следы и среди тех камней, которые известны в Европе. В первую очередь, подозревали «Кохинур» — звезду королевской короны, что это и есть бывший «Великий Могол». Однако никто не может ни подтвердить этот факт, ни опровергнуть его...

К концу XIX века появилась еще одна легенда, гласившая, что известный бриллиант — это нынешний «Орлов». Частично это подтверждалось историями о том, что «Великий Могол», так же как и «Орлов», имеет кровавую историю. Где в действительности в данный момент находится «Великий Могол», с уверенностью утверждать не может никто.

Заклятие глаза Рамы

Очень давно этот алмаз был глазом бога Рамы, и всякого, кто овладел этим камнем, ждали болезни, гонения, бесчестье и в конце концов неотвратимая смерть. В самом деле, большой синий алмаз редкой красоты был ввезен в Европу

из Индии.

Путешествие камня из рук в руки начинается с воровства: в 1642 году ювелир Жан-Батист Тавернье привез для «Короля-солнца» Людовика XIV сорок четыре больших алмаза; среди них был и огромный, редкого цвета алмаз. Как, где и за какую цену Тавернье приобрел именно этот камень, он не говорил. Предполагается, что он его украл, за что на него и всех других владельцев было наложено проклятие. В возрасте 84 лет Тавернье умер в России. Причина его смерти неизвестна: по легенде, он был разорван собаками. Кстати, не только алмаз попал тогда в Европу из Индии, но и чума, унесшая миллионы жизней.

Людовик очень гордился камнем и прозвал его «Голубым алмазом короны», он часто носил его на длинной ленте на шее. Маркиза де Монтеспан, негласная жена Людовика, тоже носила алмаз, но вскоре потеряла расположение короля. Сам Людовик XIV умер в страшной горячке от гангрены.

После смерти Луи XV его внук, ставший королем Людовиком XVI, был обезглавлен во время революции. Та же участь постигла его жену, королеву Марию-Антуанетту, и всю королевскую семью. Принцесса Ламбаль, которой королева Мария-Антуанетта однажды дала алмаз напро-

кат, была растерзана разъяренной толпой.

Во время революции все сокровища французской короны были изъяты у королевской семьи после их попытки покинуть Францию в 1791 году. Драгоценности, включая голубой камень, остались в сокровищнице, но без надлежащей охраны, и с 12 по 16 сентября 1792 года она была несколько раз ограблена, причем этого не заметили. Большинство драгоценностей нашлось, но алмаз был утерян. Он, очевидно, переходил из рук в руки, поэтому точно неизвестно, сколько бед он принес своим владельцам в этот период. Известно лишь, что Вильгельм Ваале, голландский ювелир, переогранил алмаз, чтобы скрыть его настоящее происхождение, но был ограблен и убит собственным сыном Генрихом Ваалсом, который в 1830 году покончил с собой. Потом алмаз перешел к Франсуа Буле, торговцу алмазами, который вскоре умер в нищете.

В 1839 году алмаз оказался у Генри Филиппа Хоупа, по имени которого получил свое имя: «Blue Hope» — «Голубая Надежда».

Генри Филипп Хоуп был самым известным лондонским банкиром и коллекционером алмазов, но тем не менее в своем каталоге он не сделал ни одной пометки об истории камня. А зря. У него

умер единственный ребенок, и камень перешел к племяннику Генри Томасу Хоупу, у которого был несчастливый брак, а вскоре последовал полный финансовый крах.

Камень заполучил Жак Коле, который сошел с ума и покончил с собой, а следующим обладателем стал князь Иван Канитовский. Он был убит русскими революционерами, а перед этим успел убить свою любовницу Лоренс Ладю, которая у него одолжила алмаз.

Следующий хозяин «Голубой надежды», испанец, был поглощен морской пучиной. После этого супружеская пара, владевшая солитером, погибла в 1912 году вместе с «Титаником».

Еще одним владельцем был греческий торговец драгоценностями Симон Монсаридис, который не справился с управлением и упал на машине в пропасть: погиб не только он, но и его жена и ребенок. «Надежда» досталась персидскому торговцу по имени Хабиб Бей, но он владел алмазом совсем недолго, так как утонул во время крушения французского парохода в 1909 году.

В том же году за 400 тысяч долларов алмаз купил турецкий султан Абд-аль-Хамид. После этого турецкая империя начала разваливаться. Кроме всего прочего, из-за проклятия пострадало и еще

несколько придворных: слуга, полировавший камень, был пойман повстанцами, которые его пытали, а потом казнили; любимая наложница султана, которая несколько раз носила алмаз, была найдена зарезанной; один чиновник пытался похитить «Голубую надежду», но был пойман и казнен, а хранителя султанских драгоценностей повесила толпа турков.

Алмаз еще несколько раз менял владельцев, пока не попал в руки Пьеру Картье. Картье продал «Голубую надежду» богатой Эвелин Уолш Маклин. Она считала, что все предметы, приносящие неудачу, для нее становятся талисманами.

Несмотря на то что Эвелин носила его как талисман, она тоже пострадала от проклятия: в возрасте всего девяти лет ее сын попал под машину и скончался; ее дочь в возрасте 25 лет покончила с собой после передозировки наркотиков, а муж, процветающий бизнесмен, ушел к другой женщине, потом стал алкоголиком, сошел с ума и умер в психлечебнице.

После смерти Эвелин в 1949 году, все драгоценности пошли с молотка, чтобы оплатить ее долги. «Голубую надежду» купил нью-йоркский ювелир Гарри Уинстон, который давал ее для показа или для ношения на нескольких благотворительных

мероприятиях. Тот рассуждал так: «Видал я всякие камни, и все их страшилки — чушь собачья». Он выставлял «Хоуп», собирая деньги на благотворительность.

В 1958 году Уинстон пожертвовал алмаз Смитсоновскому институту, так как давно думал о создании национальной коллекции драгоценных камней.

Он суеверно послал его обернутым в простую крафтовую бумагу (у ювелиров свои приметы), но камень не преминул выкинуть свой последний фортель. Через несколько дней посыльный попал под грузовик, но выжил. Тогда сгорел его дом, похоронив под руинами жену и собаку.

По сей день алмаз «Блю Хоуп» представлен на всеобщее обозрение как часть коллекции минералов и драгоценных камней в Национальном музее естественной истории в США.

Дар за убийство русского посланника

Ахмаднагар — государство, существовавшее в Индии в XVI–XVII веках. Оно располагалось к северо-западу от Голконды. Столицей государства был город Ахмаднагар. Акбар подчинил Ахмаднагар, в котором захватил много слонов и драгоценностей, среди них был алмаз «Шах».

У Джехан-шаха, потомка Акбара, было четверо сыновей — Дара, Шуджа, Аурангзеб и Мурад. Борьба за власть между сыновьями, а также между сыновьями и отцом привела к тому, что Аурангзеб (в переводе «украшение трона») оказался удачливее своих братьев и в 1658 году силой захватил престол. Став правителем, Аурангзеб смог получить от отца только часть драгоценностей, и то благодаря содействию сестры. Так, «Шахом» он завладел скорее всего в 1660 году. Остальные драгоценности остались у Джехан-шаха, который заявил мятежному сыну: «Если будешь отнимать драгоценности силой, я их уничтожу». Аурангзеб смирился. После смерти отца Аурангзеб завладел всеми драгоценностями, в том числе часть из них отнял у брата Дара, которого впоследствии обезглавил.

«Шах» для Аурангзеба выполнял роль талисмана, то есть служил оберегом. Во времена царствования Аурангзеба с «Шахом» случилось необычное происшествие. Падишах подарил «Шах» одному из своих военачальников Афзал-хану; последний верил в чудодейственную силу алмаза, поэтому спрятал его в тюрбан, который с головы больше не снимал. Существует легенда, что Аурангзеб решил расправиться с племенем

маратхами и послал против них войско под началом Афзал-хана.

Обе армии сошлись в узком ущелье. Понимая, что в этих условиях войска не могут развернуться, Афзал-хан решил прибегнуть к хитрости. Он пригласил вождя племени Шиваджи якобы на дружескую встречу на вершине холма. Туда должны были подняться оба полководца без оружия.

Вероломный Афзал-хан спрятал в своей одежде кинжал, которым ударил Шиваджи, делая вид, что обнимает его. Кинжал только скользнул по кольчуге, в которую был одет вождь маратхов, не причинив ему никакого вреда. Зато Шиваджи, обнимая Афзал-хана, вонзил в его тело спрятанные в рукавах железные когти.

Затем, по зову вождя, на холм взобрались маратхские воины, и один из них обезглавил могольского полководца. Когда голова ударилась о землю, из тюрбана выпал алмаз.

Обагрившись свежей человеческой кровью, он покатился к ногам вождя маратхов. Оставшееся без полководца могольское войско потерпело сокрушительное поражение.

В 1739 году на Индию напал правитель Персии Надир-шах. В битве при Карнале (недалеко отДели) он наголову разбил армию падишаха

Мохаммед-шаха и 20 марта со своим войском вступил в Дели. На другой день в городе распространился слух о том, что Надир-шах скончался. Жители Дели поверили слухам, осмелели и стали нападать на солдат-захватчиков. В ответ на эти действия горожан коварный Надир-шах приказал произвести в городе погромы и резню, в результате чего было убито 10 тысяч человек. Вслед за этим событием солдаты Надир-шаха принялись собирать дань с населения и отбирать драгоценности. В течение двух месяцев, которые Надир-шах пробыл в Дели, продолжались розыски и изъятие имущества и драгоценностей. В руки Надир-шаха попали Павлиний трон, алмаз «Шах» и другие драгоценности.

В 1747 году Надир-шах решил подавить восстание в Сеистане, но в лагере под Хабушаном был зарезан ночью в своей палатке. Служившие у Надир-шаха афганцы во главе с Ахмад-ханом Абдали, воспользовавшись случаем, захватили в его лагере ряд драгоценностей и бежали в Кандагар.

В 1794 году власть в Персии перешла к Ага Мохаммед-хану Каджару, основавшему династию Каджаров. В 1796 году он отправился на завоевание Мешхеда; Шахрух-мирза сдал город без боя, а сам оказался в плену. Ага Мохаммед-хан

знал, что у Шахруха-мирзы есть драгоценности и предложил ему отдать их добровольно. Шахрух отказался. Ага Мохаммед-хан приказал его пытать, и Шахрух был вынужден отдать завоевателю все драгоценности. Перед новым походом он назначил наследником престола своего племянника Фатх-Али-шаха. Ага Мохаммед-хан словно предчувствовал, что его дни сочтены. И действительно, во время похода в Шуше произошло такое событие. Двое слуг Ага Мохаммед-хана в чем-то провинились и на другой день должны были быть казнены. Но слуги не хотели умирать. Они пробрались глубокой ночью в спальню Ага Мохаммед-хана и зарезали его.

В это время наследник престола Фатх-Али-шах находился в Ширазе. Узнав о смерти дяди, он немедля выступил в Тегеран и утвердился на престоле Персии. Все драгоценности перешли к нему.

Как же алмаз «Шах» из Персии попал в Россию? Летом 1826 года началась русско-персидская война. В 1828 году в местечке Туркманчай был подписан мирный договор между Россией и Персией, который был почетен и выгоден для России.

В конце 1828 года в Тегеран приехал в качестве

русского посланника А. С. Грибоедов, автор комедии «Горе от ума» и блестящий дипломат.

Требования А. С. Грибоедова о выполнении Туркманчай-ского договора (выплата контрибуции, выдача русских военнопленных) вызвали недовольство у персидских сановников. Оно подогревалось английскими дипломатами. А в мечетях было объявлено, что русский посланник нарушает законы и обычаи страны. Был брошен призыв напасть на русскую миссию и расправиться с Грибоедовым.

Наступило 11 февраля 1829 года, рассвирепевшая толпа подошла к дому посольства. По свидетельству К. К. Боде, который был первым секретарем посольства в Персии, один из конвойных казаков выстрелом из пистолета убил персиянина. Его труп отнесли на дворцовую площадь, где, разжигая страсти, собралось многочисленное духовенство. Народ снова явился к посольству.

А. С. Грибоедов и остальные члены миссии приготовились к осаде. Но непредвиденный случай ускорил развязку. Дело в том, что близ самого дома русского посольства находились бахтиарцы из племени лур, одного из самых буйных и диких племен, населявших горные местности.

Бахтиарцы, как кошки, перелезли через стены и выбрались на плоскую крышу русского посольства. Затем просверлили широкие отверстия в потолке и начали стрелять в сотрудников миссии. А. С. Грибоедов был убит одним из первых. А тем временем мусульманская чернь ворвалась в ворота и перебила всех казаков.

Труп Грибоедова толпа потащила по улицам и базарам города. Когда об этом узнал шах, то приказал отобрать труп и уведомить первого секретаря Мальцева, который спасся, потому что жил не в посольском доме, а на квартире. Мальцев препроводил бренные останки Грибоедова в Тавриз.

В «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года» А. С. Пушкин рассказал о встрече с мертвым Грибоедовым: «Я переехал через реку. Два вола, впряженные в арбу, подымались по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу. «Откуда вы?» — спросил я их. — «Из Тегерана». — «Что вы везете?» — «Грибоеда». — Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис...

Он погиб под кинжалами персиян, жертвой невежества и вероломства. Обезображенный труп его, бывший игралищем тегеранской черни, узнан был только по руке, некогда простелен-

ной пистолетною пулею».

Убийство русского посланника грозило Персии осложнениями во взаимоотношениях с Россией, ибо русское общество заволновалось. Персия понимала, что должна умилостивить русского царя. Персидский правитель Фатх-Али-шах приносит извинения Николаю I в связи со случившимся инцидентом, посылает ему подарки, среди которых знаменитый алмаз «Шах». Николай I был удовлетворен полученными от шаха подарками, а также извинениями и даже понизил контрибуцию с Персии на 2 миллиона рублей.

И хотя горько сознавать, что за убийство великого человека было заплачено драгоценным камнем, все же надо отдать должное алмазу «Шаху», что он предотвратил возможную новую войну между Россией и Персией.

В один из холодных апрельских дней 1922 года в промерзшее помещение Оружейной палаты в Кремле внесли сундуки с драгоценностями. Вскрыли тяжелый железный сундук. Внутри сундука лежали в спешке завернутые в папиросную бумагу драгоценности русского двора. Из него достали несколько сверкающих самоцветов. В маленьком пакете, завернутом в простую бумагу, лежал знаменитый «Шах».

Сейчас «Шах» красуется в одной из витрин Алмазного фонда в Кремле.

INFO

(385)

2011

Главный редактор
Евгений КУЗЬМИН
Художник
Андрей СИМАНЧУК

Адрес редакции
127015, Москва, ул. Новодмитровская, 5а, офис 607
Телефон редакции (495) 685-47-06
E-mail real@iskatel.net
office@iskatel.net
info@iskatel.net
art@iskatel.net
Сайт www.iskatel.net
Телефоны для размещения рекламы
(495) 685-47-06, (495) 685-39-27
Служба распространения
(495) 685-59-01, (495) 685-66-87
E-mail mir_isk@orc.ru

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-35888 от 31 марта 2009 г.

Учредитель и издатель журнала
ООО «Книги «Искателя»
© «Книги «Искателя»
ISSN 0130-66-34

Распространяется во всех регионах России,
на территории СНГ и в др. странах

Подписано в печать 17.01.2011 Формат 84x108 1/32.
Печать офсетная. Бумага газетная. Усл печ. л. 8,4.
Лицензия № 06095. Заказ № К-4836.

Отпечатано в ГУП «ИПК «Чувашия»,
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13.

ИСКАТЕЛЬ

.....

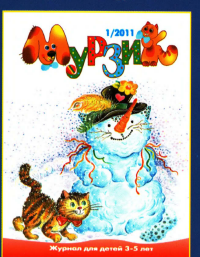
Сканирование
и обработка CRAZY_BOTAN

FB2 — mefysto, 2026

детектив · фантастика · приключения

ИСКАТЕЛЬ

журнал «Мурзик»



журнал «Колокольчик»

ISSN 0130-6634